

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ

ВѢСТНИКЪ.

Ж У Р Н А Л Ъ

СЛОВЕСНОСТИ, ТЕАТРА, НОВОСТЕЙ и МУЗЫКИ,

НА 1831 ГОДЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

Егоромъ Аладьинымъ.

Т О М Ъ П.

С А Н К Т П Е Т Е Р Б У Р Г Ъ ,

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФИИ ШТАБА ОТДѢЛНАГО КОРПУСА
ВНУТРЕННЕЙ СТРАЖИ.

1831 ГОДА.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

**съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представле-
ны были въ Ценсурный Комитетъ *три*
экземпляра.**

С. -Петербургъ, 16 Февраля 1831 года.

Ценсоръ *П. Гаевскій.*

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ПОХОЖДЕНІЯ ХАДЖИ-БАБЫ въ ПЕРСІИ и ТУРЦІИ. (*)

Часть I, Глава XVIII.

Объясненіе съ Мирзою Ахмакомъ на счетъ жалованья.
Неудача. Праздпость. Любовь.

Я жилъ въ домѣ Мирзы Ахмака болѣе какъ другъ, нежели какъ слуга. Онъ позволялъ мнѣ сидѣть въ его присупствіи, приглашалъ меня къ обѣдамъ. и давалъ куришь изъ своего казіана. Въ то же самое время я не пропускалъ случаевъ ѣсть, пить и куришь съ его слугами. Этого образъ жизни опнюдь не соопвѣпствовалъ моимъ видамъ. Все, что получилъ я отъ него по сію пору, заключалось въ двухъ червонцахъ, изпоргнушыхъ у него за пилюлю, собственнымъ моимъ проворствомъ. Я рѣшился съ нимъ объясниться.

Однажды, *Хекимъ-баши* возвратился изъ Арка, восхищенный ласковымъ приемомъ Шаха, копорый заспавилъ его дожиданья безъ

(*) Опрывокъ изъ новаго романа, копорый уже печатается и выдѣпъ въ свѣтъ въ Апрель мѣсяцѣ нынешняго года.

пущей под своимъ окномъ, на краю мраморнаго пруда, только два часочка, вмѣсто обыкновенныхъ шести часовъ. Онъ съ восторгомъ пересказывалъ мнѣ, какъ Средоточіе Вселенной бранилъ Франческаго докшора, и увѣрялъ, что онъ не достоинъ носить баинмаковъ за Мирзою Ахмакомъ. Я воспользовался симъ счастливымъ расположеніемъ духа, и сказала: — „Конечно, Шахъ говоритъ правду: Кто найдется равный вамъ во всей Персіи? Если Франки хотѣли бы знать, что такое значилъ врачевная наука, то пусть приходятъ поучиться у васъ. *Машиаллахъ!* (1) вы золото, жемчугъ, истинное сокровище для нашего Шаха!“ —

Мирза Ахмакъ улыбнулся, взялъ камианъ изъ своихъ устъ, и опдалъ его мнѣ, глядя себѣ бороду и покручивая усы съ примѣшнымъ удовольствіемъ.

— „Я желалъ бы, буде угодно Аллаху, быть участникомъ вашей славы; но я мѣне собаки — я ничто, лишь кусокъ ничтожной глины, получающей все свое благоуханіе отъ соседства съ розою.“

— „Эшо что за рѣчи, Хаджи?“ воскликнулъ Мирза. „Вы уныли духомъ, что ли?“

— „Я скажу вамъ прищчу, Мирза,“ примолвилъ я. „Въ оное время была собака, видомъ и уловками очень похожая на волка. Она

[1] Да будетъ воля Аллаха!

бѣгала по лѣсамъ и давила барановъ, вмѣстѣ съ волками, а возвращаясь домой, жила съ собаками, какъ наспоющая собака, и приспавала ко всѣмъ ихъ забавамъ. Но, мало по малу, собаки примѣшили, что она брашнается съ волками, и начали опъ нее бѣгать. Вскорѣ потомъ и волки открыли, что она не ихъ сестра, а изъ прямыхъ собакъ, и исключили ее изъ своего общества. Опринушая всѣми и удрученная голодомъ, она рѣшилась наконецъ бытъ или волкомъ или собакою.“

— „Какая же заключается въ этой припчѣ мудрость?“ спросилъ Мирза.

— „А вопъ какая мудрость,“ отвѣчалъ я. „Эта собака — я. Вы позволяете мнѣ сидѣть вмѣстѣ съ вами, курить изъ вашего каліана и бесѣдовать съ вашими друзьями: но какая мнѣ опъ этого польза? Я все таки остаюсь слугою, хопя и не участвую въ выгодахъ сего званія. Я ничего не получаю. Определите мнѣ, Мирза, какую нибудь постоянную должность въ вашемъ домѣ, и назначьте жалованье.“

— „Жалованье?“ воскликнулъ онъ: „я никому не даю жалованья. Мои люди живутъ нѣмъ, что могутъ выманить для себя у моихъ націентовъ. Они кушаютъ остающееся опъ моего стола, и въ *Нюу-рузъ* (Новый годъ) получаютъ опъ меня по кафтану. Что жъ имъ нужно болѣе?“ —

Въ эту минушу взошелъ на дворъ скороходъ Шаха, принёсшій Мирзѣ опъ имени Тѣни Аллаха на земли пару куропатокъ, пойманныхъ придворными соколами. Сей отличный знакъ Высочайшаго благоволенія привелъ Главнаго Врача въ неизъяснимый восторгъ: онъ приложилъ куропатокъ къ челу съ благоговѣнїемъ, и воскликнулъ: — „Да не уменьшился никогда милость Падишаха! Да умножится его богатства, и да продлится его льва до послѣдняго года міра!—Видишь, Хаджи, какой снисходительный, какой ласковый Шахъ! Онъ умѣетъ отдавать справедливостъ моимъ заслугамъ. *Валлахъ! билляхъ!* (клянусь Аллахомъ), въ цѣлой Вселенной нѣтъ Шаха лучше его.“ —

Но скороходъ пребовалъ для себя подарка. Мирза Ахмакъ выслалъ ему пять шяспровъ, кои придворный служитель опринулъ съ негодованїемъ. Онъ предложилъ ему шюмень, но и шюпь былъ возвращенъ. Наконецъ, прибавляя безпреспанно по червонцу, онъ принужденъ былъ подарить сполько, сколько самъ скороходъ назначилъ, именно, пять шюменовъ, кошорые и выслалъ ему съ крайнимъ опчаянїемъ. Все достоинство куропатокъ вдругъ исчезло въ его глазахъ: онъ пришелъ въ изступленіе, бросилъ на землю Царскій подарокъ, и вскричалъ: — „Развѣ это милостъ? Это разбой, грабежь! Шахъ не дастъ

своимъ слугамъ жалованья, а посылаешь ихъ къ намъ съ ничтожными подарками, для того, чтобъ мы ихъ награждали. И эти бездушники велятъ платишь себѣ, безъ стыда, безъ совѣсти, что имъ самимъ угодно! Не наградишь же ихъ щедро, то, когда убѣжище Міра случайно прикажетъ высѣчь васъ по пятамъ на Порогѣ Счастія, эти негодли гоповы опомстятъ пакъ, что выгонятъ вамъ душу чрезъ все опверзніа пѣла. Умно сказалъ Сади, что на дружбу Шаховъ не болѣе можно полагаться, чѣмъ на . . . . .“ —

Тунъ Мирза Ахмакъ неожиданно подавилъ краснорѣчивый порывъ своего негодованія: онъ, вѣроятно, смекнулъ, что, оскорбивъ меня опказомъ въ жаловань, могъ бы нажить себѣ во мнѣ опаснаго доносчика. Фелекъ, съ палками и феррашами, предспавился его воображенію въ споль ужасномъ видѣ, что онъ немедленно поднялъ куропашокъ съ земли, обласкалъ меня дружескими словами, и поспѣшно спряпался въ свой гаремъ; а я опять остался ни волкомъ, ни собакою.

Будучи принужденъ опложить свою просьбу до другаго удобнѣйшаго случая, я между шѣмъ продолжалъ проживать въ домѣ Мирзы Ахмака въ совершенномъ бездѣйствіи. Ремесло его ни сколько меня не прельщало: я скучалъ и былъ недоволенъ собою; но безъ денегъ и покровителей, некуда было дѣваться.

Между тѣмъ прошло весеннее время, и настали жары. Я не хотѣлъ спать въ душной комнатѣ нижняго яруса, вмѣстѣ съ поваромъ и поспельничимъ, и перенесъ свой пюфякъ на плоскую крышу дома, откуда (скажу мимоходомъ) можно было удобно видѣть дворъ женскаго отдѣленія. Онъ имѣлъ видъ правильного чешвероугольника, и былъ усаженъ розовыми кустами, ясминами и пополюю: посреди возвышались подмопки изъ досокъ съ навѣсомъ, на коихъ разоспаны были пюфяки: на нихъ, въ знойныя лѣтнія ночи, покоились обшпательницы шерема, коего окна кругомъ выходили на дворъ. Я примѣшилъ на дворѣ нѣсколько женщинъ, изъ коихъ ни одна не поражала меня своею красою: но когда, однажды, онѣ меня завидѣли, то, всѣ вдругъ, подняли такой шумъ и такими осыпали меня ругательствами, что я пошераль всю охоту любопытствовать въ эту спорону.

За всѣмъ тѣмъ, однажды, я сплалъ свою постель въ углу крыши, и случайно, чрезъ отверстие, находившееся въ стѣнѣ, отдѣляющей оную отъ смежной крыши шерема, увидѣлъ молодую женщину, которая подбирала въ пучки и развѣшивала табачныя листья. Голубое покрывало, брошенное небрежно кругомъ шеи, и двѣ длинныя косы волосъ, низпадающія съ висковъ и доспадающія до поверх-

ности крыши, когда она наклонялась, скрывали большую часть ее лица; но оспальная часть онаго, ее маленькія ручки, выкрашенныя *хиною*, бѣлая, чудесная ножка; и вся ее наружность показывали милое, прелестное существо. Пылая нешерпѣніемъ увидѣть ее вполнѣ, я шаркнулъ слегка по крышѣ, и пока она, оглядываясь кругомъ себя, успѣла накинуть на голову покрывало, я имѣлъ время примѣтить ангельское, очаровательное личико, какого воображеніе самого Пророка представить себѣ не въ состояніи. Пламень пробѣжалъ по всѣмъ моимъ жиламъ: въ одно мгновеніе сердце мое возгорѣлось сильнѣйшею страстью, и я почти лишился чувствъ. Она показывала видъ, будто обижаемая моею наглостью, но, по временамъ, бросала украдкою взгляды на опверзніе, за коимъ я находился. Черные, большіе глаза ее, исполненные огня и нѣги, довершили дѣйствіе перваго впечатлѣнія: я влюбился безъ памяти. Замѣтивъ, что я пристально на нее гляжу, она сказала, не прерывая своей работы:— „Зачѣмъ вы на меня смотрите? Это *харамъ*, непозволительно!“

— „Заклинаю васъ именемъ благословеннаго Хусейна, не отворачивайтесь отъ меня!“ примолвилъ я. „Любовь не есть *харамъ*: ваши глаза превратили сердце мое въ жаркое.

Ради вашей мапери, позволите мнѣ еще разъ взглянуть на ваше лице!“

— „Зачѣмъ вы этого опть меня пребуете?“ сказала она, уже гораздо тише, чѣмъ прежде. „Вы знаете, что для женщины большой грѣхъ показывать свое лице. Вы мнѣ ни башюшка, ни бранѣ, ни супругъ. Я даже васъ не знаю. Какъ вамъ не смѣшно такъ говоришь съ дѣвушкой?“ — При сихъ словахъ она, какъ будто ненарочно, уронила свое покрывало, и я увидѣлъ опять лице, которе мнѣ показалось еще обворожительнѣе прежняго. Сурма, покрывавшая ея вѣки, и большія, густыя ресницы дивнымъ образомъ усиливали опмѣнную черноту глазъ ея. Тонкія брови сходились легкими полукружіями надъ прекраснымъ орлинымъ носомъ; малыя, розовыя ушна дышали сладосією и невинностією, открывая два ряда чудесныхъ зубовъ, „уподобляющихся зернамъ града;“ наконецъ прелестная, среди бороды, ямочка, щцательнао разрисованная голубою краскою, усугубляла красу лица, „сіяющаго блескомъ дня, среди ночной шемноты волосъ,“ (1). Взглянувъ на все, я увидѣлъ вдругъ всѣ иперболы, метафоры и сравненія нашихъ стихопворцевъ: шугъ быми и полвыя луны, и кинарисы, и нѣжно-глазыя тазели, и сахароядные попугаи. Не владея болѣе собою, я уже хотѣлъ перескочить чрезъ

[1] Любимыя сравненія Воспощныхъ Поэтовъ.

стѣну, и прижать ее къ своему сердцу, какъ вдругъ услышалъ на дворѣ сварливый, пронзительный голосъ, повторительно и съ нестерпимымъ зовущій: *Зинебъ! Зинебъ!* Моя красавица мгновенно исчезла. Я остался въ совершенномъ ошолбенѣніи. Въ надеждѣ, что она возвратится, я долго еще сидѣлъ, какъ прикованный, у моего отверзтія, заглядывалъ, подстерегалъ, уставлялъ ухо при всякомъ малѣйшемъ шорохѣ; но не слыхалъ вичего болѣе, кромѣ того же самаго тонкаго скрипучаго голоса, который попеременно нападалъ внизу на всѣ предметы и на всѣхъ живущихъ тварей, и, несомнѣнно, происходилъ изъ краснорѣчивыхъ устъ жены Мирзы Ахмака, славившейся въ цѣломъ домѣ своимъ сердитымъ правомъ и грознымъ обращеніемъ съ Главнымъ Врачемъ Средопочія Вселенной.

Я хотѣлъ удалиться къ своей постелѣ, когда, около полуночи, послѣ нѣкошораго промежутка тишины, опять услышалъ поплѣ же знакомый голосъ и слова: — „Зинебъ! куда ты таскаешься? Зачѣмъ не ложишься спать?“ —

Я не могъ услышать опивѣта Зинебы, но вскорѣ потомъ вторично увидѣлъ ее на крышѣ. Сердце во мнѣ забилося; я непременно хотѣлъ перелѣзть на ту сторону; но она, поспѣшно собрала табакъ въ корзину, и по

бѣжала внизъ спрѣлою, сказавъ мнѣ только въ полголоса: — „Завтра, ночью, будь здѣсь: я приду.“ — Я не буду описывать и не помню, что со мною происходило въ теченіе всей этой ночи: влюбленные сами легко пополняютъ сей пропускъ всѣми извѣстными мученіями страсти и порывами любовнаго восторга: знаю лишь то, что на другой день я проснулся тогда только, когда лучи палящаго солнца уже почти обожгли мнѣ бороду.

Часть II, Глава I.

Ночное свиданіе. Внутренность гарема.

— „И такъ я влюбленъ!“ сказалъ я про себя, пропирая глаза. „Хорошо! увидимъ, что такое любовь? Мирза Ахмакъ не хочешь давать мнѣ жалованья: „да опустѣешь домъ его, если я не проучу этого скрягу, какъ должно беречь свою собственность!“ — Въ ожиданіи вечера, я рѣшился провести день по точному примѣру любовниковъ высшаго яруса. Я одѣлся съ большимъ тщаніемъ; расчесалъ и покрутилъ кудри и усы; щегольски подвязалъ поясъ, двинулъ шапку на ухо; потомъ свернулъ носшель, снесъ ее внизъ въ поварскую, и самъ пошелъ въ баню. Тушь я просидѣлъ все утро, поя любовные стихи при баламайкѣ; опшуда пустился бродить по

городу безъ цѣли, расхаживалъ по гульбищамъ и рощамъ, почивалъ подъ кипарисами, нюхалъ безпрестанно розу, и, за немѣнѣемъ соловьевъ, восхищался голосомъ воробьевъ и воронъ.

Я воропился домой къ ужину; но *Хекиль-баши* долго не прїѣзжалъ изъ Арка: и такъ я, сказавшись предъ людьми больнымъ, взялъ свой шюфякъ подъ мышку, и пошелъ на крышу ужинать, подобно *Меджнуну*, *пилавомъ* изъ нѣжныхъ взглядовъ моей прелестницы (1). Я дожидалъ ее очень долго, заглядывалъ въ опверзціе, кашлялъ, вздыхалъ, подслушивалъ: но она не появлялась. На крышѣ видны были однѣ лишь корзины съ шабачными листьями, разбросанными въ безпорядкѣ.— „Не уже ли она хотѣла съиграть со мною шумку? — помышлялъ я неоднократно, перзаемый страстью, неперпѣнѣемъ, досадою. Наконецъ, уже довольно поздно, шумъ раздался внутри шерема и, поспешенно усиливаясь подобно грому, разразился на дворѣ съ необыкновеннымъ шрескомъ.

— „О какой полкуешь ты мнѣ работѣ, чоршова дочь?“ вопилъ извѣспный пропзительный голосъ. „Чпо ты дѣлала цѣлый день? Кпо тебѣ велѣлъ ходишь въ баню? Какая тебѣ нужда шаскаться по кладбищамъ?“

[1] *Пилавъ* есть родъ рисовой каши, любимое блюдо Воспочныхъ. *Меджнунъ* и *Лейле*, извѣспные Воспочные любовники.

Надобно было напередъ сдѣлать свою работу. Такъ ты будешь разгуливать, а я должна быть швоею невольницей, что ли? Спуйай немедленно разбирашь табакъ: не дамъ ни ѣсть, ни пить, ни спать, пока все будетъ сдѣлано. Работай хоть всю ночь; а если оспавишь не окончивъ, то, *валлахъ! биллахъ!* (ей! ей!) буду съчь по подошвамъ, доколь не сгоню ногшей съ ногъ.“ — За симъ я слышала еще нѣсколько бранныхъ иперболь и сполько же вспомогапельныхъ полчковъ, и немедленно привѣспивовала свою возлюбленную на крышѣ. Она видѣла меня, но не хотѣла примѣчать, доколь буря внизу не упихла совершенно и всѣ не легли спать. Между шѣмъ я бросала на нее нѣжные взгляды, выпускала чувспвипельные вздохи, и въ промежуткахъ удивлялся изобрѣпательности любви, которая внушила ей споль замысловатое средство къ обезпеченію безопасности нашего свиданія. Коль скоро тишина водворилась въ домѣ, она подошла ко мнѣ, и въ одно мгновеніе очутилась въ моихъ объятіяхъ. Луна, скользя по звѣздному своду, блѣдными, дрожащими лучами освѣщала порывы пламенной любви, о копорыхъ считаю излишнимъ здѣсь разпроспраняться.

Когда достаточно познакомились мы другъ съ другомъ, Зинебъ обѣщала рассказать мнѣ свою испорію въ удобнѣйшее время, а на

первый случай дала свободное печеніе негодованію своему на жену Мирзы Ахмака. — „Слышалъ ли ты, какъ эпа женщина меня называла?“ сказала несчастная дѣвушка, заливаясь слезами: „она всегда шакъ со мною обращается, бранишъ меня безпрестанно: я сдѣлалась менѣе собаки. Всякъ меня преслѣдуетъ; никто не хочетъ бытъ за мною, мои чревы превратились въ воду, душа во мнѣ засохла. Что жъ дѣлать? — я невольница. Но какъ она смѣетъ называть меня чорпОВОЮ дочерью? Я Курдинка Езиди — это правда: мы боимся чорша — да кто жъ его не боится (1)? Но все я не чорпова дочь! Ахъ, если бъ я вспрѣшлась съ нею въ нашихъ горахъ — доказала бъ я ей, что значить Курдская дѣвушка!“ —

Я спарался утѣшить ее всѣми мѣрами; но она не предвидѣла возможности, чтобы судьба ея когда либо улучшилась. Въ разговорѣ съ нею, я узналъ множествено любопытныхъ подробностей о пайнахъ Ахмакова шѣрема. Жена его, за годъ предъ симъ, была невольницею Шаха, который, желая удалить ее изъ своего гарема, за какой-то неприличный поступокъ, приказалъ *Хекиль-башъ* на ней жениться. Она принесла къ нему въ домъ всю надменность опсжавныхъ любовницъ Средо-

---

[1] По мнѣнію Восточныхъ, Курды тайношвенной секты *Езиди* поклоняются чоршу.

почія Вселенной, которыя мужей своихъ не спавяшъ въ прахъ, слушаемый съ шуфлей, и обращающя съ ними, какъ съ своими невольниками. Мирза Ахмакъ, происходя самъ изъ низкаго званія, присѣсть даже не смѣетъ въ присутствіи своей супруги, доколѣ она не прикажетъ. Но какъ ни одинъ *Хекиль-баши* земнаго шара не чуждъ человѣческихъ слабостей, по и нашъ, пишкомъ, воздастъ дань природѣ, и, за свои мученія, спарается опплавивашъ гордой и сердитой женѣ волокитствомъ за ея невольницами, въ особенноти за моею Зинебою, что, съ другой стороны, иногда производитъ въ перемѣ жесточайшія бури ревности, гнѣва, брани и башмачныхъ ударовъ. Каждый взглядъ, шагъ, движеніе мужа подвергается спрожайшему слѣдствію; соглядатаи окружающъ его повсюду, и когда *Ханымъ* (1) уходитъ со двора, по всѣ служанки бывающъ разпредѣлены такъ, что Главный Врачъ никакъ не можетъ нарушить правъ своей супруги.

Желая дать мнѣ почтѣйшее понятіе о внутреннемъ устройствѣ порядочнаго гарема, Зинебъ продолжала слѣдующимъ образомъ: — „Насъ всего пять женщинъ, а госпожа шестая. Я занимаю должность горничной, смотрю за камяномъ барыни; подаю

[1] Госпожа, по же, что Французское *Madame*, собственно значить: *моя Ханша*.

ей кофе и блюда; кожу за ней въ баню; одѣваю, шью платье, сушу крошу и вѣшу табакъ, и стою передъ нею. Ширинъ, Грузинская невольница, находится въ должности *сандукдарши*, или ключницы: она имѣетъ въ своемъ завѣдываніи платье господъ и слугъ, серебро, фарфоръ и всѣ дорогія вещи; ходитъ въ городъ за покупками; печется о заготовленіи съѣстныхъ припасовъ и управляетъ кладовою. Черная невольница, Нуръ-Джиханъ, носитъ званіе *ферраша*, или поспельничаго: она разстилаетъ ковры, чиститъ комнаты, поливаетъ дворъ, употребляется для посылокъ барыни и ея невольницъ, коихъ, въ случаѣ нужды, она же съчешъ палкою по пятамъ, и исправляетъ всю черную работу въ домѣ. Фашиме служитъ намъ кухаркою, а старая Лейле есть родъ надзирашельницы за нами, кои помоложе: она бѣгаетъ съ порученіями барыни въ другіе гаремы, и подшерегаетъ всѣ поступки барина.

„Мы обыкновенно ссоримся и бранимся весь день, тогда, какъ двѣ изъ насъ попеременно стараются жить между собою какъ лучшія дружки, съ исключеніемъ всѣхъ прочихъ. Теперь я въ явной враждѣ съ Грузинкою, Ширинъ, копорая, возмечавъ себѣ, что она оставлена счастіемъ, доспала недавно палисманъ у одного дервиша, и на слѣдующее утро получила ошь нашей *Ханымъ* новое

плашье. Эпо оскорбило меня чрезвычайно: я пошчасъ пошла къ тому же дервишу, и купила себѣ палиманъ, чшобъ достать хорошаго мужа. Въ шопъ же вечеръ я увидѣла шебя на крышѣ: вообрази себѣ, другъ мой, какво мое счастье! Но эпо именно разсорило меня окончателъно съ Грузинкою, шакъ, чшо мы теперъ смертельно ненавидимъ другъ друга: можешъ спашься однако жъ, чшо внезапно мы опяшь будемъ съ нею пріятельницы. Между тѣмъ я состою въ тѣснѣйшей дружбѣ съ Арапкою, Нуръ-Джиханъ, копорая, по моему внушенію, доноситъ госпожѣ на другихъ невольницъ, чшо шолько мнѣ угодно. Одна изъ женъ Шаха прислала недавно нашей *Ханымъ* въ подарокъ *баклаву* (1) и другихъ рѣдкихъ сластей: большую часть оныхъ съѣли крысы, а мы обвиняли Грузинку, копорой за шо порядочно досталось палками по подошвамъ, рукою самой же Арапки, моей сердечной пріятельницы. Мнѣ какъ-шо случилось разбишь любимый спаканъ барыни: Ширинъ получила за него выговоръ, и принуждена была купить другой спаканъ на свои деньги. Теперъ изъ ея рукъ я не принимаю ни кушанья, ни воды, ни кофе, боясь быть отравленною, и она дѣлаешъ шо же со мною: бышь можешъ, чшо пока еще она и не думаешъ подашь мнѣ яду, но предоспорожносшь сего

[1] Родъ пирога съ медомъ и сахаромъ.

рода необходима въ гаремахъ. Мы съ ней дрались только одинъ разъ. Она взбѣсила меня ужасно, сказавъ: *ляанетъ бе шейтанъ!* (да будешь чорпъ проклящъ!), что у насъ, Курдовъ Езиди, почитается жесточайшею бранью: я бросилась на нее, уцѣпилась за волосы, и вырвала почти всю косу, осыпавъ ее ругательствами, какія только слышала на языкѣ Персидскомъ. Старая Лейле насилу насъ развела, и какъ она, съ своей стороны, добавила къ нашей ссорѣ свой запасъ брани, то мы всѣ трие проклинали себя взаимно, ругались и кричали, доколѣ горла у насъ совершенно не засохли. Съ тѣхъ поръ она боится меня, и уже не нападаетъ пакъ явно; но не менѣе того старается вредить мнѣ изподпидка, и дѣлаетъ всѣ возможныя неприятности.“ —

Унылый голосъ *муэззиновъ*, призывающихъ народъ къ упренней молибвѣ, раздался съ безчисленныхъ минаретовъ Тегерана, и прервалъ нашу бесѣду. Разспаваясь въ порогахъ, мы поклялись любить другъ друга до самой смерти, и имѣть подобныя свиданія столь часто, сколько дозволишь благоразуміе. Мы условились также, что, когда Зинебъ найдетъ возможность прійти ко мнѣ на крышу, она подастъ мнѣ напередъ знакъ, повѣсивъ ввечеру свое покрывало на вѣтви дерева, возвыщающагося среди двора перема.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

С о л о м о н ъ.

»На ложѣ, въ полночи завѣшной,
 Тебя искала и звала!
 Но, другъ любимый, щещенно, щещенно!
 Тебя на ложѣ не пашла! . . .
 Такъ неся голосъ твой, но скоро
 Меня въ объятія приняла —
 И весь огонь нѣмага взора
 Ты въ душу мнѣ перелила! . . .
 Въ сей день, о дочери Сіона,
 Мое заклипаніе, чпобѣ вы
 Не пробудили вновь главы
 Прекрасной дщери Соломона! .
 Пущынный разогнавъ шумангъ,
 Она мнѣ очи ослѣпила:
 Она, какъ сладкій дымъ кадила,
 Объяла смирну и ливанъ! .
 Не это ль дѣва Соломона? . .
 Вопль, сильныя спеклися къ ней!
 Ей опть нечестья обороца
 И мечъ и жезлъ Царя судей! .
 Изъ дровъ ливана одръ богатый
 Себѣ воздвигнулъ Соломонъ!
 На шомъ одръ ковры и злашо,
 А верхъ его, какъ небосклопъ! .
 И въ ложѣ дивпомъ все хранимо
 Любовью дѣвъ Ерусалима! . .

Ротисвѣ.

С М Ъ С Б.

ТАТАРСКАЯ ПОЛИТИКА.

Когда Монголы завоевали Сѣверныя Провинціи Китая, то собрали военный совѣтъ, въ которомъ разсуждали, что имъ дѣлать съ землею и людьми? — Чингисъ, повелитель Монголовъ, спокойно выслушалъ предположенія своихъ совѣтниковъ, и всѣ голоса согласовались въ томъ, чтобы изпробовать всѣхъ жителей этой богатой народонаселеніемъ страны, и тѣмъ доставить болѣе пастбищныхъ мѣстъ для скота Монгольскихъ. Вспарину завоеватели поступали съ народами, какъ съ деревьями: ихъ пересаживали, вырывали съ корнями, дарили, и продавали по произволу.

Тутъ предсталъ предъ совѣтъ уважаемый всѣми Мандаринъ Елунхусай, и своимъ благоразуміемъ спасъ опечесство; онъ говорилъ Чингису: »Твоему непобѣдимому оружію, сынъ солнца, подпали чепыре провинціи. Пейхели, Канпонгъ, Канси и Леаопонгъ. Разсуди, эти чепыре провинціи давали ежегодно правительству 500,000 унцовъ серебра, 400,000 мѣръ пшеницы и 800,000 пачекъ шелку. Не уже ли твои спада принесутъ болѣе пользы?»

Этотъ аргументъ понравился Чингису, и онъ поступилъ очень человеколюбиво. Впрочемъ, человеколюбивымъ онъ былъ столько же, какъ, въ позднѣйшее время, Тимуръ или Тамерланъ, котораго исторіографъ его Хереседдинъ-Али называетъ Великимъ.

Этотъ знаменитый Тапарскій Ханъ приказалъ однажды изрубить 100,000 Индйскихъ пльниковъ за то, что они улыбнулись, услышавъ о приближеніи арміи своихъ единоземцевъ. — Дорого заплаченная улыбка!

Н О В О С Т И.

Одинъ изъ Сѣверо-Американскихъ ученыхъ, при-
года сряду по восьми часовъ въ сутки, не исключая
воскресныхъ и пабельныхъ дней, посвящалъ не мало-
важному труду: — ему хотѣлось сосчитать стихи,
слова и буквы своей библии. Напослѣдокъ, привелъ
онъ въ извѣстность и сдѣлалъ извѣстнымъ, что библия
содержитъ въ себѣ: 31,173 стиха, 773,692 слова
и 3,566,480 буквъ. Имя Еговы встрѣчается въ библии
6,855 разъ, среднюю главу въ библии составляетъ
117-я глава; а частицы союза употребляются 46,227
разъ. Этотъ прудолюбивый ученый оставилъ безъ
вниманія только бездѣлицу: именно, что въ свѣтъ
есть много переводовъ и изданій библии. —

Неизпощимый Скрибъ написалъ недавно еще по-
вый водевилъ: *la Famille de Riquebourg*, его давали,
съ большимъ успѣхомъ въ Парижѣ.

Въ Парижѣ, на большихъ вечерахъ à l'Anglaise въ
10 часовъ подають гостямъ пирожное и ликеръ, въ

11 часовъ мороженое и пуншь, въ полночь ломпи
вешчины и грѣное вино, въ часъ чай, а въ 2 часа
садяпся за ужинъ.

Знаменимый Акробашъ *Феликсъ Кіарини* умеръ въ
Женевѣ опъ воспалинія въ легкихъ.

~~~~~

СО Д Е Р Ж А Н І Е No. XIV.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Походенія Хаджи-
Бабы въ Персін и Турціи. *Стихотворенія*: Соломонъ; соч.
Ротгева. СМѢСЬ. Ташарская полишка. НОВОСТИ. ПОТЫ.

~~~~~

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

С Ч А С Т Ь Е И Г Р О К А.

(Повѣсть Гофмана.)

Г Л А В А I.

Осенью 182... года, общесѣво на водахъ Пирмоншскихъ было многочисленнѣе обыкновеннаго. День ото дня увеличивалось спеченіе богатыхъ иноземцевъ, и это возбуждало рвеніе въ промышленникахъ всякаго рода: карпочные банкиры не опсшавали отъ прочихъ: они, подобно охотникамъ, ставящимъ приманку для завлеченія своей добычи, рассыпали на зеленыхъ спшлахъ кучи золота для привлеченія проспаковъ, ослапленныхъ блескомъ мешалла.

Извѣстно, что то время года, когда пользуются водами, есть время совокушенія всѣхъ удовольствій: каждый, выступая изъ обычныхъ предѣловъ, подчиняетъ себя праздности, и игра дѣлается спраспью почти непреодолимою. Здѣсь нерѣдко вспрѣчаются люди,

которыя съ роду не бравши каршъ въ руки, не опходяшъ вовсе опъ каршочнаго спола! и, въ азаршъ, лишаютъ послѣдняго куска хлѣба. Bon ton, заставляющій каждаго риско-вать каждый вечеръ нѣсколькими золотыми монешами, ни сколько не удерживаетъ новичковъ опъ эшой пагубной страсти.

Молодой Нѣмецкій Баронъ, котораго мы будемъ называть Зигфридомъ, одинъ шолько былъ исключеніемъ изъ сего общаго правила. Тогда, какъ другіе предавались игрѣ, онъ уходилъ съ книгою въ свою комнапу или въ прогулкахъ наслаждался природою, шполь предеспною въ эшой очаровательной странѣ.

Зигфридъ былъ молодъ, независимъ, богатъ, имѣлъ пріятную наружность; съ такими достоинствами могъ ли онъ не нравиться женщинамъ?

Счастливая звѣзда, свѣпила на его горизонтъ! . Разсказывали о двадцати, тридцати любовныхъ инпригахъ, окончившихся весьма удачно для Зигфрида; болѣе же всего занимала общество исторія часовъ Барона, которая утверждала всѣхъ въ мнѣніи о постоянствѣ его счастья: Зигфридъ, путешествуя еще въ самыхъ юныхъ лѣтахъ, встрѣпилъ однажды такую крайнюю нужду въ деньгахъ, что долженъ былъ продать часы свои, богато украшенные алмазами. Онъ готовъ былъ опдать ихъ за самую умѣренную цѣну, какъ

вдругъ, какой-то проѣзжій Принцъ, остановившійся въ одной гостинницѣ съ Зигфридомъ, заплапиль ему за нихъ въ придорога.—Спустия нѣкопорое время, Зигфридъ вступилъ въ службу, черезъ годъ получилъ чинъ Маіора и разбогашѣлъ снова. Узнавъ изъ газетъ, что разыгрываются въ лотерею золотые часы, онъ взялъ билетъ за бездѣлицу, и за эту бездѣлицу доспались ему прежніе его часы! — Вскорѣ онъ промѣнялъ ихъ на брилліантовый перстень. Потомъ онъ служилъ Камергеромъ при Дворѣ Принца S*** и за ревностную службу получилъ въ подарокъ опять прежніе свои часы, только уже съ драгоценною цѣпочкой.

Это заставило всѣхъ обратишь вниманіе на характеръ Барона, и что же? всѣ спали называть его упорнымъ скупцомъ. Всѣмъ казалось непонятнымъ, какъ можно, съ такимъ постояннымъ счастіемъ, не взяться за карты! .

Такіе слухи носясь въ обществѣ, донеслись и до Барона! самолюбіе его оскорбилось, и какъ ни была опврапительна для него игра, онъ рѣшился поперею нѣсколькихъ соптѣ лудировъ опыгаться опъ споль непріятныхъ на счетъ его подозрѣній. Онъ вошелъ въ игорную залу съ швердымъ намѣреніемъ проиграть, но счастье и на сей разъ ему не измѣнило. Каждая карта, изъ пѣхъ, копо-

рыя спавилъ Баронъ, осыпалась золопомъ. Выкладки игроковъ самыхъ опытныхъ не удавались! Баронъ досадовалъ, безпрестанно перемѣнялъ карты, увеличивалъ куши, но счастье оставалось на сторонѣ своего любимца, онъ выигрывалъ безпрестанно и, не слыханная между игроками рѣдкость, приходилъ въ опчаяніе отъ выигрыша! Другіе удивлялись такой диковинкѣ и смолчали на Барона, какъ на безумца . . .

Значительный выигрышъ, нѣкоторымъ образомъ, обязывалъ Барона, продолжая игру, онъ прѣспокойно желалъ спустить эшопъ выигрышъ, съ проценпами и рекамбіями; но щещно! . . . Его не покидала звѣзда счастья, ему везла каждая карта,—и Баронъ, не зная, не вѣдая,—болѣе и болѣе приспращался къ игрѣ, основанной, какъ полагалъ онъ, на одномъ только счастьи!

И почто, Барону грѣхъ было жаловаться на счастье! . . . Онъ выигрывалъ, проигрывая ночи, но, не выигрышъ завлекалъ его въ эшопъ лабиринтъ;—нѣтъ, только игра, игра, сопряженная съ какою-то особенною прелестью, о которой такъ много слышалъ онъ отъ друзей своихъ, и которой не постигалъ досель! . . .

Въ одну изъ эсихъ безсонныхъ ночей, когда банкиръ оканчивалъ шалію, и взоры Барона оторвались на минуточку отъ зеленого по-

ля, онъ замѣшилъ нечаянно сидѣвшаго противъ него пожилаго .человѣка;—гнѣвъ и печаль изображались въ мрачныхъ, усипремленныхъ на Барона глазахъ его! . . . Когда кончилась игра, незнакомецъ удалился изъ залы. На слѣдующую ночь онъ опять сѣлъ противъ Барона, опять вперилъ въ него мершвые, неподвижные свои взоры. Баронъ едва могъ скрыть досаду; но когда на третью ночь незнакомецъ расположился шакже противъ него, Зигфридъ потерялъ терпѣнне: — „Милостивый государь! вскричалъ онъ; прошу васъ выбрать себѣ другое мѣсто; вы мѣшаете мнѣ играть!“

Незнакомецъ горько улыбулся, поклонился Барону, отошелъ отъ стола, и, не говоря ни слова, удалился изъ залы.

На слѣдующую ночь онъ опять сѣлъ противъ Барона и наблюдалъ за нимъ своими мрачными взорами.

Зигфридъ не могъ болѣе удержаться отъ гнѣва.—М. Г! сказалъ онъ, вскочивъ со стула: если вы находите удовольствне смотрѣть на меня, то не угодно ли вамъ выбрать для этого другое время и мѣсто, а шемерь . . . .

Повелительный знакъ рукою и указательный перспъ, направленный къ дверямъ, выразили гораздо болѣе, нежели грубыя слова Барона.

Незнакомецъ, какъ и въ предыдущую ночь, съ пою же улыбкою и поклономъ, медленно удалился.

Изнеможенный опть игры и выпипаго имъ вина, превожимый воспоминаніемъ о произшествіи съ незнакомцемъ, Зигфридъ не могъ заснуть. День начиналъ уже показываться, но образъ незнакомца не преспавалъ являться его взорамъ. Онъ видѣлъ выразительное лице, эпи рѣзкія черты, и впалые, исполненные печали глаза, безпрестанно на него успремленные; онъ видѣлъ и бѣдную одежду, подъ которою скрывался благородный видъ челоуѣка, опличнаго рожденіемъ.—А болѣзненное самоопроверженіе, съ какимъ онъ удалился изъ залы! . . . — „Нѣтъ, вскричалъ Зигфридъ, я неправъ, я очень неправъ! Съ чего мнѣ было шумѣть какъ школьнику и оскорблять людей, которые того не заслужили?“ —

—Баронъ убѣдился, что незнакомецъ всмапривался въ него, чувствуя разительную противуположность между нимъ и собою; можетъ быть, онъ былъ бѣденъ, а Баронъ такъ безразсудно ввѣрлялъ каршѣ кучи золота . . . Баронъ рѣшился немедленно опыскашь его и загладишь свой проснупокъ.

Случай хотѣлъ, чтообы первый челоуѣкъ, которого встрѣшилъ Баронъ, прогуливаясь по аллеямъ площади, былъ незнакомецъ.

Баронъ подошелъ къ нему, и извинялся въ своемъ просупкѣ, сдѣланномъ наканунѣ. Незнакомецъ ошвѣпспвоваль, что ему не въ чемъ прощать его; что людямъ, увлеченнымъ жаромъ игры, должно снисходить многое, и, что онъ самъ былъ причиною сказанныхъ ему нѣсколько заносчивыхъ словъ, ибо, вопреки желанію Барона, сидѣлъ на пакомъ мѣспѣ, гдѣ почно могъ мѣшать ему.

Баронъ пошелъ съ нимъ далѣе, говоря, что въ свѣспѣ часто случаются обспояпельства, повергающія людей самыхъ знаспныхъ въ бѣдспвенное положеніе, и далѣ почувспвовать незнакомцу, что онъ желаль бы уноспребить половину выигранныхъ имъ денегъ на вспоможеніе ему.

— М. Г! ошвѣчалъ сей, вы почиаете меня за человекъ нуждающагося, вы ошиблись! Не смотря на то, что я почно болѣе бѣденъ, нежели богатѣ, я живу въ довольствѣ, ибо, живу скромно. Я понимаю, что вы считая меня обиженнымъ вами, хотѣли вознаграждать эту обиду деньгами; но, нѣспѣ, деньги не удовлетворяютъ меня! . . . .

— Я догадываюсь! сказалъ Баронъ, и гошовъ сдѣлать удовлетвореніе, какое вамъ угодно.

— Боже! вскричалъ незнакомецъ. Бой между нами будетъ неравенъ! Я полагаю, что вы, шакже какъ и я, не назовете поединка

двѣ капли крови, или царапина, доспапочно для возстановленія обиженной чести. Въ такомъ случаѣ двумъ человѣкамъ не возможно существовать вмѣстѣ на землѣ, хотя бы одинъ изъ нихъ жилъ на Кавказѣ, а другой у береговъ Тибра! ненависть умираетъ тогда только, когда мысль не доносится къ предмету оной. Тогда поединокъ рѣшается, кошпору изъ двухъ должно уступитьъ на землѣ мѣсто другому;—дѣло справедливое и необходимое: но бой между нами двоими, какъ я сказала уже, былъ бы не равенъ, потому что жизнь моя далеко не стоить вашей. Если вы погибнете, то я лишу надеждъ цѣлый свѣтъ, когда же жребій падетъ на меня, то вы сократите только жизнь оправленную злополучіемъ безъ того уже близкую къ разрушенію, наполненную пляжками и раздирающими душу воспоминааніями. Но главное въ томъ, что я не считаю себя обиженнымъ. Вы велѣли мнѣ выйти, и я вышла.

Незнакомецъ произнесъ послѣднія слова сіи голосомъ, пошрясающимъ чувствва. Это побудило Барона снова извинаться. Онъ говорилъ, что самъ не понимаетъ, какимъ образомъ взоры незнакомца могли довести его до того, что онъ забылся . . .

— Пустьъ взоры мои до того проникнутъ въ васъ, чтобы вы могли видѣть опасность,

копорой подвергаетесь такъ неоспорочно Весело и съ безопасностію новичка, спремилесь вы на край бездны, но еще одинъ ударъ, и вы низвергнетесь въ нее безвозвратно. Короче, вы готовы сдѣлаться игрокомъ самымъ страшнымъ. Баронъ увѣрялъ незнакомца, что онъ обманывался, объяснилъ ему общояпельства, заславившія его играш; сказалъ, что какъ скоро проиграетъ двѣсти или триста назначенныхъ для него лудоровъ, то со всѣмъ перестанетъ понтировать; но что до сихъ поръ счастье везло ему.

— Ахъ! вскричалъ незнакомецъ, это счастье есть самое ужасное несчастье! это прельщение ада. Счастье, съ копорымъ вы играете, Баронъ, образъ игры вашей, поступки ваши въ игрѣ, показывающіе какъ вы постепенно призращаетесь къ ней, — всё, всё напоминаютъ мнѣ жестокою участью одного несчастливца, копорый будучи во многомъ сходенъ съ вами, началъ поприще свое такимъ же шочно образомъ. Вошъ почему не могъ я опвесить опъ васъ глазъ; вошъ что выражалось въ моихъ взорахъ! — Смошрите, какъ демоны простираютъ свои когти, желая завлечь васъ въ глубину ада! думалъ я сказать вамъ тогда. Мнѣ хотѣлось познакомиться съ вами, и я, по крайней мѣрѣ, успѣлъ въ этомъ. Выслушайте испорію несчастнаго; можешъ бышь,

она убѣдиль васъ, что опасность, которую мнѣ хопѣлось бы опивратить опъ васъ, не еспь мечпа моего воображенія!

Незнакомецъ сѣлъ на скамью, далъ знакъ Барону, чтообы онъ занялъ возлѣ него мѣспо и началъ разсказъ слѣдующимъ образомъ:

(Продолженіе въ слѣдующемъ Но.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Отрывокъ изъ Комедіи: Новый Карантинъ.

Я В Л Е Н І Е 2.

К и т о в ъ. Богатый опкупщикъ въ Одессѣ.

Ш к а н ц е в ъ. Морской Офицеръ, старый поварницъ.

Китова по Лицею.

Д у м ъ - А л л е р ъ. Инспекторъ Врачебной Управы.

ДѢЙСТВІЕ ВЪ ОДЕССѢ.

К и т о в ъ. [*Шканцеву, показывая на Думъ-Аллера.*]

Опъ магнетиэма ввелъ новѣйшій способъ здѣсь.

Ш к а н ц е в ъ.

Но магнетиэзмъ давно извѣстенъ между нами.

К и т о в ъ.

Магнетиэировать опъ способъ ввелъ глазами!

Ш к а н ц е в ъ.

Глазами! я шакихъ не слыхивалъ чудесъ.

К и т о в ъ.

Опъ даже научилъ сеспру свою дѣвицу, —

Та спростила чудеса, дивилъ пеперь сполнцу.

ШКАНЦЕВЪ.

Взоръ милой женщины былъ вѣчно магшепизмъ.

КИТОВЪ.

Когда бы видѣлъ пы какой огонь блистаешь
Изъ черныхъ глазъ ея,—все лѣчишь: лунапизмъ,
Хромыхъ, горбатыхъ, всѣхъ лишь взоромъ исправляешь.
И мершвыхъ, думаю, подымешь наконецъ.

ШКАНЦЕВЪ. [*въ сторону*]

Да это Римскій огурецъ!

.....
.....

Думъ-Аллеръ, [*тихо Китову, указывая на Шканцева.*]

Конечно это гость къ вамъ, кумъ, на свашьбу звать?

КИТОВЪ.

Втораго рага Капшпанъ,
Прекрасный малой, съ сосполяемъ,
Товарищъ спарый мой . . . .

Думъ-Аллеръ [*также Китову.*]

А! понялъ, разумью!

[*подходитъ къ Шканцеву.*]

Себя представить честь имѣю:

Я главный Докпоръ здѣсь, и къ морякамъ душой
Привязанъ былъ всегда, служилъ, сударь, съ морскими,
Я нѣкогда и самъ, бывалъ въ походахъ съ ними,
И признаюсь, лихой народъ . . . . .

ШКАНЦЕВЪ.

Такъ спало сдѣмали вы не одинъ походъ?
Къ копорымъ берегамъ и съ кѣмъ, сударь, ходили?

Думъ-Аллеръ [*нѣсколько слышавшись.*]

Мы были въ Коспромѣ, мы рекрупъ опшводили,
Пяшадцать лѣтъ ходилъ за ними каждый годъ,

Больные, признаюсь, бывали мной довольны . . . . .

ШКАПЦЕВЪ. [*въ сторону.*]

Бышь недовольными покойники псевольны.

[*Думъ-Аллеру.*]

Такъ элопъ вамъ правипся?

ДУМЪ - АЛЛЕРЪ.

Не то, чшобы со всемъ.

ШКАПЦЕВЪ.

Чшо жъ пакъ сударь?

ДУМЪ - АЛЛЕРЪ.

За шѣмъ,

Чшо хопъ и жилъ съ Шшабъ-Докшоромъ я въ дружбѣ,

Но былъ опмвнно какъ несчастливъ памъ во службѣ!

И върно бъ ничего досель не получилъ,

Когда бъ на берегу я послѣ не служилъ.

О, шупъ оцѣнены мои, сударь, позинаья!

ШКАПЦЕВЪ. [*въ сторону.*]

Оцѣпникъ, кажется, цѣпилъ безъ замѣчанья.

ДУМЪ - АЛЛЕРЪ.

Конечно на зиму пожаловали къ намъ?

ШКАПЦЕВЪ.

Не знаю право самъ,

Бышь можешъ, не смошря на всѣ мои желанья,

Уѣду скоро я —

ДУМЪ - АЛЛЕРЪ.

Сказашъ позволше вамъ,

Чшо это ужъ напрасно;

Мы здѣсь, сударь, живемъ по испиниъ прекрасно. —

ШКАПЦЕВЪ.

Мнѣ городъ вашъ знакомъ:

Родился, взросъ, воспиташъ въ немъ . . . .

Д у м ъ - А л л е р ѣ .

И должно бѣ навсегда шеперь вамъ въ немъ оспашься,

Чего же вы еще хохните добивающься?

Исполнили свой долгъ, изволили служипи;

А въ ваши, сударь, лѣпы

Довольно получить большіе эполешы.

Теперь вы можете и для себя пожипи,

Пора женишья вамъ, а я ручаюсь смѣло

Лишь пожелаите вы, шо разомъ женимъ васъ,

Здѣсь за певѣспами у насъ не спанешъ дѣло.

Вы знаешъ? здѣсь новый генге ввелся у насъ:

Между дворянами и даже межъ Князьями,

Вспупипи, сударь, въ родство съ богатыми купцами.

Ш к л а п ц е в ѣ [улыбалсь.]

Въ порядочномъ кругу давно ль невѣспамъ моръ?

Д у м ъ - А л л е р ѣ .

Съ шѣхъ поръ,

Какъ на двадцать ченъре года

Закладывашъ крестьянъ межъ нихъ ввелася мода,

И какъ съ приданого доходъ

Не дасъ проценшовъ въ годъ,

Копорые внеспи придется за имѣнне,

А ния звонкое безъ денегъ свѣпъ

Сиппасъ ни во что, и звонъ, сударь, монешъ

Верхъ одержалъ падъ нимъ . . . . .

К и т о в ѣ .

Какое жѣ въ шомъ сомѣнне?

Случается, признашья, иногда,

Что ежели женихъ предъ свашьбой оплошаешъ,

Повѣрипъ на слово, погда

Въ приданомъ многого жецья не досчишаешъ,

И сядеть на мели какъ ракъ;
 Но ты я знаю не дуракъ,
 Придемъ я буду шушь, и пакъ женися смѣло!
 Женишьба пынь, брашь, коммерческое дѣло,
 А гдѣ вамъ морякамъ расчепы эпи знашь?

Д у м ъ - А л л е р ъ .

Не лъзя, почпелный кумъ, сказаць,
 Чпобъ побѣдипели земное забывали,
 Расчепливоспъ у нихъ въ женишьбѣ мы видали
 За чѣмъ же моряковъ, скажише, обижашь?

Ш к а н ц е в ъ .

Но правилъ пыпъ безъ изключенья:
 Не денегъ я ищю въ жепъ,
 Онъ не нужнъ мнѣ,
 Мнѣ будепъ моего доспапочно имѣнья,
 Я душу добрую и просвѣщеный умъ
 Ищю въ жепъ . . . .

Д у м ъ - А л л е р ъ [*Китову.*]

Вопъ, признаюся, кумъ
 Я рѣдкоспей пакнхъ не слыхиваль съ рожденья.

[*Шканцеву.*]

Приданого богатный кушь
 Доставиптъ случай вамъ имѣшь пашъ пысячь душъ,
 Не шолько, чпо одну . . . .

Ш к а н ц е в ъ .

Мы съ вами о предмешахъ
 Иначе судимъ . . . .

Д у м ъ - А л л е р ъ .

Въ эпихъ лъпахъ,
 Какъ вы, нельзя не знашь, чпо умный человекъ,
 Въ нашъ просвѣщенный вѣкъ,

Считаешь ли во что жены происхождение,
Когда берешь за ней богатое именье!

И все сообразя, ей, ей!

„дипе-ка, сударь, въ опсавку поскорѣй,
Женишься, и у насъ извольше поселишься.

Шкапцевъ.

За чѣмъ же съ службой мнѣ проспишься?

Могу женишься и служишь.

Думъ - Аллеръ.

Уже ль хопише вы добишься въ Адмиралы?

Шкапцевъ.

А почему жъ мнѣ имъ не бышь?

Думъ - Аллеръ.

Охотниковъ безъ васъ довольно въ пералы,

А безъ пропекціи въ нихъ вѣкъ не попадешь!

Шкапцевъ.

Богатъ Царь милосшью, для всѣхъ ее довольно.

Думъ - Аллеръ.

Да видишь, сударь, больно,

Что при пропекціи въ ходу лишь молодѣжь,

Они одни только награды получаютъ,

Вѣдь Типулярными на службу поступаютъ!

Шкапцевъ.

Познанья ихъ даютъ имъ право въ шомъ,

И пользы болѣе опъ юности съ умомъ,

Чѣмъ опъ головъ съдыхъ безъ здраваго разсудка,

Безъ свѣдѣній, ума . . . . .

Думъ - Аллеръ.

Да эшо, сударь, шупка!

ШКАНЦЕВЪ.

Ни мало щупки пѣпѣ;
Апшкки хороши, да шолько въ кабинетѣ
Собранья рѣдкоспей, а въ свѣтѣ часпо вредѣ!

ДУМЪ - АЛЛЕРЪ.

Но ваши умники врьдѣ были ли на свѣтѣ,
Когда уже другой законы птвердо зналъ
И подѣ команду къ нимъ сосшарѣвшисъ попалъ?

ШКАНЦЕВЪ.

Законы-шо они иначе понимали,
Но впрочемъ не льша, заслуги награждали!

ДУМЪ - АЛЛЕРЪ.

Гдѣ жѣ умъ въ шакихъ льшахъ?

ШКАНЦЕВЪ.

Умъ бороды не ждепъ!

ДУМЪ - АЛЛЕРЪ (*Китову.*)

Вошѣ пакъ-шо, куманекъ, вся молодежь поешѣ,
Все видишь геніевъ однихъ чшобѣ возвышали;
А шо, чшо родился на службѣ, пакъ сказашѣ,
Изволяпъ ни во чшо счипашѣ!

(*беретъ Китова за пулъсѣ.*)

Какъ чувспвуешѣ себя?

КИТОВЪ.

Вамъ эшо лучше знапъ!

ШКАНЦЕВЪ (*Думѣ-Аллеру.*)

Вопросъ вашѣ, кажешѣ, для жепиха обиденѣ!

(*Китову.*)

Признапъсѣ, жребій пшвой ни мало не завиденѣ;
Но чѣмъ же боленъ пш?

КИТОВЪ.

Ты знаешѣ здѣсь чума,

И это лишь одна предоспорожность!

ШКАНЦЕВЪ (*въ сторону.*)

Да онъ сошелъ съ ума!

КИТОВЪ.

И ежедневная его, вопль видишь, должность,

Придти скажутъ: здоровъ ли я?

ШКАНЦЕВЪ.

Да, — это нужно для себя!

.....
 .....

Г. П.

С М Ъ С Ъ.

А Ф О Р И З М Ы.

Невинность въ дурномъ обществѣ, какъ жемчугъ въ уксусъ, не можетъ оставаться долго неповрежденною. Какъ жемчугъ кислотою, такъ добродѣтель разрушается порокомъ, не будучи въ силахъ спасти себя.

Совѣсть не даетъ покоя виновнымъ. Ни пухъ, ни розы не усыпятъ ее; — ни мечъ, ни страшическій посохъ прошивъ нее не защитятъ! . . Эта болѣзнь вкореняется въ сердце, — никакой врачъ, кромѣ смерти, не излечитъ ее! . .

Кто желаетъ сплести вѣнокъ безсмертія, долженъ яворить безсмертное. Смерть не обманывается наружностью: она хладнокровно губитъ посредственность, щадя только основы смѣющихся надъ нею Геніевъ.

С и л у э т ь.

Разсѣянность характеристика влюбленнаго. Благосклонный взглядъ красавицы, ласковый ея разговоръ, опкровенность, пожатіе руки и проч. — обвороживъ сердце пламеннаго юноши, соединяють всё его мысли въ одну, копорою онъ вѣчно спремится къ идеалу своего счастья. Обожаемая имъ дѣвица ищетъ въ немъ совершенствъ; прочіе люди замѣчаютъ его недостатки: находятъ его иногда задумчивымъ, иногда вѣтреннымъ и — всегда разсѣяннымъ.

Таковъ Александръ Б... . Природа одарила его прекрасными способностями. Поэтъ-живописецъ, онъ опличается отъ многихъ любовниковъ поспоянствомъ и тѣми благородными чувствованіями, копорыя рѣдкая дѣвушка умѣетъ цѣнить такъ, какъ Аделина Л., всегдашній предметъ его возвышенныхъ пѣсней и магическаго карандаша или кисти. Онъ любитъ Аделину, и самъ любимъ ею; она признательна, онъ пѣжетъ до разсѣянности.

Наканутъ именинъ Аделины, не помню въ какой день, Александръ оканчивалъ рисунокъ, какъ онъ сказывалъ, весьма для него нужный. Въ этомъ уединенномъ записи, онъ не примѣнилъ, какъ пролетѣло время до восьми часовъ вечера. Тогда онъ оставилъ карандашъ и поспѣшилъ въ концертъ, гдѣ надѣялся увидѣть прелестную Аделину.

Очаровательный голосъ Г-жи З. еще не создавалъ гармоническихъ руладъ въ собраніи амаперовъ, когда Александръ вошелъ въ залу. Онъ искалъ взорами Аделины, нашелъ и привѣтствовалъ ее, какъ обыкновенно привѣтствуютъ любовники издали своихъ суженыхъ. Что же Аделина? — Когда за учпивосп Александръ, она благодарила его легкимъ наклопеніемъ головы, яркій румянецъ запылалъ на щекахъ

ея; и, печальный, сидѣла она въ креслахъ, попуя взоръ, въ крайней досадѣ на бывшихъ съ нею подругъ, копорыи смотря на Александра, перешепывалие между собою и смѣялись.

Самоувѣренность—общій недоспапокъ людей. Подруги Аделины продолжали насмѣшки надъ ея любезнымъ, копорый щещиво искалъ тогда причины ея разспроейства въ самомъ себѣ: въ вѣрности милой дѣвицы онъ не смѣлъ сомнѣваться, въ нарядѣ своемъ не находилъ ничего естраннаго, а въ красивой наружности давно увѣрили его зеркало и любовь Аделины. Согласись, въ послѣднемъ случаѣ, видя улыбающихся ему дѣвицъ, Александръ могъ предполагать, что онъ имъ поправился.—Но каждый его поворотъ въ ту споропу, гдѣ сидѣла Аделина, споилъ ему горькихъ насмѣшекъ даже и поспороишихъ людей; а невниманіе Аделины привело его въ такое недоумѣніе, что онъ нашелся принужденнымъ забыть о концерпѣ и ѣхать домой. Когда онъ выходилъ изъ залы, число смѣявшихся надъ нимъ увеличилось.

Предспавьте себѣ любовника, копорый спонтъ передъ зеркаломъ и смѣется надъ собою, какъ говорится отъ души; вспомните начало моего разсказа, и вы узнаете въ эпомѣ юнонѣ Александра, копорый наконецъ догадался, почему Аделина за него краснѣла, между тѣмъ какъ другіе посѣпители концерпа, обрапали на него особенное вниманіе. Спѣша на свиданіе съ Аделиной, разсѣянный живописецъ забылъ посмотрѣться въ зеркало, и явился публикѣ замараннымъ лицомъ.

Въ день именинъ своихъ, Аделина съ неперпѣніемъ ожидала Александра, копорый съ своей споропы поспѣшилъ поздравить ее съ ангеломъ и объяснилъ вчерашнюю свою неосмотрительность. Эпощъ рису-

нокъ, говорилъ снѣ, подавая Аделинѣ прекрасно сдѣланный ея силуэтъ: »эпопѣ рисунокъ лишилъ меня «счастія насладиться съ вами вчерашнимъ концерпомъ. «Я былъ черенъ оиѣ карандаша, которымъ оканчивалъ вашъ портретъ, и, находя въ своемъ занятіи «особенное удовольствіе, со всеѣмъ не ожидалъ, чтобы «любовь обвинила меня въ помѣ, что я не могъ передать бумагъ пѣхъ розъ, которыя пакъ живо развернулись вчера на вашихъ прелестныхъ щечкахъ.»

ОТВѢТЪ ІОСИФА П.

Когда Іосифъ П приказалъ закрыть Французскій театръ въ Вѣнѣ, то на сіе жаловался Французскій Посланникъ Брешель, говоря: »теперь я лишенъ послѣдняго удовольствія; что же мнѣ дѣлать?« — »То, что сдѣлалъ мой Посланникъ въ Парижѣ;« отвѣчалъ Императоръ: »онъ выучился Французскому языку!«

СОДЕРЖАНІЕ №. XV.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Счастье игрока. (Повѣсье Гофмана.) *Стихотворенія:* Опрывокъ изъ Комедіи: Новый Карантинъ; соч. Г. П. СМѢСЬ. Афоризмы. Силуэты. Оиѣиѣ Іосифа П.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 20 Февраля 1831 года.

Ценсоръ П. Гасвскій.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

С Ч А С Т Ь Е И Г Р О К А.

(Повѣсть Гофмана.)

Г Л А В А II.

(Продолженіе.)

„Тѣ же блистательныя качества, какія нахожу я и въ васъ, Баронъ, говорилъ незнакомецъ, снискали Кавалеру Менарсу уваженіе мужчинъ и любовь прекраснаго пола!—Судьба не надѣлила его только такимъ богатствомъ, какъ васъ . . . Онъ былъ почти бѣденъ, и одна лишь скромная жизнь доставляла ему средства являться въ обществѣ такъ, какъ прилично потомку благородной фамиліи. Малѣйшая потеря могла имѣть для него пагубныя послѣдствія:—вопъ почему онъ избѣгалъ игры, не проигрывалъ денегъ, а выигрывалъ время . . . . Всѣ, что ни предпринималъ онъ, увѣнчивалось успѣхомъ, и счастье Кавалера Менарса вошло въ пословицу!

„Въ одну ночь, противъ желанія, завели его

въ игорной домъ, гдѣ знакомцы Менарса опчаянно пустились на *авось!*

„Не принимая участія въ игрѣ, и развлеченный другими мыслями, Кавалеръ прохаживался по залѣ, посматривалъ то на игроковъ, то на игорный столъ, на кошоромъ росли и росли груды золота.—Вдругъ одинъ старый Полковникъ, увидя Кавалера, вскричалъ: чортъ возьми, здѣсь Кавалеръ Менарсъ съ своимъ счастьемъ! А мы ничего не можемъ выиграть! этому надобно положить конецъ: поншируйте со мною!

„Напрасно Кавалеръ отговаривался, Полковникъ посшавилъ на своемъ, Кавалеръ принужденъ былъ сѣсть за игорный столъ.

„Съ Кавалеромъ случилось то же самое, что съ вами, Г. Баронъ. Всякая карта выигрывала,—и суевѣрный Полковникъ былъ внѣ себя отъ восторга. —

„Счастье Кавалера, изумившее даже записныхъ игроковъ, не сдѣлало на него ни малѣй-впечатлѣнія. Врожденное отвращеніе къ игрѣ, и незнакомыя доселѣ Менарсу слѣдствія проведенной безъ сна ночи, до того расширили его, что онъ далъ себѣ слово впередъ никогда не посѣщать игорныхъ домовъ . . . .

„Кавалеръ еще болѣе ушвердился въ этой мысли неудачею стараго Полковника, когда сей послѣдній поншировалъ одинъ, и, проигрывая, сердился на Кавалера. Полковнику хо-

пѣлось, чтобы Менарсъ былъ опять съ нимъ въ долѣ, или, по крайней мѣрѣ, споялъ бы подлѣ него, когда онъ поставишь карпу, какъ будто присуспѣвѣе Кавалера могло примирить его съ Фортуною! . . . извѣстно, что властъ предрасудка сильнѣе всего дѣйствуетъ на игроковъ! . . . Кавалеръ, желая избавишься опъ докучливости Полковника, объявилъ ему, что для него легче спрѣлаться съ нимъ, нежели снова начать игру.

„Это произшествіе сдѣлалось гласнымъ; но такъ какъ Кавалеръ, на перекоръ своему счастью, не хотѣлъ играть, то всѣ одобрили твердость его характера.

„Прошелъ годъ.—Кавалеръ, не получивъ въ свое время процентовъ съ положеннаго имъ въ ростъ небольшого капитала, нуждался въ деньгахъ. Онъ открылся въ этомъ одному изъ вѣрнѣйшихъ друзей своихъ, копорый, хотя и помогъ ему, но называлъ его чудакомъ и оригиналомъ въ своемъ родѣ! . . .

— „Судьба, сказалъ онъ, всегда указываетъ намъ путь, копорымъ можемъ мы достигнуть желаемой цѣли; одна безопасность совращаетъ насъ съ этого пути! Высшая сила, управляющая нами, явственнo говоритъ тебѣ: если хочешь золота и богатства, играй; иначе, оставайся нищимъ, нуждайся и будь въ зависимости опъ другихъ!“

„Только въ эту минушу мысль о счастьи, которое такъ много благопріятствовало ему въ игрѣ, мелькнула въ головѣ его.—Весь день, всю ночь, на яву и во снѣ ему видѣлись картины,—въ ухахъ его непрерывно опазывался однообразный возгласъ банкира: „выигралъ! проигралъ!“—и золотыя монеты пріятно звучали для его слуха! . .

— „Такъ! говорилъ онъ самъ себѣ, такъ! . . Одна ночь, какъ та, могла бы вывести изъ затрудненія: я не былъ бы въ тягоснѣ друзьямъ моимъ; необходимоснѣ повелеваетъ мнѣ повиновашься судьбѣ . . .“

„Другъ, совѣтовавшій ему играть, проводилъ его въ игорный домъ и ссудилъ двадцатью лудорами, на счастье.

„Кавалеръ, поншируя за стараго Полковника, игралъ уже счастливо; но теперь счастье его было непомѣрно! Золото росло передъ нимъ горою. — Меиарсу казалось, что онъ видитъ это во снѣ, онъ проширалъ глаза, ощупывалъ споль, придвигалъ деньги къ себѣ, наконецъ, онъ увѣрился въ истинѣ, считалъ и пересчитывалъ свой выигрышъ! Какая-то алчная радоснѣ овладѣла имъ въ первые; эта радоснѣ была опъ души, незапятнанной доселѣ порокомъ! —

„На другой день, онъ съ неперпѣніемъ ожидалъ наступленія ночи, условленнаго времени для сборища игроковъ.—Счастье не измѣняло

Кавалеру, и въ нѣсколько недѣль онъ выигралъ несмѣшныя суммы. —

„Есть два рода игроковъ. Для однихъ самая игра, составляешь шайное, неизъяснимое наслажденіе; они играютъ, не заботясь о выигрышѣ. Имъ кажется, что сонмы невѣдомыхъ силъ носятся надъ ними, имъ слышится біеніе ихъ крылій, и въ обольщенныхъ сердцахъ раждается желаніе проникнуть въ эту таинственную страну, желаніе созерцать круговращеніе судебъ,—и пролетѣть тѣ непостижимыя пространства, гдѣ предназначаются удачи и неудачи смертныхъ.—Я зналъ чудака, кошорый одинъ, игралъ день и ночь въ своей комнатѣ, понпировалъ пропивъ самаго себя: вошь, по моему мнѣнію, настоящій игрокъ!—Другіе думаютъ только о выигрышѣ; они смонряютъ на игру, какъ на средство къ скорому обогащенію. Кавалеръ принадлежалъ къ сему послѣдному разряду; онъ былъ увѣренъ, что спрасъ къ игрѣ нераздѣльна съ существомъ чловѣка.

„Кругъ знакомыхъ ему игроковъ, вскорѣ спалъ для него тѣсенъ. — Выигравъ значительныя суммы, Кавалеръ завелъ собственнй банкъ и счастье было шакъ ему върно, что онъ въ короткое время сдѣлался первымъ банкиромъ въ Парижѣ. Мрачная, безнокйная жизнь игрока ослабила вскорѣ физическія и умственныя силы Менарса, конми

онъ снискивалъ себѣ споль много любви и уваженія. Онъ не былъ уже вѣрнымъ другомъ, оспроумнымъ любезникомъ и ревностнымъ обожателемъ прекраснаго пола. Любовь къ наукамъ и ко всему изящному угасла въ душѣ его, пламенѣвшей игрою; въ блѣдныхъ и безжизненныхъ чертахъ лица, въ пошупленныхъ и впалыхъ глазахъ явственна выражалась гнусная страсть имъ овладѣвшая . . . . Однимъ словомъ, Кавалеръ Менарсъ сдѣлался совершеннѣйшимъ банкиромъ.

(Продолженіе въ слѣдующемъ No.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

С о н ъ.

Отрывокъ изъ большаго стихотворенія.

(Ея Сіятельству Графинѣ Фикельмонъ.)

[A change came v'erttu spirit of mi dream.

L. ВУРОН.

Въ мое окно спучалъ морозъ полночный —
И вѣсперъ выль; — а я, предъ камелькомъ,
Забывъ давно покоя часъ урочный,
Сидѣлъ согрѣтъ привѣшнымъ огонькомъ . . .
Я полонъ былъ глубокихъ впечатлѣній,
Ихъ мрачноспью волнующихъ сердца,

Спѣсняяся духъ мечпаньями пѣвца —
 Подземныхъ шайнъ и горестныхъ видѣній! . . .
 Я обмиралъ, но къ нимъ спремилъ мой взглядъ,
 Сквозь пѣму въковъ, на безнадежный адъ . . .
 Въ помлени чувствъ, на лопъ поздней ночи,
 Внезапно сонъ сомкнулъ успалы очи;
 Но тѣ мечшы проникли въ душу мнѣ,
 Ужасное мнѣ видѣлось во снѣ:
 И съ Данпомъ я бродилъ въ спранѣ мученья, —
 Смѣнялися одно другимъ явленья! . . .
 Тамъ плачь и вопль лепящъ въ унылый слухъ,
 Мнѣ жженъ глаза, мелкая злобный духъ —
 И въ заревъ грѣховной, душевой сѣни —
 Предспали мнѣ спрадалъческія пѣни! . . .
 То вижу я, испуганъ чуднымъ спомъ,
 Какъ Фаринащъ, горя въ гробу своемъ,
 Приподнялся, бросая взоръ кичливый
 На ужасъ мукъ. — Мяпежникъ горделивый!
 Его крушипъ не гробъ его въ огнѣ,
 Крушипъ позоръ въ родимой споропъ! . . .
 То новый спрахъ! . . . Невольно дыбомъ волосъ!
 Я вижу кровь, — я слышу мукы голосъ:
 Преступникъ самъ, спѣсненъ холодной мглой,
 Терзаемый и гнѣвомъ и поской,
 Вопъ Уголицъ злодѣя черепъ гложетъ,
 Но смерль дѣшей отецъ забытъ не можетъ;
 Клянеть и мстишь, и сердцемъ слышишь онъ
 Не вопль врага, — своихъ младенцевъ спомъ! . . .

Бушуетъ въпръ, и въ бурной пѣмѣ кружищся,
 Шумипъ, свисипъ, и воещъ и клубищся; . . .

Ни холодъ мглы, ни пламень гробовой,
 Не спакъ спрацашь, какъ вихоръ роковой! .
 Въ слезахъ, чета прекрасная молодая
 Песеця съ нимъ, другъ друга обнимая . . .
 Погибло все: — и юность и краса, —
 Утрачены' Франческой небеса!
 И смерть дана, — я знаю: чьей рукою,
 И вижу я: — твой милый другъ съ шобою;
 Но гдѣ — и какъ, скажи, узнала ны
 Любви молодой престоужныя мечпы? . .
 И былъ опивъшь: »О, нѣтъ мученья болѣ,
 Какъ вспоминашь дни счастья въ пляжкой долѣ! .
 Безъ пайныхъ думъ, въ привольной пишишь,
 Случилось намъ чипать наединѣ:
 Какъ Данцеломъ помился спрастью нѣжной
 Блѣдилья мы — и рдѣлся взоръ мяшешной . . .
 Сердца увлекъ плѣнительный разеказь;
 Но, ахъ, одно, одно сгубило насъ!
 Какъ мы прочли, когда любовникъ спрастный
 Прелестныя уста поцѣловаль,
 Тогда и онъ, повариць мой несчастный,
 По мой павѣкъ, къ груди мепя прижалъ,
 И на моихъ уста его дрожали,
 И мы шопъ день ужъ больше не чипали! .

И снился мнѣ другой чудесный сонъ;
 Свѣшльсьишь мракъ, замолкли вошь и спощъ,
 И въ замкѣ я какомъ-то очушился,
 Вокругъ мепя все блещеть, все горить,
 И музыка веселая гремишь,
 И нѣжый хоръ красопъ молодыхъ рѣзвился . .

Франческа! я груспилъ пвоей поскою;
 Но чпо жь? . И здьсь уже ли пы со мною:
 И въ видь помь, какъ давнею порой
 Являлась пы предъ жадною полной;
 Не зная слезь, цвьпя въ земль родимой! . .
 Вопь образъ пвой, и пвой нарядъ любимой;
 Но пы ужь пьвь; кого жь вспрьчаю я?
 Кпо. вдругь шобой предспала предъ меня? . .
 Свьжье розь, прекрасна, какъ надежда,
 Съ огнемъ любви въ плънишельныхъ очахъ,
 Съ улыбною спыдливой на успахъ —
 И черная изъ бархапа одежда,
 Съ богатою узорной бахрамой,
 Воздушный спань, рисуя, обнимаепь,
 Цвьпнь радосни на поясь играепь, —
 И локоны, какъ бы гордясь собой,
 Выгупь на грудь лилейную спруями,
 Ихъ мягкй шелкъ унизанъ жемчугами;
 И грудь ея, во блескъ молодомъ,
 Плъняепь взорь не свьплымъ жемчугомъ!
 Какъ спьтъ бьло, изъ дымки покрывало
 Къ ней за плеча небрежное упало! . .

Иванъ Козловъ. (*)

(*) Издапель счишаепь долгомъ принеспи чувствпшельнъй-шую благодарносшь свою родспвеннику почшеннаго слъща-поэпа, П. А. Козлову, доспавившему ему эпощъ прекрас-ный опрывокъ.

Т Е А Т Р Ъ.

Актеръ и Музыкантъ, или любовь *всему научить*, комедія водевилъ въ одномъ дѣйствіи, представленная на большомъ театрѣ 16 Февраля.

Въ дочь опсавнаго Каммеръ-музыканта *Колкова* влюбленъ по уши актеръ *Рольской*. Эту дочь зовутъ *Сонюшкою*. Колковъ изступленный почипапнелъ музыки, которая доставила ему (замѣтимъ мимоходомъ) трехъ-тысячный пансіонъ, не хочетъ выдать дочери за мужъ иначе какъ за музыканта. Рольской, видя что старика не переупрямишь, рѣшился и усѣвъ выучиться играть на віолончель вариаци на Русскія пѣсни: *среди долины ровной и не будите меня молодю*. Вариаци эти сочинены самимъ Колковымъ, который безъ ума отъ нихъ. Рольской на имянины сестры своей, живущей вмѣстѣ съ нимъ, насильно завезъ Сонюшку съ ея матерью. Колковъ въ изступленіи; полагая вѣроятно, что Актеръ похитилъ и дочь и жену его, прибѣгаетъ на его квартиру. При входѣ Колкова, Рольской начинаетъ играть означенныя вариаци, это ошпавливаетъ Каммеръ-музыканта, Рольской продолжаетъ играть, это смягчаетъ музыкально-родительское сердце, Рольской оканчиваетъ вариаци и Колковъ отдаетъ ему свою дочь.

Вотъ содержаніе водевиля *Актеръ и Музыкантъ*, сочиненнаго бывшимъ музыкантомъ, а нынѣ Актеромъ Г. Григорьевымъ стар. завязка этой пьесы весьма проста (шаква и должна быть завязка

водевилля) по ходъ пѣсы разтянутъ до невѣроятности. Блпыхъ полчаса разговариваетъ Колковъ съ своей женою и потомъ съ Рольскимъ о томъ о сѣмъ пустомъ, или, какъ говорилъ, переливаютъ изъ пуста въ порожнее. Это много-пусто-словіе наскучиваетъ слушателямъ и заспавляетъ ихъ невольно пропускаетъ мимо ушей оспропы, которыя не рѣдко встрѣчаются въ разбираемомъ нами водевилѣ. Конечно онъ, если не ошибаемся, есть претій опытъ Г. Григорьева въ драматическомъ авторствѣ. Это заспавляетъ насъ бытъ къ сему опыту снисходительными; но за всѣмъ тѣмъ повшоримъ Г. Григорьеву стихи изъ давно забытой у насъ комедіи, названіе которой теперь и мы не вспомнимъ:

Самонадѣянность всегда плащаны губитъ:
Совѣща добраго глупецъ одинъ не любитъ!

С М Ъ С Ъ.

А Ф О Р И З М Ы.

Если хочешь жить въ мірѣ долѣе одного мгновенія, — старайся опередить настоящее! . . Кто слѣдуетъ за временемъ, тотъ умираетъ преждевременно! .

Истина, какъ солнце, неизмѣнна! но человекъ кружится въ сферѣ переменъ; вотъ почему не рѣдко истина кажется ему ошибкою, — и ошибка истиною! .

Отрывокъ изъ записокъ Бурьеня.

Въ то время; когда побѣда упрочивала, въ Италіи, судьбу перваго Консула, братья его занимались менѣе дѣлами Франціи, чѣмъ своими собственными; они столько же любили деньги, сколько Бонапартъ любилъ славу. Изъ письма Луціана, адресованнаго къ брату его Іосифу, можно видѣть: какъ они были всегда готовы обирасть въ свою пользу, и славу и состояніе того, кому были обязаны всѣмъ. Я нашелъ въ своихъ бумагахъ это письмо Луціана — и признаюсь, не умѣю самъ себѣ опдѣлать опчета, для чего и какимъ образомъ я сохранилъ его. — Письмо это, кажущее мнѣ темъ болѣе занимательнымъ, что оно ясно показываетъ, какъ вся фамилія будущихъ Королей спыдилась своего положенія, и какова бы была судьба ея, если бѣ Бонапартъ, подобно Дезе, погибъ на поляхъ Маренго. — Впрочемъ, довольно любопытно познакомишься съ философомъ Луціаномъ заспавляющимъ служивъ молебны, имѣя въ виду вліяніе на арендные курсы.

И такъ, вопрь это письмо, точно въ томъ видѣ, какъ написалъ его Луціанъ; я сохраняю слова подчеркнутыя имъ — и оставляю даже избытокъ его восклицательной пунктуаци:

Сего 24 Іюня

„Посылаю къ тебѣ курьера. — Я пламенно желаю, „чтобъ первый консулъ за 24 часа до своего прибытія, предупредилъ меня, и чпобы назвалъ *мнѣ* одно-

„ну заспаву, въ которую вѣдетъ. — Парижъ на-
 „мрениъ приготоуитъ прѣумфальныя воропа. — Но-
 „бдиптель спонитъ ихъ!

„Гретьяго дня, по приглашенію моему, служили
 „молебень. — 60 ш. человекъ присупспивовали при
 „ономъ!

„Пронски Д'Опеля (d'Auteil) не прекращались;
 „долго не могли рѣшиться: кого выбрапъ Ц . . . . или
 „Ф . . . ., сей, послѣ предложилъ мнѣ въ замужество
 „дочь свою! . . Инприга была доведена до послѣдней
 „крайности! не знаю, чю спороу припалъ первосвя-
 „щенникъ, мнѣ кажется онъ былъ, въ пользу одного
 „изъ Принцевъ Орлеанскаго Дома, и другъ пвой
 „д'Опель былъ душою всего! Вѣсть о Моренго пора-
 „зила ихъ, но, не смотря на эпію, на другой день
 „первосвященникъ провелъ по крайней мѣрѣ, при ча-
 „са вмѣстѣ съ другомъ пвоимъ д'Опелемъ . . . Чпо
 „касается до насъ, если бы побѣда при Моренго спои-
 „ла жизни первому Консулу, то въ эту самую мину-
 „ту, когда я пишу къ тебѣ, мы вѣрно были бы все
 „изгнаны.“

„Въ письмахъ своихъ ты не упоминаешь мнѣ ниче-
 „го о томъ, что я ожидалъ пайпи въ нихъ . . . Я на-
 „дѣюсь, по крайней мѣрѣ, чпо буду предупрежденъ
 „объ опвѣстѣ изъ Вѣны, во всякомъ случаѣ . . . . Жа-
 „месь гошовъ. — Мнѣ очень досадно, чпо ты не могъ
 „прислать мнѣ къ Моренгскому сраженью мою ло-
 „шадь.“

„Праздникъ 14 Юля, будетъ прекрасенъ: здѣсь все
 „спокойно—ждутъ мира, а перваго Консула, гошовой
 „встрѣтись какъ побѣдителя. Все семейство наше
 „здорово—жена пвоя и вся ея фамилія въ Морфон-
 „шенъ (Morfontaine) . . . Рей (Reu) прибылъ въ Па-
 „рижъ: онъ также въ Морфоншенъ. — Я все люблю
 „тебя по прежнему и обнимаю опъ души. Зачѣмъ
 „возвращасья ты вмѣстѣ съ первымъ Консуломъ?
 „А миръ? . . . а Испалія!! . . . подумай о нашемъ по-
 „слѣднемъ свиданіи. Обнимаю тебя.“

На сторонѣ письма написано:

„Прочти письмо къ Консулу и *запечатавъ оное ра-*
 „*чительно* отдай ему.

„Вручи ему приложенія. Г-жа Мюрапъ никогда не
 „жила у меня. Мужъ ея глупецъ, чшобы проучить
 „его, она бы цѣлый мѣсяць не должна была писать
 „къ нему.“

„Луціанъ Бонапарше.“

Первый Консулъ, побѣдитель при Моренго, ушвер-
 дяся еще болѣе въ своей власти, послѣ столь значи-
 тельнаго успѣха, остался на нѣсколько дней въ Ми-
 ланѣ, чшобъ устроить дѣла Испаліи. Онъ приказалъ
 мнѣ выдать Г-жѣ Грассини деньги на проѣздъ въ Па-
 рижъ (*). Мы уѣхали при восклицаніяхъ жителей, и
 опправились по дорогѣ къ Турину. Проѣзжая сей го-

(*) Говорящъ, что въ 1814 году Герцогъ Веллингтонъ искалъ
 расположенія Г-жи Грассини. Вѣроятно для того, чшобъ
 имѣть хотя какое нибудь сходство съ Генераломъ Бона-
 парше.

родъ, первый Консулъ остановился въ немъ на нѣсколько часовъ, которые, по большой части, употребилъ на посѣщеніе цитадели, уступленной намъ въ слѣдствіе Александрійской капитуляціи.

Прѣхавъ Моринось, встрѣтили мы не далеко отъ Новалеза, карету Г-жи Келлерманнъ. Первый Консулъ, узнавъ Г-жу Келлерманнъ, ѣхавшую на встрѣчу своему мужу, остановилъ ее и поздравилъ съ блистательными успѣхами ея мужа, въ сраженіи при Моренго.

Я не спашу распространяться о воспоргѣ и удивленіи, съ которыми встрѣчали Бонапарше, всюду, гдѣ онъ прѣзжалъ; въ то время случалось то же самое, во всѣхъ его вояжахъ, и чувства, которыя столь живо обнаруживались, не были притворны. — Прѣхавъ въ Ліонъ мы остановились въ Целестинскомъ Отель; въ день нашего прибытія радостныя клики такъ часто повторялись, и собраніе народа было столь многочисленно, что Бонапарше былъ принужденъ выйти на балконъ. — На другой день опираясь онъ на площадь Белкуръ, гдѣ, при шумныхъ восклицаніяхъ Ліонцевъ, положилъ первый камень основанія новыхъ заведеній, которыя должны были загладить опустошительные слѣды революціи.

Передъ тѣмъ, какъ онъ отправлялся на сію церемонію, продиктовалъ онъ мнѣ къ Консуламъ письмо слѣдующаго содержанія:

„Я прѣхалъ въ Ліонъ, Консулы—Граждане! и оста-

„новился въ немъ съ тѣмъ, чпобы положить первый
 „камень основанія зданій площади Белкуръ, которую
 „начнутъ возобновлять. — Только одно это обстоя-
 „тельство могло замедлить прибытіе мое въ Па-
 „рижъ, я не могъ пропитьвисья влеченію своего чес-
 „толюбія; я хочу быть возобновителемъ сей площа-
 „ди, которую видѣлъ столь прекрасною и которая
 „нынѣ такъ отвратительна.—Мнѣ общаются окон-
 „чить ее въ два года.

„Я надѣюсь, что прежде этого времени поргволя
 „сего города, которою гордилась цѣлая Европа, при-
 „дешь опять въ цвѣтущее состояніе.

„Прощайте!

Бонапарше.“

Мы выѣхали изъ Ліона ввечеру и продолжали
 путь свой чрезъ Дижонъ.—Прибытіе наше въ этотъ
 городъ произвело въ жителяхъ онаго воспоргъ, близ-
 кій къ изступленію. Толпа молодыхъ прелестныхъ
 женщинъ въ роскошныхъ одеждахъ, убранныхъ цвѣ-
 шами и провожавшихъ карету Бонапарше, представ-
 ляла картину необыкновенную, и въ эпоху, когда
 революція впощила всѣ республиканскія воспомина-
 нія Греціи и Рима, она живо напоминала хоры древ-
 нихъ Гречанокъ, танцующихъ вокругъ побѣдителей,
 на играхъ Олимпійскихъ.

Но во время дороги нашей не все было такъ прив-
 лекательно; — и насъ ожидали нѣкоторыя непріят-
 ные случаи: карета первого Консула изломалась ме-

жду Виленевъ де Руа (Villeneuve-le-Roe) и Сансомъ; онъ послалъ курьера къ моей матери сказать, что намъренъ дожидаться у ней, пока карета будетъ починена; онъ обѣдалъ шамъ и мы выѣхали не ранѣе 7 часовъ вечера.

Но шѣмъ дѣло не кончилось, насъ ожидало еще одно непріятное приключеніе: переднимъ колесомъ кареты, заѣли мы за сполбъ и она опрокинулась на длинномъ мосту передъ Монпро-фо-Юонномъ (Montpreau-faut-Ionne). Первый Консулъ, по правую руку котораго я сидѣлъ, упалъ на меня и ни мало не ушибся.—Я получилъ легкій ударъ въ голову, нѣкопорыми изъ вещей положенныхъ въ верхней сѣткѣ кареты, но это не спомило того, чтобы останавливаться, и мы выѣхали въ Парижъ въ ночь съ 2 на 3 Іюля. Дюррокъ бывшій такъ же въ каретѣ и сидѣвшій по очереди впереди оспался невредимъ.

Читатели знаютъ уже, что Бонапарте былъ словоохотенъ въ дорогѣ; разговоры его не всегда были одинаково занимательны, но я долженъ передать здѣсь то, что онъ говорилъ мнѣ, проѣзжая Бургундію во время возвращенія своего изъ-подъ Маренго въ Парижъ: „Да, сказалъ онъ еще нѣсколько важныхъ произшествій, подобныхъ эпохой компаніи, и я оспанусь въ памяти потомства.“—Мнѣ кажется, опвѣчалъ я, что вы сдѣлали уже довольно; вы заспали говорить о себѣ долго и вездѣ.—„Да, такъ! я сдѣлалъ довольно, но! ты слишкомъ милосивъ! Конечно менѣе, чѣмъ

„въ два года завоевалъ я *Каиръ*, *Парижъ* и *Миланъ*,
„но другъ мой, если бы я завпра умеръ, по вѣрно
„по прошествіи 10-ти столѣтій не имѣлъ бы даже
„ни одной страницы въ исторіи!“ Онъ былъ правъ!
Чишая исторію, мы видимъ вѣка, мслькающіе передъ
нашими глазами; время же одного царствованія, или
одной жизни, въ сраженіи съ ними, такъ незначитель-
но! Одна страница въ исторіи достапочна для всѣхъ
побѣдъ Александра и Кесаря, для всѣхъ опустошеній
Тимура и Чингисъ-Хана.—Мы, знаемъ только малѣй-
шую часть прошедшихъ вѣковъ, споишь ли послѣ
этого для такой бездѣлицы опустошать міръ?

(*Окончаніе въ слѣдующемъ Но.*)

Н О В О С Т И.

Народонаселеніе Филадельфій составляетъ нынѣ
195,000 жителей. Въ печеніи 10 лѣтъ увеличилось
оно 58,000, въ печеніи 20 лѣтъ 83, и въ печеніи 30
лѣтъ 114,000 человекъ.

Наполеонъ все еще съ избыткомъ являются на
Парижскихъ театрахъ. Одна изъ новѣйшихъ піесъ въ
эпомъ родѣ, называется: „*Тридцать лѣтъ изъ жизни*
Великаго человека;“ а другая: „*Малмаизонъ и Ст. Елена*.“

Въ Парижѣ откроется скоро еще одинъ театръ,
подъ названіемъ: *Théâtre Molière*.

Сборы Парижскихъ театровъ до того упали въ последнее время, что одинъ изъ тамошнихъ журна-
листовъ совѣтуетъ Директорамъ театровъ: предос-
лавить всѣ сборы богадѣльнямъ, удержавъ для себя
только ту часть, какую они обязаны были платить
въ пользу помянутыхъ заведеній; — журналистъ
увѣряетъ, что отъ этой перемѣны Директоры не
останутся въ накладѣ.

На мѣстѣ сгорѣвшаго театра de l'Ambigu comi-
que, въ Парижѣ выстроены новый, прелестный теа-
трикъ, который открытъ 19 Января [н. с.], подъ
именемъ Théâtre des folies dramatiques.

Кембриджскій Университетъ предлагаетъ на раз-
рѣшеніе слѣдующую задачу: „*Больше ли вреда, или бо-
льше пользы принесъ даръ слова человечеству, въ его
моральному и политическому быту?*“

[Изъ Иностр. Журн.]

СО Д Е Р Ж А Н І Е №. XVI.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Счастье итрока
(Повѣсть Гофмана.) *Стихотворенія:* Сонъ; соч. *Звана
Козлова.* ТЕАТРЪ. Актеръ и Музыкантъ СМѢСЬ. Афо-
ризмы. Опрывокъ изъ записокъ Бурьеня. **НОВОСТИ, НОТЫ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 23 Февраля 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

С Ч А С Т Ь Е И Г Р О К А.

(Повѣсть Гофмана.)

Г Л А В А III.

(Продолженіе.)

„Однажды, Кавалеръ, хопя и безъ значительной для себя потери, увидѣлъ однако же, что счастье его пошатиулось. Въ это время малорослый, сухощавый спаричокъ, одѣшый весьма бѣдно, почти отвратительно, подошелъ къ игорному столу, дрожащею рукою взялъ каршу и положилъ на нее золотую монету. Многіе изъ игроковъ вспрѣшли его взорами, выражавшими удивленіе и досаду; но онъ, какъ бы не замѣчалъ этого, не сказалъ ни слова.

„Спарикъ проигралъ. Потомъ еще, еще . . . но чѣмъ болѣе возрасшалъ его проигрышь, тѣмъ радостнѣе казались игроки. Наконецъ одинъ изъ нихъ, когда спарикъ, сшавя на каршу все въ двое, потерялъ вдругъ пятьдесять луи-

доровъ, вскричалъ съ громкимъ смѣхомъ: „браво, браво, сеньоръ Вершуа! не робѣйте; вы на прямомъ пуши къ счастью и вѣрно сорвете весь банкъ!

„Спарикъ злобно взглянулъ на насмѣшника и посиѣшнѣо скрылся; черезъ полчаса онъ возвратился опять съ полными карманами; и черезъ полчаса опять опустошилъ ихъ.

„Кавалера весьма удивило презрѣніе, съ какимъ смолчали все на спарика, и когда сей послѣдній удалился изъ залы, Менарсъ не скрылъ своего удивленія отъ игроковъ.

— „Какъ, вы не знаете стараго Франческа Вершуа? „вскричалъ одинъ изъ нихъ; безъ этого вы не только не оуждали бы нашего поступка, но еще одобрили бы его! Знайте же, что эшотъ Вершуа,—родомъ Неаполишанецъ,—въ продолженіе пятнадцати-лѣтняго пребыванія своего въ Парижъ, казался самымъ ужаснѣйшимъ скупцемъ! Чувство челоуѣколюбія неизвѣстно его сердцу: если бы даже и родной отецъ умиралъ съ голода у ногъ его, Вершуа не далъ бы ему ни одного луидора. Проклятія многихъ, разоренныхъ имъ семействъ, преслѣдуюшъ корыслоубца. Онъ ненавидимъ всеми! Мы никогда не видывали, чшобъ онъ игралъ, и пошому можете предсказать себѣ наше удивленіе, когда онъ явился въ эшой залѣ. Не досадно ли было бы намъ, если бы такой челоуѣкъ обыгралъ насъ?

Богатство вашего банка приманило его сюда; но алчный коршунъ разперялъ здѣсь свои перья! я увѣренъ, что эпопѣя спарый скряга никогда больше не покажетъ сюда глазъ; мы навсегда отъ него избавились!

„Это предсказаніе однако же не сбылось; на слѣдующую же ночь Вертуа присѣлъ къ банку Менарса—и проигралъ гораздо болѣе, нежели накануне. Онъ казался спокойнымъ, горькая и вмѣстѣ ироническая улыбка, какъ бы говорили другимъ: „погодице! . скоро все переѣнишься! . Но ни что не переѣнилось: проигрывъ спарика возрасшалъ всякую ночь: насчитывали, что онъ спустилъ болѣе тридцати тысячъ лудоровъ . . . . Однажды, когда игра давно уже началась, Вертуа вошелъ блѣдный, разстроенный, — и усѣлся поодаль отъ стола, не сводя глазъ съ мешавшаго банкъ Менарса. Наконецъ, когда Кавалеръ перетасовавъ карты, готовился начать новую талію, старикъ закричалъ голосомъ, приведшимъ въ трепетъ всѣхъ его окружавшихъ: „Atandes! — и, распалкивая полну игроковъ, продрался къ Кавалеру: — „Кавалеръ! сказалъ ему старикъ на ухо: хотише ли держатиъ восемьдесятъ тысячъ франковъ, пропивъ моего дома, въ улицѣ Saint-Honore, со всѣмъ, что въ немъ заключается, съ мебелью, серебромъ и други драгоценностями?

— „Хорошо, сказалъ хладнокровно Кавалеръ; и не оборачиваясь къ спарику началъ шалію.

— „Дама! сказалъ Вершуа; и дама съ оника была убиша! — Спарикъ упалъ бы навзничь, еслибъ не поддержался спѣною, и оспался безмолвенъ какъ спашуя. — Никто не обратилъ на него вниманія.

„Игра кончилась, игроки расходились; Кавалеръ съ помощію своего половинщика складывалъ выигранное золото въ ларчикъ; тогда старый Вершуа вышелъ изъ своего угла, какъ привидѣніе и сказалъ мрачнымъ голосомъ: — Кавалеръ, еще одно слово,—последнее!

— „Что такое? спросилъ Кавалеръ, запирая ларчикъ и глядя съ презрѣніемъ на спарика.

— „Я проигралъ вамъ все мое имущество, опвѣчалъ Вершуа, мнѣ не остается ничего, ничего . . . я не знаю, гдѣ приклонить завпра голову, чѣмъ утолюю голодь; Кавалеръ, я у васъ ищу убѣжища. Дайте мнѣ десятую часть той суммы, копорую вы у меня выиграли, дабы я могъ начать торгъ и выдши изъ крайности.

— „Что вы это, Сеньоръ Вершуа? сказалъ Кавалеръ; развѣ вы не знаете, что банкиръ никогда не долженъ возвращать своего выигрыша? Это положено въ правилахъ, и я никогда отъ нихъ не отступаю.

— „Вы правы, Кавалеръ, прибавилъ Вер-

шуа. Мои требованія были нелѣпы. — Десятую часть! нѣтъ, возвратите мнѣ двадцатую.

— „Я вамъ сказалъ, отвѣчалъ Кавалеръ съ сердцемъ, что не дамъ ничего изъ моего выигрыша!

— „Да, сказалъ Вершуа, лице кошораго болѣе и болѣе блѣднѣло, а взоры спановились мрачнѣе,—да, вы въ правѣ не отдавать мнѣ ничего. Я самъ поспунилъ бы такъ же! . . Но нищему подаюшъ же милоспыню, дайше мнѣ сно луидоровъ изъ шѣхъ богатствъ, коими случай надѣлилъ васъ сегодня!

— „Не дамъ! гнѣвно вскричалъ Кавалеръ. Вы масперъ беспокоите людей, Сеньоръ Вершуа! Я вамъ говорю, что не получите отъ меня ни ста, ни пядидесяти, ни двадцати, ни даже одного луидора. Съ ума развѣ сошелъ я, чтообъ далъ вамъ средство продолжатъ ваше гнусное ремесло! Судьба повергла васъ въ прахъ, какъ зловреднаго червя и пресупно было бы извлекашъ васъ изъ ничтожества! . . Спунайше и научишесь переносишъ участъ, вами заслуженную! . .

„Вершуа закрылъ лице свое руками и началъ стонать. Кавалеръ приказалъ людямъ отнести ларчикъ въ карету и сказалъ громко: „когда отдадите вы мнѣ вашъ домъ и имущество, Сеньоръ Вершуа?

Вершуа, собравшись съ духомъ, отвѣчалъ

пвердымъ голосомъ: Сей часъ,—сію минушу, Кавалеръ! Извольте идти за мною.

— „Хорошо, возразилъ Кавалеръ, я доведу васъ въ моей каретѣ до вашего дома, копорый вы завпра оставише.

„Въ продолженіе всего пути Вершуа и Кавалеръ не говорили ни слова. Прибывъ къ дому въ улицѣ Сени-Опоре, Вершуа дернулъ за ручку звонка. Малорослая старуха отперла дверь и увидя Вершуа вскричала: — Господи, Царю Небесный, эшо вы наконецъ, сударь! Анжела чуть не умерла, безпокоюсь о васъ!

— „Тише, отвѣчалъ Вершуа. Дай Богъ, чтобъ Анжела не слыхала эшаго несчастнаго звонка! Она не должна знашь о шомъ, что я возвратился! . . .

„При сихъ словахъ онъ вырвалъ фанаръ изъ рукъ старухи, копорая безмолвствовала ошъ удивленія, и освѣпилъ Кавалера.

— „Я приготовился ко всему, сказалъ Вершуа. Вы меня ненавидише, Кавалеръ, презираете, радуешесь моему несчастію; — но вы меня не знаете! Я былъ нѣкогда такимъ же игрокомъ какъ вы, своенравное счастье долго мнѣ покровительствовало; пробѣгая Европу, гдѣ ни останавливался я, оно всегда было со мною и банкъ мой изобиловалъ золотомъ. Я имѣлъ прекрасную и вѣрную жену, о копорой мало заботился: среди избытка она была несчастна! Однажды, эшо случи-

лось въ Генуѣ, гдѣ я содержалъ банкъ, одинъ молодой человекъ, родомъ изъ Рима, проигралъ мнѣ все свое наследство, онъ просилъ меня дать ему сколько нибудь денегъ, чтобы возвратиться въ Римъ. Я отказалъ ему въ деньгахъ, осыпая его насмѣшками; въ ожесточеніи онъ вонзилъ мнѣ въ грудь кинжалъ. Съ прудомъ могли Доктора спасти мнѣ жизнь, и выздоровленіе мое было продолжительно. Жена моя ухаживала за мною, утѣшала меня, и раздѣляла тягость моихъ страданій! . . Съ возрожденіемъ силъ моихъ, во мнѣ снова родилось чувство, которое полагалъ я умершимъ на вѣки, или, сказано правду, въ сердцѣ моемъ зажглася спраснь, невѣдомая мнѣ дошоль! . Игроку чужды ощущенія благородныя, — и я впервые узналъ цѣну любви и преданности супруги! . . Я сознавалъ себя виновнымъ противъ жены моей; ея спокойствіе я проигрывалъ въ карты; — и мысль о несчастныхъ жертвахъ заблужденія, доведенныхъ мною до нищеты, — какъ Гений-мститель, перзала мою душу! . . . Въ ушахъ моихъ, какъ гробовой голосъ, слышались дикіе вопли ихъ упрековъ! . . но присутствіе милой супруги разгоняло мрачную тоску мою; — я поклялся не брать болѣе картъ въ руки, и поселился въ уединенномъ загородномъ домикѣ, не подалеку отъ Рима. Но увы! только одинъ годъ наслаждался я счастіемъ

и довольствомъ, эшими благами, неизвѣстными мнѣ дополъ! . . Жена моя родила дочь и умерла черезъ нѣсколько часовъ послѣ родовъ.—Я былъ въ отчаяніи, обвинялъ Небо, проклиналъ самаго себя, и, какъ преступникъ, страшащійся уединенія, оставя родимый кровь, возвратился въ Парижъ. Анжсла, это невинное подобіе своей мащери, росла на глазахъ моихъ; ей одной посвящалъ я мои заботы: только для нее хотѣлъ увеличить свое богатство! Несправедливо обвиняюшъ меня въ томъ, что я обходился безжалостно съ несчастливцами, искавшими у меня помощи! Кто мои обвинители? . . негодяи, пребывавшіе онъ меня безопвязно въ займы денегъ, и промопавшіеся въшренники, озлобленные на меня за то, что я пребывалъ, напослѣдокъ, уланы должныхъ мнѣ денегъ,—денегъ, которыми разполагалъ я только какъ временный управитель, ибо все мое имущество принадлежало моей дочери! Недавно спасъ я онъ позора молодого дворянина, повѣривъ ему значительную сумму, въ надеждѣ на его наслѣдство. Предсавъше же себѣ, Кавалеръ: онъ опперся онъ этого долга въ судѣ, не хотѣлъ заплашить его? Я бы могъ сказать вамъ двадцать примѣровъ, заспавившихъ меня бытъ безжалостнымъ и доказавшихъ мнѣ, что опромешчивость нерѣдко влечетъ за собою дурныя послѣдствія . . . Это не все

еще: я бы спалъ говоришь вамъ, что эти глаза много пролили слезъ, что не разъ молилъ я Небо за себя и Анжелу! . . . но напрасно!—вы не повѣрите мнѣ, вы назовете меня обманщикомъ,—назовете такъ потому, что вы игрокъ!—Я полагалъ, что силы ада не враждуютъ болѣе со мною; но онѣ осѣпили меня! . . . Всѣ говорили о вашемъ счастьи, Кавалеръ; всякій день я встрѣчалъ игроковъ, копорыхъ вы пустили по міру;—мнѣ вошло въ голову, что только я избранъ судьбою помѣряться съ вами счастьемъ,—какой-то тайный голосъ вызывалъ меня положить конецъ вашему грабительству; и эта мечта преслѣдовала меня повсюду. Вошъ почему явился я къ вашему банку и до тѣхъ поръ не оставилъ его, пока все, что ни принадлежало моей Анжелѣ, перешло въ ваши руки! Да, Кавалеръ!—Позволите ли вы взять гардеробъ моей дочери?

— „Онъ мнѣ не нуженъ!“ отвѣчалъ Кавалеръ. Вы можете взять даже вашу постель и посуду. На что мнѣ эта мелочь? . . . Но, не смѣйте пронуть ни одной значительной вещи! я стану сморщиться за вами въ оба глаза . . . .

„Старый Вертуа пристально взглянулъ на Кавалера, и слезы ручьями полились изъ глазъ его; упавъ къ ногамъ Менарса, вскричать онъ въ отчаяніи:—будьте сострадательны къ че-

ловѣчеству! сжалъсь надъ нами! Вы разорете не меня, но мою дочь, мою невинную Анжелу! ради Бога, сжалъсь! возвратите ей двадцатую часть тѣхъ сокровищъ, копорыя вы у меня выиграли! . . О, Анжела! о, дочь моя!

„Степя и рыдая, старикъ Вернуа неоднократно повпорялъ имя дочери . . .

— „Эта комическая сцена мнѣ надоѣла! . . сказала Кавадьеръ гнѣвнымъ голосомъ; но въ ту же минушу дверь отворилась и молодая дѣвушка въ бѣлой ночной одеждѣ, съ распущенными волосами и лицомъ покрытымъ смертною блѣдносною, бросилась къ старому Вернуа, подняла его и прижавъ къ сердцу вскричала:—бабушка! я все слышала, я все знаю. По вы не всего еще лишились: съ вами остается Анжела! Она будетъ трудиться для васъ! Бабушка, не унижайтесь долге передъ этимъ надмѣннымъ человѣкомъ! . Онъ гораздо бѣднѣ насъ, онъ болѣе, нежели мы, достоинъ жалости! . .

„Вернуа, почти безъ чувствъ, упалъ въ кресла. Анжела, юная, блестящая красотой Анжела бросилась къ ногамъ его, обняла поцѣлуями дрожащія руки старца и со слезами умоляла его не предаваться отчаянію!—Трудами хотѣла она споскивать пропитаніе. — и называла себя счастливою. Какой закоренѣлый злодѣй не прнулся бы этимъ?

„Кавалеръ не понималъ что происходило въ душѣ его: раскаяніе, стыдъ и какое-то новое, дошолъ неизвѣстное ему чувство боролось въ тревожной груди Менарса;—онъ не любилъ еще, онъ видѣлъ Анжелу впервые: видя Анжелу, можно ли было не полюбить ее . . и лившись въ домъ игрокомъ-раззорилелемъ опца, можно ли было надѣяться любви дочери? . . Онъ хотѣлъ говорить, но не находилъ словъ, голосъ его прерывался и онъ едва могъ произнести: Сеньоръ Вершуа! . . я ничего у васъ не выигралъ, ничего!—Вотъ мой ларчикъ, онъ принадлежитъ вамъ . . . я вашъ должникъ . . . возьмите, возьмите! . .

— „Дочь моя! вскричалъ Вершуа.

„Анжела вспала, подошла къ Кавалеру, окинула его гордымъ взоромъ и сказала съ пвердосіію:—Кавалеръ, узнайте, что есть нѣчто возвыщеннѣе золота и богатства! Это чувства, чуждыя вашему сердцу;—въ нихъ находимъ мы утѣшеніе Неба; онъ-то велитъ намъ съ презрѣніемъ опвергнути дары ваши!—Безжалостный игрокъ! берегите для себя золото, клейменное проклятіями семействъ? . .

— „Такъ! . . вскричалъ Кавалеръ, — такъ, пусть падетъ на меня проклятіе, пусть поглощаютъ меня бездны ада, если я когда либо запятнаю снова руки мои картами! не удаляйте меня Анжела; . . не ужели вы хотите быть причиною моей гибели! . . . вы

не понимаете меня . . . почитаете за безумца . . . но скоро вы поймете все!—Анжела! жизнь или смерть! просните!“

„Кавалеръ поспѣшно удалился. Вертуа проникъ въ глубину души его; онъ видѣлъ, что въ ней происходило, и спарался успокоить Анжелу, которая спрашивалась разгаданъ то, что говорилъ отецъ ея. Она, полагала, что не можетъ сморгнуть на Кавалера иначе какъ съ презрѣнiемъ. Но казавшееся невозможнымъ, несбыточнымъ, совершилось волею судьбы, совокупившей въ глубинѣ человѣческаго сердца всѣ возможныя противорѣчiя!

(*Окончанiе въ слѣдующемъ No.*)

С Т И Х О Т В О Р Е Н I Я.

Г а д а л ь щ и к ъ.

Поставь передъ свѣчей хорошенькую ручку!
 Смощри какъ въ ней дѣвическая кровь
 Алещь, какъ заря сквозь дымку облаковъ
 Иль перломупровую шучку . . . . .
 И жилки синiя бѣгутъ, какъ ручейки,
 По бѣлизнѣ швоей руки! . . .
 Но что жь задумалась, голубушка Алина!
 Ты хочешь, чтобы сказалъ, при всѣхъ, *гадальщикъ я,*
 Что, молча, говоришь рука швоя?
 Изволь! . . . какъ хороша мой другъ, швоя судьбина:

Прекрасна, какъ весной веселая долина,
 Когда въ ней первые прорѣжутся цвѣтшы! . . .
 Вонъ *жизни линия*—прямая какъ дорога . . . .
 На ней какія-то пелсныя мечтшг:
 Конечно встрѣтштся и слезки и пререга
 И надобливо сполтштся суепы . . . .
 Но ты отъ мирнаго, домашняго порога
 Далеко не пойдешь . . . .
 И знаешь, милая! ты долго проживешь!
 Обнимешь дочь и за мужъ выдашь внучку:
 Кого жь сама супругомъ назовешь? . . .
 Но за гаданье мшъ, покамѣшъ, дайше ручку! . . .

Θ. Глинка.

Э П И Г Р А М М А.

Смолрише: какъ умно Аршиоръ, дѣлецъ съдой
 И съ прибылью и съ долгомъ ладитшъ:
 Онъ пишешъ приговоръ ворамя одной рукой,
 А самъ другою крадешъ! .

В. Т.

Т Е А Т Р Ъ.

Горе отъ ума, комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. А. С. Грибоѣдова и *дивертиссементъ*. (Бенефисъ Актера Г. Брянскаго, на большомъ театрѣ, 26 Января.)

Наконецъ, многолѣпнее желаніе Петербургской публики исполнилось: наконецъ—вънокъ безсмертія Грибоѣдова—комедія *Горе отъ ума* явилась вполне на нашей сценѣ. Благодареніе за сіе Г. *Брянскому*.

Горе отъ ума уже, какъ мы слышали, печатается. По выходѣ эпной піэсы изъ типографіи поговоримъ о ней: а теперь только скажемъ наше безпристрастное мнѣніе объ игрѣ въ оной артистовъ.

Начнемъ вопросомъ: почему Г. Бенефициантъ не взялъ на себя лице *Фалусова* а остался при прежней своей незначительной роль *Горига*, которую могъ бы занять актеръ и по наряду, и не испортить ее, а *Фалусовъ* выигралъ бы во мнѣніи образованной публики?

Въ роль *Собѣи Павловичъ* мы видѣли опять Г-жу *Семенову*, явившуюся на сцену послѣ долговременной болѣзни. Выгодной разницы въ игрѣ ея мы не замѣтили.

Г. *Каратыгинъ б.* резонировалъ въ *Чацкомъ* съ большимъ жаромъ. Не мѣшало бы иногда рѣзкія испины, проповѣдуемая *Чацкиемъ* смягчать дикцію, иначе характеръ его ставовишся на сценѣ слишкомъ тяжелымъ.

Молчалина представилъ Г. Дюръ вѣрно съ пымъ. Это былъ настоящій *геловтикъ*, у котора два прекраснѣйшіе шалаши *улыбенность* и *актностъ*, и который, впрочемъ, не упускаетъ случая казнить съ женщинами *подъ шулокъ*.

Но искусство, съ какимъ Г. *Сосницкій* изобразилъ характеръ *Репетилова*, вѣрнаго члена Англійскаго клуба—мошугу, превосходитъ всякое описаніе. Чшобъ имѣть понятіе объ этомъ искусствѣ, надобно видѣть его на сценѣ.

Полковника *Скалозуба* игралъ Г. *Григорьевъ* ст. и сыгралъ его довольно опчеписто. Жаль только что онъ не показалъ ни малѣйшаго самодовольствія, когда *Скалозубъ* на вопросъ *Филусова*: *какъ ему доводится Нистасья Николаевна?* отвѣчаетъ мнимымъ, или, пакъ сказать, армейскимъ бон-мо:

Не знаюсь — виновать:

Мы съ нею вмѣстѣ не служили!

Горничная *Лиза* (Г-жа *Азревичева*) заслужила одобреніе, а можетъ быть и возбудила въ *иныхъ* зависъ любовью своею къ *буфетнику Петрушкѣ*.

Говорить объ удовольствіи, доставленномъ публикѣ шалашиами Г-жи *Каратыгиной б.* и Г. *Брянскаго* (*Горичевы*) мы починаемъ за лишнее: удовольствіе это неразлучно съ ними въ Комедіи.

С М Ъ С Б.

РЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ БУРЬЕНЯ.

(Окончаніе.)

попъ день, когда Дезе, способствовавшій столь выигрышу побѣды, болѣе чѣмъ сомнительной, лъ на поляхъ Моренго,—въ попъ самый день Му-зульманшт-фаашиктъ, Солиманъ Галеби поразилъ кинжаломъ Клебера и ударомъ симъ утвердилъ освобожденіе Египта. — Такъ, въ одинъ и попъ же день, и почти въ одинъ часъ, опечесиво лишилось двухъ знаменитѣйшихъ Генераловъ Французской арміи. Мену, по праву старшинства, принявшій послѣ Клебера званіе Главнокомандующаго, былъ утвержденъ въ ономъ первымъ Консуломъ — и съ этой минушы потеря Египта была неизбежна.

Если бъ Бонапарте не пребоваъ возвращенія Генерала Дезе изъ Египта и оставилъ ему начальство послѣ Клебера, то конечно могъ бы надѣяться на сохраненіе своихъ завоеваній. Сколь пятостна потеря такого чловѣка, каковъ былъ Дезе! много говорили о прекрасныхъ его качествахъ и безкорыстной храбрости, но все это было недостаточно.—Можно судить о семъ по последнему письму, которое онъ писалъ изъ Тулона къ первому Консулу, по возвращеніи своемъ изъ Египта. — Я съ величайшимъ стараніемъ сохранилъ это письмо;—вотъ оно:

„Генераль!

„Цѣля довѣренность, которую вы оказали мнѣ, при-

казавъ соединиться съ вами, въ печеніи прошедшей зимы. Я пламенно желалъ исполнить вашу волю, но Генераль Клеберъ никакъ на это не соглашался; онъ удержалъ меня и, пропивъ воли моеи, заставилъ заключить д'Эль-Арихское условіе. — Наконецъ послѣ тысячи препяшствій, побѣжденныхъ не безъ труда, уѣхалъ я изъ Александріи 13 Въвпоза на Рагузскомъ корабль, сопровождаемомъ шлюпомъ, на коемъ находился Генераль Даву.

Съ какимъ неперпѣніемъ желалъ я достигнуть цѣли своего путешествія! пропивныя въпры, шпили приводили меня въ опчаявіе; я непременно хотѣлъ пріѣхать еще во время, чпобы присутствовать при началѣ блистательной компаніи, которая вѣроятно теперь открываеися подъ вашимъ начальствомъ. Наконецъ послѣ бури, продолжавшейся 30 дней; послѣ болѣзней и остановокъ въ Корсиѣ, гдѣ Турки обошлись съ нами очень хорошо; въ Сициліи, и въ Сіянь, гдѣ жили по привычкѣ, хотѣли убить насъ, достигли мы высоты острововъ Гіерскихъ — и уже наслаждались заранѣе счастіемъ снова увидѣшь Францію! Въ радости нашей предавались мы тысячи дурачествамъ, которыя доказывали наше восхищеніе. — Вдругъ, со всѣмъ печально, при весьма туманной и пасмурной погодѣ, набѣжали мы на Англійской фрегатъ, который отвелъ насъ въ Ливорно и сдалъ Адмиралу Кейпу.

Надѣясь совершенно на Турецкій и Англійскій паспорты, которыми мы были снабжены, я съ жаромъ

обнаружилъ удивленіе мое по случаю сего ареста. — Въмѣсто того, чтобы освободить меня, какъ я былъ въ правѣ ожидать того, Адмиралъ приказалъ помѣстить меня въ карантинъ, предупредивъ между прочимъ, что онъ ожидаетъ повелѣній отъ своего Правительсва на счетъ д'Эль-Арихскаго условія и что не прежде освободить меня, какъ по полученіи оныхъ.

Такимъ же образомъ провели мы 30 дней въ лазаретъ весьма тѣсномъ, гдѣ съ нами обращались, какъ съ военноплѣнными и гдѣ Офицеры и солдаты получали одинаковое содержаніе. Судите же о нашихъ безпокойствахъ и о нашей досадѣ въ этомъ непріятельскомъ положеніи, тѣмъ болѣе, что мы видѣли себя принужденными терять безъ дѣйствія время, которое могли бы употребить съ пользою. Наконецъ, насъ освободили и Адмиралъ Кейпъ объявилъ намъ, что его правительство согласилось на исполненіе д'Эль-Арихскаго условія.

Послѣ пяти-дневнаго переезда, въ продолженіи коего подвергнулись мы освидѣтельствованію Тунискихъ варваровъ, которые однако жъ не задержали насъ, прибылъ я сего дня въ Тулонъ, гдѣ обязанъ выдерживать еще тридцати-дневный карантинъ; но я не ищу спокойствія: все желаніе мое состоитъ только въ томъ, чтобы способствовать всѣми силами къ увеличенію славы республики и вашей. Въ минуту отъѣзда нашего, получили мы съ кораблемъ *Озирисомъ* извѣстіе о происшествіяхъ, которыя возвели васъ на

степень Правителя. Вы можете себя представить, какъ была велика наша радость; что касается до меня, я былъ въ совершенномъ восторгѣ. Знаю, что вы желаете возвести Францію на высшую степень славы, и что хотите достигнуть этого, содѣлавъ счастливыми всѣхъ.—Можно ли поступать лучше?—такъ, Генераль, я пламенно желаю войны и преимущественно съ Англичанами; я поклялся имъ въ вѣчной ненависти; ихъ дерзость, ихъ дурное обращеніе всегда останутся у меня въ памяти. Какое бы мѣсто вы мнѣ не назначили, я буду доволенъ.—Вы знаете, что я не добиваюсь начальническаго званія, что я не желаю его;—съ такимъ же удовольствіемъ буду служить простымъ волоншеромъ, какъ и Генераломъ. Признаюсь вамъ только, что въ эту минуту, чувствуя еще нѣкоторую усталость, я не хотѣлъ бы выступить въ походъ съ арміей, не будучи въ состояніи дѣйствовать; впрочемъ, я соглашусь на все, что вамъ будетъ угодно. Я желалъ бы теперь же узнать свое назначеніе, чтобъ быть въ состояніи приготовить все для меня нужное и не потерять ни минуты къ выступленію въ походъ. День, не употребленный съ пользою, считаю я потеряннымъ:

Имѣю честь быть

Дезе.“

Возвращаюсь къ Клеберу и считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о его прагической кончинѣ. У дома д'Эли-Бея, въ копоромъ жилъ Генераль Бона-

парте, во время своего пребывания въ Каирѣ, была терраса, простиравшаяся отъ залы до древняго разваливашагося водоема, подлѣ котораго было нѣсколько ступеней въ садъ. Терраса сія возвышалась во всю длину надъ площадью Эль-бегю-е, расположенною по правую сторону залы; садъ былъ въ то время по лѣвую. Главнокомандующій любилъ прогуливаться вечеромъ по террасѣ, которая была такъ близка къ его комнатамъ—и разговаривалъ тамъ со всѣми; — я весьма часто совѣтовалъ ему приказати заложить водосмѣ и возвысить его наровнѣ съ террасою; однажды спрятавшись во внутренности водоема и появившись внезапно за нимъ, я хотѣлъ доказать ему, какъ легко было покуситься на жизнь его и скрыться потомъ черезъ садъ, или соскочить на площадь.—Главнокомандующій называлъ меня прусомъ, сказавъ при томъ, что я вѣрно боюсь смерти — и не смотря, что самъ былъ убѣжденъ въ опасности сего мѣста и справедливости моихъ опасеній—онъ никогда однакожъ не могъ рѣшиться приказати завалить водосмѣ. — Убийца Клебера употребилъ это простое средство, спрашившее меня всегда за Бонапарте.

Я не останавлиюсь на опроверженіи всѣхъ несчастій, о которыхъ писали по случаю смерти Клебера. Когда я извѣстилъ о сей неожиданной новости перваго Консула, онъ едва могъ повѣрить ей. Извѣстіе это чрезвычайно его огорчило; прочитавъ всѣ подробности убійства, онъ вспомнилъ сколько разъ самъ находился

почно въ такомъ же положеніи, какъ Клеберъ въ ту мнунту, когда сей послѣдній былъ пораженъ, — и все шо, что я говорилъ ему объ опасности водоема. Непоспшижимо, какъ первый Консулъ не подвергся такой же участи, особенно послѣ возвращенія своего изъ Сирійской экспедиціи, которая такъ сильно воспламенила всѣ умы.

Увѣренность Бонапарте въ способностяхъ и дарованіяхъ Клебера, начальснво, которое онъ ввѣрилъ ему надъ арміей; пособія, которыя онъ всегда старался доставлять ему всѣми возможными средснвами; все это должно не только опдалинть опъ него ужасное подозрѣніе, но даже и самую мысль, что смерть Клебера была ему пріятна, или что онъ желалъ оной.

Конечно, отвращеніе, существовавшее между Бонапарте и Клеберомъ, могло только равняться съ дружбою Десе и Бонапарте. Слава Клебера была для него пятгостна; — онъ имѣлъ даже слабость завидовать ей;—онъ зналъ какъ говорилъ объ немъ Клеберъ;—надбно сказать, что и сей послѣдній не любилъ дѣлать себѣ въ этомъ принужденія. Во время кровавыхъ и долгихъ дней осады Сенип-Жанъ-д'Акра, онъ не разъ говаривалъ мнѣ: *»твой крошечный Бонапарте, который не выше сапога моего, поработитъ Францію;— посмотри: какую проклятую экспедицію заставилъ онъ насъ предпринять!«*—Выраженіе сіе совершенно противорѣчитъ образу мыслей Клебера; онъ былъ слишкомъ ошкровененъ, чтобъ сказать что нибудь

песообразное съ своими мыслями. Бонапарше, желавшій оспавить за собою Египеть, котораго сохраненіе одно могло оправдать завоеваніе онаго, давалъ волю говорить Клеберу все, что ему было угодно, потому, что Клеберъ дѣйствовалъ!—Бонапарше зналъ, что долгъ и военныя доблести сего Генерала всегда будутъ имѣть перевѣсъ надъ предубѣжденіемъ и недоувѣрчивостію, которыя онъ всегда показывалъ къ его замысламъ; потому-шо первый Консулъ былъ далекъ отъ того, чтобъ радоваться смерти сего Генерала.—Напронивъ, онъ былъ чрезвычайно огорченъ ею, нѣмъ болѣе, что съ эшой смерцію, перялъ онъ всю надежду къ сохраненію завоеванія, которое было его дѣломъ и спонно ему такъ дорого.

Многіе думали найпти причину вражды Клебера съ Бонапарше въ томъ, что онъ считалъ себя обманутымъ Главнокомандующимъ, который не вѣрилъ ему тайны своего внезапнаго отъѣзда изъ Египта, — но это не справедливо. Выше сего показалъ я насноящія причины, какъ несогласія ихъ, такъ мнѣнія Клебера и чувствъ его къ Бонапарше.

Такъ какъ желаніе не раздѣлять два происшествія, случившіяся въ одинъ и тотъ же день въ Канръ и при Моренго заставило меня говорить о Клеберѣ и о смерти Дезе, шо я скажу объ этомъ еще нѣсколько словъ.—Мы получили извѣстіе о смерти Клебера скоро послѣ прибытія нашего въ Парижъ. Не имѣя долго никакихъ свѣденій изъ Египта, Бонапарше ожи-

далъ ихъ съ живѣйшимъ неперпѣемъ и прибытіе курьера, привезшаго наконецъ оныя и столь пагубныя—было причиною сцены, о которой кшатъ разсказать здѣсь.

Было уже два часа ночи, когда курьеръ прѣхалъ въ Тюмерійской дворець.—Первый Консулъ въ поропяхъ не разбудилъ никого изъ служителей, чтобы послать за мною. Нѣсколько дней передъ тѣмъ сказалъ я ему, что ежели онъ будетъ имѣть во мнѣ надобность ночью, то прислать бы за мною въ коридоръ, находящійся надъ моими комнатами, куда я перешелъ потому, что жена моя была въ родахъ. Онъ отправился самъ на верхъ; въ коридоръ было двое дверей и онъ спалъ звониль у пѣхъ, которые вели въ комнату моего секретаря, жившаго въ одной изъ трехъ комнатъ, составлявшихъ мою маленькую квартиру. Секретарь мой вспалъ и отворилъ двери.—Пусть вообразятъ себѣ удивленіе его, когда онъ увидѣлъ перваго Консула со свѣчею въ рукѣ, въ сѣромъ спорникѣ и въ колпакѣ. Не зная, что въ дверяхъ былъ порогъ, первый Консулъ споткнулся и едва не упалъ. »Гдѣ Бурень? спросилъ онъ.—Какъ Генераль, это вы? — Гдѣ Бурень? повторишь онъ; тогда Секретарь мой, будучи въ одной рубашкѣ, указалъ ему мою комнату и онъ, изъявивъ ему сожалѣніе, что разбудилъ его, вошелъ ко мнѣ. Я одѣлся наскоро и мы вошли въ комнату, гдѣ я обыкновенно работалъ. Долго звонили мы, чтобы намъ отворили, спорожь не спалъ, но слыша

спукъ опъ безпрестанной ходьбы въ споль необыкновенное время, боялся опспреть, полагая, нѣтъ ли воровъ. Наконецъ намъ отворили, и первый Консулъ войдя, бросилъ на споль полстсыя депеши, кошорыя полько что получилъ; онѣ были проколоты и намочены укусомъ. Въ то время, когда первый Консулъ читалъ донесеніе о смерти Клебера, я увидѣлъ на лицѣ его выраженіе безпокойства имъ овладѣвшаго; — можно было прочиташъ на ономъ:—»*Египетъ потерялъ!*« Самый фанатизмъ вооружившій руку убійцы, заспалялъ его опасашъ, чтобъ не нашлись подражатели поному, что со времени Каирскаго возмущенія, это былъ первый примѣръ убійства.

Только въ одинъ эпошъ разъ первый Консулъ приходилъ ко мнѣ ночью.

СОДЕРЖАНІЕ No. XVII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Счастье игрока (Повѣсть Гофмана.) *Стихотворенія:* Гадальщикъ; соч. Ф. Глинки. Эпиграмма; соч. В. Т. ТЕАТРЪ. Горе опъ ума. СМѢСЬ. Отрывокъ изъ записокъ Бурьеня.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 26 Февраля 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

С Ч А С Т Ь Е И Г Р О К А.

(Повѣсть Гофманца.)

Г Л А В А IV.

(Окончаніе.)

„Къ удивленію всего Парижа, закрылся банкъ Кавалера Менарса; онъ самъ не показывался болѣе въ игорномъ домѣ. Это породило различныя и различно-ложныя толки. Кавалеръ убѣгалъ общества, Анжела сдѣлала на него впечатлѣніе, онъ любилъ ее,—любилъ предаваться мечтамъ, любилъ уединенныя прогулки. Однажды, въ густыхъ безмолвныхъ аллеяхъ Мальмезонскихъ, онъ встрѣпилъ снараго Вершуа съ его дочерью . . . .

„Анжела думала, что ей невозможно безъ ужаса видѣть Кавалера; но она ошиблась; она соспрадала о Менарсѣ, увидѣвъ его блѣднаго, разстроеннаго, пререпечающаго и едва осмѣливавшагося взглянуть на нее! . . Она знала, что съ той роковой ночи, въ которую Кавалеръ впервые увидѣлъ ее, образъ его жизни

совершенно переѣнился. Одна она была причиною этой переѣны: она спасла его отъ неминуемой гибели; а такой успѣхъ могъ ли не льстивѣе женскому тщеславію? . . . Послѣ нѣсколькихъ обыкновенныхъ, со стороны стараго Верпуа и Кавалера другъ другу привѣспивій, — Анжела не могла удержаться, чтобъ не спросить сего послѣдняго, отъ чего онъ такъ распроенъ? . . .

„Этотъ вопросъ, какъ бы оживилъ Менарса:—онъ ободрился, снова спалъ развязень и любезень;—разговоръ завязался, и, наконецъ, спарикъ Верпуа спросилъ его, когда ему будетъ угодно прійять въ свое владѣніе выигранный имъ домъ.

— „Да, сеньоръ Верпуа, вскричалъ Кавалеръ, я побываю у васъ завтра! Но мы должны разсчитаться порядкомъ, а для этого необходимо время!

— „Будь по вашему! отвѣчалъ Верпуа улыбаясь.

„Кавалеръ точно пріѣхалъ на другой день, и съ этого времени посѣщенія его сдѣлались довольно часты. Анжела смотрѣла на Менарса день ото дня съ большимъ удовольствіемъ называла его своимъ другомъ, своимъ ангеломъ-избавителемъ. На послѣдокъ онъ такъ вкрался въ ея сердце, что она согласилась отдать ему свою руку. Спарикъ Верпуа отъ

души радовался этому случаю: игрокъ думалъ спыгранься рукою дочери! . . .

„Анжела, счастливая невеста Кавалера Менарса, сидѣла однажды подь окномъ, мечтая, какъ и всѣ влюбленные, о любви и счастіи. Полкъ волонтеровъ, опирававшійся въ Испанію, при звукъ трубъ и лишавръ, проходилъ мимо ея оконъ.—Съ сердечнымъ участіемъ, смотрѣла Анжела на людей, обрѣкшихъ себя смерти въ ужасахъ кровавой войны. . . вдругъ одинъ молодой Офицеръ осадилъ свою лошадь и устремилъ неподвижные взоры на Анжелу: она безъ чувствъ упала въ кресла! . .

„То былъ сынъ сосѣда Вершуа, по имени Дюверне. Онъ воспитывался вмѣстѣ съ Анжелой, видѣлся съ нею каждый день и только тогда переставъ ходить въ домъ отца ея, когда участились посѣщенія Кавалера.

„Въ глазахъ юноши прочла Анжела укѣризну; — сердце говорило ей, что оно на вѣки предано Дюверне, и что только блестящая наружность Кавалера мгновенно ослѣпила ее! .

„Поздно! . . ты не существуешь для меня болѣе!“ сказала сама себѣ Анжела; и старалась преодолѣть грусть, обременившую ея душу;—но эта тайная грусть не скрылась отъ пронцапельныхъ взоровъ Менарса: быть можетъ, не желая нарушить свѣтскихъ приличій, онъ не желалъ вывѣдать по, что онъ нея скрывали;—но какъ человекъ разсчитис-

тый, онъ попорочился свашьбою, совершившеюся вскорѣ, со всевозможною и обычною, для пакъ называемыхъ друзей Кавалера Менарса, пышностію . . . .

„Кавалеръ разпочалъ нѣжнѣйшія ласки молодой своей супругѣ, предупреждалъ малѣйшія желанія Анжелы,—и воспоминаніе о Дюверне, какъ давно пропекшій, несбыточнѣй сонъ, умирало въ душѣ ея! . . Но внезапная болѣзнь, а на послѣдокъ и смерть спараго Вершуа затмили свѣплый горизонтъ семейнаго счастья!

„Съ той ужасной ночи, въ которую Вершуа проигралъ все свое имѣніе, онъ не бралъ карты въ руки; но при послѣднемъ издыханіи, игра, какъ бы совершенно овладѣла его душею: кода священникъ, пришедшій уладить горькую разлуку его съ жизнію утѣшеніями Вѣры, говорилъ ему о предметахъ Божеспивенныхъ, онъ, закрывъ глаза, шепталъ: *выигралъ! проигралъ!* препенущими и оледенѣлыми уже пальцами перебиралъ, какъ бы пасуя карты . . . . Напрасно Анжела и Кавалеръ склонившись къ его постелѣ, возсылали мольбы свои къ Небу;—Вершуа не узнавалъ дѣпей своихъ и послѣднее радостное слово его было: *выигралъ!*

„Двойная скорбь пягошила душу Анжелы: мысль о кончинѣ опца—игрока; и мысль объ игрокъ-супругѣ терзали ее! . Она спраши-

лась, чтобъ ужасная спрассть къ игрѣ не запылала снова въ сердцѣ Менарса! .

„Предчувствія Анжелы ее не обманули! . . Сильно было впечатлѣніе, которое произвела въ Кавалерѣ смерть Вершуа, отвергавшаго въ послѣднія минуты своей жизни, свящяя утѣшенія религін;—но еще сильнѣе возгорѣлась снова пагубная спрассть къ игрѣ въ груди Менарса! . . . Во снѣ и на яву видѣлся ему банкъ,—и груди выиграннаго золотша привѣтно мелькали въ глазахъ его! . . . Въ душѣ преснушной гнѣздящся подозрѣнія:— Анжела, невинная, скромная Анжела, счастливая своимъ наспоющимъ,—желала забыть прошедшее, не желая угадывать будущаго . . . Она молчала—и это снисходительное молчаніе подспрекнуло Менарса:—ему казалось, что Анжела съ нимъ неопкровенна, что она скрываетъ оупъ него многое! . . . . Взаимныя неудовольсшвія и оскорбленія, — вотъ слѣдсшвія взаимныхъ подозрѣній! . . Это заставило Анжелу вспомнить о забытомъ Дюверне,—о блаженствѣ сердець, искренно преданныхъ другъ другу! . . Тихая, семейная жизнь наскучила Кавалеру; шумный свѣтъ манилъ его снова;—друзья-самозванцы подспрекали,—и скоро банкъ Менарса заблесталъ ярче прежняго.

„Фортуна не оснавляла своего любимца: жертва за жертвою падали подъ его ударами, и громады золотша возрасшали на споль его.

Но блаженство Анжелы, бывшее пошью крапковременнымъ сномъ, совершенно разрушилось. Кавалеръ обращался съ нею равнодушно, даже съ презрѣнiемъ! Часто по цѣлымъ недѣлямъ и мѣсяцамъ онъ не видалъ ее: старый управитель завѣдывалъ домомъ; слуги безпрещанно были перемѣняемы по капризамъ Кавалера, и Анжела ни въ чемъ не находила утѣшенiя. Не рѣдко проводя ночи безъ сна, она прислушивалась къ спугу кареты ея мужа, возвращавшагося домой; слышала какъ вносили тяжелый ларецъ его и грубыя, опривистыя приказанiя Кавалера слугамъ; пошью дверь его комнаты затворялась съ шумомъ, и пошюки слезъ спруились изъ глазъ Анжелы; въ отчаянiи она произносила иногда имя Дюверне, и молила Небо положить конецъ плачевному ея существованiю.

„Однажды, молодой человекъ хорошей фамили, проигравъ все свое имѣнiе, зашпрѣмился въ пошю самой комнаты гдѣ Кавалеръ мешалъ банкъ. Игроки, обрызганные кровью и мозгомъ, съ ужасомъ бросились къ дверямъ. Одинъ Кавалеръ не прогался съ мѣста, и спараясь остановить прочихъ, хладнокровно увѣрялъ ихъ, что не стоить расходиться ранѣ обыкновеннаго времени для безумца, кошорый не умѣлъ веспи себя въ игрѣ! . . .

„Эпошю случай много повредилъ Кавалеру. Игроки самые закоренѣлые спали имъ недо-

вольны; постыдно-счастливая игра показала, напоследокъ, подозрительною; его обвиняли въ обманъ,—онъ не имѣлъ средствъ къ своему оправданію, и кончилось тѣмъ, что Полиція закрыла банкъ Менарса, а присужденный сверхъ того штрафъ лишилъ его значительной части его имущества.—Обезславленный, презираемый, Менарсъ искалъ утѣшенія въ обѣщаніяхъ милой, добродѣтельной супруги,—раскаяніе, казалось, было искренно, и крошкая Анжела еще ласкала себя надеждою на счастье! . .

„Кавалеръ оставилъ Парижъ и поселился съ женою въ Генуѣ,—мѣсяцъ рожденія Анжелы.

„Тамъ жилъ онъ нѣсколько времени весьма уединенно; но вскорѣ пагубная спраска его воспламенилась снова.— Худая слава шла по слѣдамъ Кавалера изъ Парижа въ Геную; вопль почему нельзя было и думать о заведеніи своего банка; но Кавалеру хотѣлось играть, играть во что бы то ни стало! . .

Въ это время Французскій Полковникъ, вышедшій за ранами въ опешавку, держалъ богатѣйшій банкъ въ Генуѣ. Съ сердцемъ, исполненнымъ зависти, желанія и надежды, Менарсъ появился въ игорномъ домѣ.— Полковникъ встрѣтилъ его ласково;—„теперь завяженое не шуточное дѣло!“ сказалъ онъ: къ намъ пожаловалъ Кавалеръ Менарсъ, съ своею счастливою звѣздою! . .

„И почно съ первой же паліи все каршы выигрывали Кавалеру; но когда онъ, полагаясь на неизмѣнявшее ему до того счастье и поспавя одну карту, вскричалъ: *va banque!* шо вдругъ проигралъ огромную сумму.

„Полковникъ, казавшійся всегда равнодушнымъ къ выигрышу и проигрышу, прибралъ на сей разъ золото Кавалера съ знаками живѣйшей радости. Съ этой минуты фортуна оставила своего любимца.

„Каждую ночь онъ игралъ, и—проигрывалъ, до пѣхъ поръ, пока богатство его испуцилось и у него остались только векселя на двѣ тысячи червонныхъ.

„Кавалеръ упопребилъ цѣлый день на то, чпобы получить по этимъ векселямъ деньги и возвратился домой очень поздно. При насупленіи ночи онъ положилъ въ карманъ послѣдшія свои деньги и хотѣлъ идти, какъ вдругъ Анжела, мучимая какимъ-то предчувствіемъ, бросилась къ ногамъ его, орошала ихъ слезами и заклинала его, именемъ Неба, не играть болѣе, не повергать ее въ нищету и отчаяніе!

„Кавалеръ поднялъ Анжелу, болѣзненно прижалъ къ своему сердцу и сказалъ ей тихо: Анжела, милая Анжела, я не могу склониться на твою просьбу.—Но завтра, завтра, все опасенія твои исчезнутъ; клянусь тебѣ всемъ, что только есть священнаго, что сегодня я

играю въ послѣдній разъ! Будь спокойна, другъ мой; спи! ты увидишь во снѣ дни счастливые, жизнь лучшую! . .

„Кавалеръ, поцѣловавъ жену свою, поспѣшно удалился.

„Двѣ шаліи, и онъ проигралъ все! .

„Безмолвно споэль Менарсъ возлѣ Полковника, устремивъ опчаянные взоры на игровой споэль.

— „Вы не понтируете болѣе, Кавалеръ? скáзалъ Полковникъ, пасуя каршы для новой шаліи.

— „Я все проигралъ, отвѣчалъ Кавалеръ, усиливаясь казаться спокойнымъ.

— „Развѣ у васъ ничего не оспалось? спросилъ Полковникъ продолжая пасовать каршы.

— „Я ницїй! вскричалъ Кавалеръ дрожащимъ голосомъ, не переспавая смоспрѣшь на споэль, но не замѣчая, что игроки болѣе и болѣе подрывали банкъ Полковника, который не шерялъ однако же своего обычнаго хладнокровїя. —

— „У васъ еспѣ милая жена? сказалъ тихо Полковникъ, пасуя каршы для другой шаліи.

— „Что вы хопите сказать этимъ? вскричалъ Кавалеръ гнѣвно . . . Полковникъ продолжалъ пасовать каршы . . .

— „Десяшь тысячь червонцевъ, или Ав-

жела! сказалъ Полковникъ, обернувшись къ Менарсу, и подавая другимъ снятъ карпы.

— „Вы сошли съ ума, вскричалъ Кавалеръ, начавшій приходить въ себя и замѣчать, что Полковникъ проигрываетъ болѣе и болѣе.

— „Двадцать тысячъ червонныхъ прошивъ Анжелы, сказалъ Полковникъ, оспановивъ карпту, которую хотѣлъ вскрыпть.

„Кавалеръ молчалъ; Полковникъ началъ мешать—и почти все карпы падали налъво...

— „Согласенъ! сказалъ Кавалеръ на ухо Полковнику, какъ скоро начиналась новая шалй, и пошавилъ даму.

„Ту же минупу дама была убита.

„Кавалеръ отскочилъ опъ сполоа, скрежеща зубами, и оперся на окно; въ лицъ его изобразились смерть и опчаянйе.

„Игра кончилась; Полковникъ подошелъ къ Кавалеру и сказалъ насмѣшливо:—Ну, что же?

— „Что хотите вы? вскричалъ Кавалеръ. Вы раззорили меня! и не уже ли считаете жену мою рабою! . . Какое право имѣлъ я продать или проиграть ее, какое право имѣли вы купить или выиграть ее! . . . Нѣтъ, добрая воля Анжелы . . .

„Такъ, прервалъ его Полковникъ: пусть добрая воля Анжелы рѣшитъ, кто изъ насъ долженъ обладать ею! . . я хотѣлъ только выиграть право; а сердца наши давно при-

надлежали одно другому! Узнайте, Кавалеръ, я Дюверне, воспитанный вмѣстѣ съ Анже-лою; поинъ самый Дюверне, котораго вы уда-лили вашимъ коварствомъ! Мнѣ все извѣсно! . Враждебный демонъ вдохнулъ въ меня надежду, что я могу имѣть случай испорту-нуть се изъ рукъ вашихъ: я предался игрѣ, преслѣдовалъ васъ до Генуи и наконецъ до-стигъ своей цѣли!—Пойдемте Кавалеръ! пой-демте къ женѣ вашей!

„Кавалеръ споялъ въ уничиженіи, какъ по-раженный громомъ. Тайна споль долго хра-нимая — открылась; онъ видѣлъ всю великость бѣдспвій, въ кои низвергъ Анжелу.

— „Пусть рѣшишь она! . сказалъ онъ пре-рывающимся голосомъ и послѣдовалъ за Пол-ковникомъ.

„Прибывъ къ дому, гдѣ жилъ Меварсъ, Пол-ковникъ взялся за ручку звонка, но Кавалеръ опшполкнулъ его:—жена моя спинь, сказалъ онъ, не нарушайте споконнаго сна ея?

— „Гмъ! проворчалъ Полковникъ, Анжела могла, ли когда спать споконно съ шѣхъ поръ, какъ вы оправили жизнь ея? .

„При сихъ словахъ онъ хотѣлъ войти въ комнату, но Кавалеръ бросился къ ногамъ его, вскричавъ въ опчальніи:—Сжалыпесь, вы уже сдѣлали меня нищимъ, опспавыше мнѣ хотѣ жену мою!

— „Точно такъ старый Вершуа сползъ передъ вами на колѣнахъ, и не могъ смягчить вашего каменнаго сердца! . .

„Говоря это Полковникъ, снова хотѣлъ идти въ комнапу Анжелы.

„Кавалеръ бросился къ дверямъ, отворилъ ихъ, усеремился къ постелю, на которой покоилась жена его и распахнувъ завѣсъ вскричалъ: Анжела! Анжела! — Онъ наклонился къ ней, взявъ ея руку, произнесъ нѣсколько опривисшыхъ словъ и снова вскричалъ ужаснымъ голосомъ: — Взгляните, вы выиграли шрупъ жены моей!

„Полковникъ въ ужасѣ приблизился къ постелю.—Никакого признака жизни:—Анжела была мертва!

„Ударивъ себя рукою въ грудь, онъ зарыдалъ и удалился.—Въ Генуѣ никогда не слышали болѣе о Полковникѣ . . .“

Незнакомецъ, окончивъ свой разсказъ, вспалъ со скамьи—и скрылся въ помѣ гуляющихъ; Баронъ пронувшій до глубины сердца, не могъ сказать ему ни слова.

Черезъ нѣсколько дней нашли знакомя мерпвымъ въ его комнапу. Онъ умеръ отъ апоплексическаго удара. По бумагамъ его открылось, что онъ былъ не кто иной, какъ несчастный Кавалеръ Менарсъ . . .

Баронъ увидѣлъ ясно, что это происшествіе было знакомъ Неба! онъ поклялся упорствовать всѣмъ прельщеніямъ *счастья игрока*, и до сихъ поръ, не измѣнялъ своей кляшвы.

Пер. Н. Ю.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Р у с с к а я п ѣ с н я.

(Музыка, соч. М. Глинки, въ концѣ сей книжки.)

Ахъ, ты ночь ли
Ноченька!

Ахъ, ты ночь ли
Буриая!

Ониъ чего ты
Съ вечера

До глубокой
Полночи

Не блинаешь
Звѣздами,

Не сіяешь
Мѣсяцемъ?

Все-темишь
Тучами?

И съ тобой, знашь,
Ноченька,

Какъ со мною
Молодцемъ

Грусь злодѣйка
Свѣдалась!

Какъ заляжешь
Любая

Тамъ глубоко:
На сердце,

Позабудешь
Дѣвцамъ

Усмѣхаться,
Клапаться;

Позабудешь
     Съ вечера
 До глубокой
     Полночи,
 Припывая,
     Тышишься
 Хороводной
     Пляскою!
 Ныть, взрыдась,
     Всплачешься,
 И безродный
     Молодець,
 На постелю
     Жесткую,
 Какъ въ могилу,
     Кинешься.

Баронъ Дельвицъ.

П. Г. С.

(1831.)

Правдивымъ гнѣвомъ пламенѣя,
 Ты снова добрый мечъ оспришь,
 И на треножникъ Арея
 Священнодѣйствовашь спѣшишь.
 Счастливымъ путемъ, пѣвецъ! — Кто вскормленъ
 Суровымъ гнѣвомъ войны,
 Кто рано съ биввой ознакомленъ,
 Тому не спрашны хваслуны.

Да!—върень опическому спягу,
 Не пожалѣешь ты себя,
 И безъ сомнѣнія дасягъ шягу
 Пропивникъ швой, узрѣвъ шебя.
 И какъ Русакъ — *по Русски* спанешъ
 Прподавашъ уроки имъ;
 Но каковѣ-шо ты заглянешъ
 Въ глаза прошивницамъ швоимъ? . . . .

В. Шастливый.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

22) *Граубиндець, или берегъ Волшебницъ.* Соч. ГАНРИ Цшокке. Переводъ съ Французскаго. Москва, 1831 года. Въ типографіи Н. Степанова, при Императорскомъ Театрѣ. 2 части, 152 и 156 стран. въ 8 д. л. Кому придетъ въ голову, чино подъ эшимъ прекуръезнымъ названіемъ и прекуръезно переведенъ одинъ изъ лучшихъ романовъ знаменитаго Цшокке: *Flüchtling im Jura?* : . Безжалостные Москвичи! . . . Бѣдный Цшокке! Какъ они перекреслили шебя! Какъ изуродовали романъ швой! . . Наружность изданія достойна перевода: шрифтъ избившій, бумага хуже, даже, оберточной! . .

С М Ъ С Б.

Ж У Р Н А Л И С Т Ъ И Ч И Т А Т Е Л Ъ .

Читатель. Мнѣ не понравился вашъ журналъ!

Журналистъ. Не нравится? .

Читатель. Да, — развязка напечатанной въ немъ повѣсти непонятна.

Журналистъ. Какъ ся заглавіе?

Читатель. Не помню....кажется...пѣтъ, забылъ!

Журналистъ. По крайней мѣрѣ, скажите, копорый номеръ журнала попался вамъ въ руки? .

Читатель. Разумѣется, журналъ на нынѣшній годъ.

Журналистъ. Да въ нынѣшнемъ году вышло уже 16 NN. моего журнала.

Читатель. Помилуйте, я сей часъ изъ кандиперской В . . .

Журналистъ. Такъ что жъ?

Читатель. Тамъ видѣлъ я только одну книжку . .

Журналистъ. А черезъ пять дней увидите другую, попомъ прешью, четвершую и п. д. Если читанная вами повѣсть вамъ не понравилась, выпишите въ этомъ себя и кандитера, копорый, подастъ вамъ, въроятно, послѣднюю книжку: въ ней напечатано продолженіе повѣсти безъ начала ея и конца . . .

ДЕШЕВАЯ И ЗАНИМАТЕЛЬНАЯ КНИГА.

Книгопродавцы жалуется на упадокъ книжной торговли и на скудость чинашелей;—чинашеля жалуется на дороговизну книгъ и скудость ихъ содержанія. Предоставляя судить другимъ о томъ, кто правъ, кто виноватъ, мы спѣшимъ сообщить нашимъ чинашелямъ о чудномъ, небываломъ феноменѣ въ Русской литературѣ: въ Театральной афишѣ 25 Февраля напечатано, между прочимъ, что при входѣ въ Театръ продается: *«Знакомые незнаколицы, Комедія—водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. Актера Г. Каратыгина м. — Цѣна 2 рубли. Соло на скрипкѣ будетъ играть первый концертистъ Г. Бемъ. Между антрактами первый концертистъ Г. Бемъ будетъ.»*—Предиковенная вещь! . . За два рубли вы покупаете прекрасный водевиль, чинашеле его,—Г. Бемъ подыгрываетъ вамъ на скрипкѣ соло,—и между антрактами, (вѣроятно, когда вы на минуточку перестанете читать), Г. Бемъ все таки будетъ—(будетъ, вѣроятно, сидѣть съ вами! .) Диковенная вещь! . . дешево и мило! . .

Н О В О С Т И.

На горизонтѣ Англійской оперы недавно возшла новая звѣзда;—всеобщій восторгъ привѣтствовалъ ея появленіе. Но чтобы не продолжать болѣе этимъ усипарѣлымъ, высокопарнымъ языкомъ, скажемъ просто, что звѣзда сія есть юная семнадцатилѣтняя пѣвица Миссъ *Иверарити*, вступившая нѣсколько недель тому назадъ на Ковентгарденскій Театръ, въ Лондонъ, и считаемая всѣми за достойную соперницу знаменитой Миссъ *Патонъ*, о которой мы уже сообщили нашимъ чинашелямъ въ No. VII С. п. б. Вѣстника. Миссъ *Иверарити*, (Публика и журнальные крипики не могутъ упрекнуть ее ни чѣмъ, кромѣ ея длиннаго имени: одинъ изъ журналистовъ, шутя, совѣщивалъ даже сократить это имя въ *Верари*, и шѣмъ

придать ему Италіянскую форму,) родилась въ 1815 году, въ Эдимбургѣ. Блестательныя способности къ пѣнію обнаруживались въ ней еще въ дѣтствѣ; но учиться систематически начала она на тринадцатомъ году своего возраста, и въ 1829 году явилась впервые въ одномъ концертѣ. Съ тѣхъ поръ талантъ ея развился совершенно.

Еще нѣсколько словъ объ оперѣ! . . . Еще нѣсколько словъ на пользу вашу, угодики райка Петербургскаго, знаменитые пѣвцы Русскіе, многострадальныя, опъ грознаго бича крикики! Многія лѣта жалилтъ васъ *Ицела*, и не милуетъ *Сынъ Отечества*; другой годъ крушилтъ и сушилтъ васъ даже *Меркурій*;—къ доверненію горя, прубилтъ объ васъ *С. Петербургскій Вѣстникъ*, и звѣнилтъ вамъ въ уши *Колокольчикъ*! . . . Не грѣшно ли имъ? . . . *Глѣть вамъ пѣть, когда голоса пѣтъ!*

С. Петербургскій Вѣстникъ первый сознается въ своей несправедливости; онъ дѣлаетъ еще болѣе: онъ хочетъ защищилтъ васъ опъ прочихъ своихъ собратьевъ,—опъ выискалъ для васъ средство обезоружилтъ рецензентовъ! . . . Это средство, сдѣлае легкое, самое простое; вотъ оно:

Въ одной иностранной газетѣ, (*Nicht-polit. Zeit. für Deutsch Russland N. 50*), печатано, что въ Южной Франціи, изобрелтъ, для улучшенія человеческого голоса, такъ называемый, *Elixir balsamique et fortifiant*. Въ объявленіи объ этомъ эликсирѣ подробно изложено способъ употребленія онаго;—спойлтъ только предварилтельно рѣшилтъся, какимъ кто хочетъ пѣть голосомъ: басомъ, теноромъ, или бариттономъ? . . . Въ элексирѣ заключаются всѣ голоса совокупно; только приемы и формы онаго для разныхъ голосовъ различны: желающіе имѣлтъ чистый, хорошій басъ принимаютъ его въ видѣ пилюль,—теноръ дается порошками, бариттонъ каплями на сахаръ и ш. д.

С. Петербургскій Вѣстникъ, желая оказать полную услугу всѣмъ вообще охотникамъ попѣвать и подѣвать, честь имѣетъ довести до ихъ свѣденія, что, по слухамъ, въ печеніи наступившаго Великаго поста-помануный элексиръ будетъ продаваться въ Пеш-

бургъ, во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ, равно у цѣкошорыхъ учинителей пѣнія, за печатью изобрѣшателя, по весьма сходной цѣнѣ. —

Чтобы не дать повода упрекнуть себя въ невниманіи къ прекрасному полу, — Издатель *С. Петербургскаго Вѣстника* отважился просмотрѣть всѣ иностранныя газеты и журналы: авось либо и для нашихъ неастральныхъ и непеастральныхъ пѣвицъ найдется какое нибудь вспомогательное средство! . . . Если же, сверхъ чаянія, эти журнальные посылки будутъ безуспѣшны, то онъ рѣшается войти въ непосредственное сношеніе съ самимъ организмомъ *Ветъе*, — и о послѣдствіяхъ непременно довести своимъ читателямъ . . . .

Чего нельзя надѣяться въ нашъ изобрѣшательный вѣкъ?

Вон-топ Парижскихъ вечеровъ неразлученъ съ лопсереями въ пользу бѣдныхъ. Тутъ разыгрываются рукодѣля дамъ, даже высшаго круга. — Злые языки говорятъ, что ш . . . какъ теперь въ модѣ благопвортельность, п . . . можно ожидать, что скоро войдетъ въ моду и бла . . . ность; потомъ любовь къ семейственности, умеренность, вѣрность и т. д. напоследокъ дойдетъ очередь и до истины, которая такъ неуклюжа, такъ г . . . любить подрумяниваться, что никакъ не уживешься съ нею, не привыкнувъ сначала къ другимъ добродѣ . . .

Въ Лондонѣ вышла недавно въ свѣтъ подробная біографія знаменитаго Англійскаго Химика Сира Г. *Дави*. Авторъ рассказываетъ о немъ одно довольно забавное обстоятельство: »*Дави* былъ чрезвычайно скупъ на время: соглашаясь иногда гдѣ и которыя приглашенія знатнѣйшихъ домовъ въ Л . . . онъ, приглашенія, конми осыпали его каждодневно, *Дави* занимался однако же въ своей лабораторіи, до послѣдней минутой предъ условнаго часа. Потомъ поспѣшно надѣвалъ чистое бѣлье, не скидая того, которое было уже на немъ; отъ чего случалось перѣдко, что на немъ было по пяти, по шести рубашекъ и по столько же паръ чулковъ.

Можно себѣ представить удивленіе друзей и знакомыхъ *Дави*, видѣвшихъ его то вдругъ разполстѣвшимъ, но опять похудѣвшимъ черезъ нѣсколько часовъ!

ИЗВѢСТІЕ.

26 числа прошедшаго Февраля скончался въ С. Петербургѣ, бывший, въ свое время, украшеніемъ Русской оперы, Придворный Актеръ Григорій Федоровичъ Климовскій.—Амплуа его занимаетъ теперь, извѣстный уже нашимъ читателямъ, пѣвецъ Нижегородскаго Театра Г. Бѣшенцовъ !!!

СОДЕРЖАНІЕ №. XVIII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Счастье игрока (Повѣсть Гофмана.) *Стихотворенія:* Русская пѣсня; соч. Барона Делвига. П. Г. С. соч. В. Щастнаго. **БИБЛИОГРАФІЯ.** **СМѢСЬ.** Журналистскіе и Читательскіе. Дешевая и занимательная книга. **НОВОСТИ.** **ИЗВѢСТІЕ.** **НОТЫ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 2 Марта 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А

СОЛОМЯННЫЙ РЫЦАРЬ.

Отрывокъ изъ романа: Пюта, дочь Лездейки,
или Литовцы въ XIV столѣтїи (*)

. . . . .

Ягелло съ войскомъ находился въ походѣ про-
тивъ Поляковъ. Почти все Липовское юно-
шество, братья Князя и всѣ, кто только въ
силахъ былъ поднять оружіе, находились въ
помъ же походѣ, дѣлили военные труды и
добычу. Одни только преспаръблеы войны
оспавались въ замкахъ подъ начальствомъ
Войдилы, любимца Княжескаго, коему ввѣре-
ны были защита городовъ и правленіе Лиш-
вою. Гарнизонъ сей былъ немногочисленъ, и
потому Войдило старался дисциплиною и
бдительностію возвысить силу онаго. Спра-
жа днемъ и ночью безпреспанно переклика-
лась; на башняхъ стояли заряженныя орудія,

(*) Подписка на сей романъ принимается въ С. п. б. у книго-
продавцевъ: А. Ф. Смирдина, И. В. Слепина, И. В. Неней-
цына и И. П. Глазунова. (См. Сѣв. Пч. №. 45.)

моспы подяшы, продовольствіа большой за-
пасъ: словомъ, всё мѣры предосторожности
были взяты, хотя ни съ какой стороны не
предвидѣлось опасности. Впрочемъ, нельзя бы-
ло укоряшь Войдиму въ излишней оспорож-
ности. Онъ зналъ свою обязанность и образъ
войны того времени, когда весь успѣхъ осно-
вывали на оплошности непріятеля.

У Ягеллы была мать, почтенная вдова Ол-
герда, которая, по смерти своего супруга,
оплавъ всё свои владѣнія дѣтямъ, поселилась
съ дочерью въ Вильнѣ у старшаго сына.
Ягелло употреблялъ всё средства, чѣмъ
жизнь матери въ своей столицѣ сдѣлать
пріятною. Княгиня занимала часть нижняго
зѣмка, откуда былъ прекрасный видъ на
Вилію, городъ и священныя рощи за рѣкою.
Хотя она была знаменитаго рода (изъ дома
Князей Тверскихъ) и наследовала послѣ су-
пруга большой достатокъ; но жизнь вела са-
мую умеренную и простую. Будучи уже въ
лѣтахъ, Княгиня мало заботилась о наруж-
ности и любила болѣе всего спокойствіе и
удобство. Молитва и беседа съ жрецами бы-
ли любимымъ ея занятіемъ. Длинное, широ-
кое платье, соболья шапка и мѣховые сапо-
ги составляли всегдашнюю ея одежду; иногда
только въ торжественные дни, или при гос-
тяхъ, она обувалась въ шипые золотомъ са-
поги и надѣвала Персидскій кушакъ.

Предметомъ маперинской ея нѣжности была дочь ея Аксена, судьба которой очень занимала ее, тѣмъ болѣе, что Аксена не во всемъ соотвѣтствовала ея видамъ. Воспитанная между своими братьями, она участвовала въ ихъ забавахъ, и съ дѣтства получила привычки, несвойственныя ея полу, привычки, которыя, не смотря на всѣ старанія маперы искоренить оныя, сдѣлались для нея необходимыми. Казалось, она родилась героинею. Лучшимъ ея удовольствіемъ было носитьъ крѣпкій панцырь, и на дикомъ конѣ переплывать рѣки, состязаться съ опличнѣйшими рыцарями и пренебрегать величайшими опасностями. Сама природа, казалось, оправдывала чудныя ея склонности: хотя она имѣла пріятное лице и прелестныя глаза; но высокій ростъ и крѣпкое сложеніе, мужественный голосъ и ловкость въ обращеніи съ оружіемъ, давали ей видъ самаго отважнаго рыцаря. Легко можно вообразить, какъ сокрушалась мать о такихъ свойствахъ своей дочери,—мать, которая по крепости нрава, даже и въ мужчинѣ не всегда оправдывала порывы рыцарства. Частыя игры въ Виленскихъ замкахъ, на которыя съѣзжалось значнѣйшее Липовское юношество, пипали сіи склонности въ Аксенѣ и представляли ей случаи опличаться съ оружіемъ въ рукахъ. Покрывая броню, съ опущеннымъ наличи-

комъ, на пылкомъ конѣ, она вызывала на бой славнѣйшихъ рыцарей, побѣждала ихъ, и потомъ, открывъ имъ себя, шутила надъ побѣжденными. Но если мать печалилась о такой жизни своей дочери, то Ягелло, напрошивъ того, ушѣшаясь мужествомъ сестры, поддерживалъ въ ней духъ рыцарства и называлъ ее достойною внукою Гедимина. Нельзя полагать, чтобъ искусство и сила вызываемыхъ ею рыцарей, не имѣли иногда перевѣса надъ нею, или чтобъ вѣжливостъ рыцарей всегда уступала ей преимуществу; справедливѣе думать, что если Княжнѣ удавалось побѣждать, то нерѣдко страхъ оскорбить ее, или навлечь неудовольствіе Ягеллы, были причиною, что она опасалась побѣдительницею.

Частыя побѣды, льстивыя похвалы придворныхъ и одобреніе Великаго Князя поселили въ Аксенѣ гордость и сдѣлали ее совершенно равнодушною къ супружеству. Многие Князья и Вельможи искали руки ея; но никто не могъ пронуть холоднаго ея сердца. Мать, не видя никакихъ средствъ къ перемѣнѣ воинственнаго духа своей дочери, уговаривала и просила рыцарей не щадить ее въ бояхъ, полагая, что оскорбленное самолюбіе уступитъ наконецъ мѣсто чувствуемъ, болѣе приличнымъ ея полу и обратишь вниманіе ея къ лучшему. Собравшееся въ Вильну,

предъ отбывшіемъ опшпуда Ягеллы, юноше-ство представило удобный къ тому случай. Княгиня, зная, что Аксена не пропустишь этого случая, чшобъ опшчичишь въ рядахъ рыцарей, избрала прехъ изъ нихъ для униженія ея самонадѣянности. Между сими послѣдними находился и знаменитый Князь Даніиль, племянникъ Кѣйсшуса, давно искавшій руки Аксены. Едва трубы подали знакъ къ начатию игръ, какъ Княжна первая выѣхала на гордомъ конѣ, вызывая рыцарей къ бою. Бой былъ продолжителенъ, и два рыцаря, увѣренные уже въ своей побѣдѣ, удалились побѣжденными! Пришла чередъ Князя Даніила: несчастный юноша, чувствительный къ своей чести, но еще чувствительнѣе къ благосклонности Аксены, дѣлалъ все, что могъ, и смущенный долженъ былъ уступить ей поле сраженія.

Гордась пррякою побѣдой, Княжна изъясляла уже радость свою громкимъ смѣхомъ, какъ увидѣла выѣзжающаго изъ толпы рыцаря, одежда коего обратила на себя общее вниманіе. На немъ со всѣмъ не было желѣза, хотя онъ былъ одѣтъ по рыцарски. Панцирь его, похожій на рыбу чешую, искусно сдѣланъ былъ изъ бѣлой соломы, какую употребляютъ нынѣ на дамскія шляпки, и мѣстами украшенъ павлиными перьями. Всѣ части вооруженія: нагрудникъ, нарукавники,

наплечники, были изъ соломы опличной опдѣли. Наличникъ соотвѣспивовалъ цѣлому, а поводья, збруя, мечъ и копье украшены были розами. Незнакомецъ, приближившись къ Аксенѣ, опдалъ ей Chesпъ оружіемъ, и снявъ желшую перчатку, почшипельно бросилъ опую къ ногамъ ся. При семъ чудномъ явленіи все собраніе разхохошалось: одна Аксена была въ смѣшеніи. За смѣхомъ ея вдругъ послѣдовало глубокое молчаніе; глаза заблнспали гнѣвомъ. Она понимала, что шуповское вооруженіе рыцаря было знакомъ презрѣнія и насмѣшки надъ ея мужеспвомъ, и попому немедленно наказала бы дерзкаго насмѣшника; но не знала, прилично ли ей приняшь вызовъ сего соломеннаго чучелы. Наконецъ шупки и насмѣшки, сыпавшіяся со всѣхъ споронъ, убѣдили ее въ необходимости сразнпсья. Она приказала своему конюшему подннать перчатку и, пылая гнѣвомъ, бросилась съ копьемъ на рыцаря; но сей, нскүсно уклоннясь опъ удара, посшавилъ себя въ положеніе нападающаго и далъ ей почувспвовавшь, что онъ не намѣренъ щаднпсь ея. Опъ ударовъ оружія лепѣли по воздуху розовые лнспы, павлинныя перья, что было причиною общаго хохопа, боѣе и боѣе воспламенявшаго гнѣвъ Княжны. При впорнчномъ нападеніи протнвника, Аксена пошпгнулась въ сѣдлъ. Замѣшнвъ сіе Князья, ея братья, хошѣли

прекратить бой, признавая незнакомца побѣдителемъ; но оскорбленная дѣвушка вызвала его на мечи. И туцъ счастье не благопріятствовало ей. Храбрый противникъ, выбивъ изъ рукъ Аксены оружіе, повергъ ее на землю, приставилъ мечъ къ ея груди, и, еслибъ хотѣлъ, могъ однимъ ударомъ лишить ее жизни. Тогда только Аксена узнала слабость силъ своихъ и съ отчаянія зарыдала. Вспревоженная мать поспѣшила къ ней на помощь, прося побѣдителя удалиться; но дерзкій рыцарь не прежде обѣщалъ опустить мечъ отъ груди Анжелы, какъ только тогда, когда она дасишь кляшву не вызываешь впредь рыцарей на единоборство. Аксена должна была уступивъ жеснокой необходимости. Гнѣвъ и стыдъ попеременно наполняли ея душу; но незнакомецъ не хотѣлъ долѣе продолжалъ ея смущенія; онъ поднялъ Княжну, открылъ свой налчикъ и въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ просилъ у нее извиненія. Каково же было удивленіе, когда въ соломяномъ рыцарѣ узнали Войдилу! Иному, вѣроятно, шупка сія не прошла бы даромъ; но Войдילו полагался на милость къ себѣ Государя, въ чемъ и не ошибся. Ягелло не могъ нарадоваться, что учинилемъ Княжны былъ его любимецъ; но Княгиня, довольная впрочемъ даннымъ дочери ея урокомъ, смотрѣла на это обстоятельство другими глазами: она досадовала,

что побѣдился Аксены былъ человекъ, котораго родъ и имя не давали ему права соединиться съ Княжною, и тѣмъ болѣе шутить съ нею такимъ образомъ: Войдило былъ сначала просхимъ слугою, и только умомъ своимъ и красивою наружностію снижалъ значеніе при дворѣ. Но Ягелло, взявъ его сторону, хвалилъ остроумную его шутку и ловкость, и тѣмъ способствовалъ къ уменьшенію гнѣва Аксены.

Съ того времени Княжна не хотѣла болѣе и слышать ни объ оружіи, ни о единоборствѣ. Происшествіе сіе пакъ ее опечалило, что обыкновенная живость ея и веселость нрава перемѣнились въ мрачную задумчивость. Она убѣгала людей, а болѣе всего Войдилы; запиралась въ своей комнатѣ и большую часть дня проводила въ одиночествѣ. Войдило замѣнилъ, какою дорогою цѣною купилъ онъ побѣду, и опасаясь еще худшихъ послѣдствій, употреблялъ все средства смягчить ея гнѣвъ. Аксена не хотѣла долго пинать въ душѣ своей мщенія и злобы; зла не лѣзя уже было поправиль, и она простила свою обиду; но не сдѣлалась ни веселѣе, ни счастливѣе: напротивъ того казалось, что съ каждымъ днемъ увеличивались душевныя ея страданія. Князь Даніиль воспользовался симъ случаемъ для предложенія ей руки, полагая, что съ перемѣною склонностей она перемѣнила и

образъ мыслей; но Аксена приняла его еще съ большею холодностію нежели прежде, и прибавила, что если онъ не захотѣлъ опмспинь ея побѣдипелю на мѣстѣ сраженія, то и она не можетъ рѣшиться раздѣлиться съ нимъ судьбу свою.

Вскорѣ послѣ того Ягелло, какъ выше сказано, ввѣривъ правленіе Войдилѣ, опсправился съ войскомъ въ Польшу. Княгиня, старалась развлечь свою дочь, часно ѣздила съ нею по прелестнымъ окрестностямъ. Но самая пріятная прогулка была въ Кѣрновѣ, куда онѣ не рѣдко отправлялись въ легкой лодочкѣ. Тамъ въ домѣ Лездейки онѣ находили все, что только госпспрїимспво, искренность и непринужденность могутъ имѣть пріятнаго для сердца; тамъ, въ насшавительной бесѣдѣ съ спарцемъ, исчезали все сомнѣнія и мѣсто ихъ занимала пвердая увѣренность. Опсправляясь шуда, онѣ знали, что все, что есть поучительнаго, уельшапѣ изъ успѣ Лездейки. Поѣздка въ Кѣрновѣ наиболѣе нравилась Аксенѣ: она рада была свиданію съ Пояшою. Въ болѣзненномъ соспояніи духа упредительная дружба, основанная на взаимномъ уваженіи и искренности, могла бытъ для нее не оцѣненнымъ благомъ. Чувствва сїи Княжна нашла въ Пояшѣ, кошорая, будучи моложе Аксены нѣсколькими годами, но щцщательно воспитанная въ любви къ добродѣтели, кромѣ

кая, чувствительная, способна была облегчить скорбь ея сердца. Однажды, пронупая болѣе обыкновеннаго ея печальнымъ видомъ, она рѣшилась доказать неосновательность чувствъ, лишившихъ ее спокойствія духа.

— Милая Аксена, сказала Поляна: печаль твоя мучитъ меня тѣмъ болѣе, что причина оной такъ мало важна, что скорѣе должна бы возбудить смѣхъ и шушки, нежели родить иныя непріятныя чувства. Если ты не дорожишь своимъ здоровьемъ и моимъ спокойствіемъ, то обрати вниманіе на манушку, и замѣть что она тернитъ для тебя. Скажи, Аксена, чтобы ты подумала о мужчинѣ, который бы пришелъ въ опечаленіе отъ того, что взявшись за прялку, не умѣлъ дѣйствовать вериномъ? Точно въ такомъ положеніи и ты теперь. Человѣкъ не всегда долженъ поступать по мнѣнію свѣта; иногда онъ обязанъ благодарить боговъ за самыя непріятности. Повѣрь мнѣ, что пока будешь печалиться, до тѣхъ поръ люди будутъ считать твоей проигрышъ въ единоборствѣ весьма важнымъ; но начни только сама смѣяться надъ нимъ, и все позабудутъ его . . . весьма естественно, что женщина слабѣе мужчины. Я думаю, тебѣ слѣдовало бы благодарить боговъ, что единоборство твое кончилось безъ дальнѣйшей бѣды.

— Безъ бѣды! сказала горестно Княжна:

никто не видитъ моей раны; но опть того она не закроется. Если ты понимаешь меня, то вѣрно не будешь удивляться моему мученію.

— Княжна! — вскрикнула покрасѣвшая Поляша.

— Милая Поляша! я жестоко наказана. Ему извѣстно уже, что онъ любимъ.

— Аксена! сказала смущенная Поляша: чего же ты опть меня надѣешься, открывъ мнѣ свою тайну? Какой совѣтъ могу я дать тебѣ?

— Не хочу ни совѣта, ни сожалѣнія, отвѣчала Княжна: все твои замѣчанія будутъ неумѣстны; знай только о томъ, на что я рѣшилась и что непремѣнно исполню. Извѣстно тебѣ, что Войдило воспитанъ въ домъ отца моего, былъ имъ любимъ, выросъ между нами, и въ домашнемъ кругу мы все обходились съ нимъ, какъ съ братомъ. Не скрою опть тебѣ, что его природный умъ, вѣжливость и маловажныя услуги, которыми онъ старался снискать мою благосклонность, поселили во мнѣ привязанность къ нему съ самаго дѣтства. Тогда-то, гоняясь за звѣрями, либо забавляясь верховою ѣздою, любила я рыцарскія упражненія, содѣлавшіяся со временемъ любимымъ моимъ занятіемъ. Но придя въ возрастъ, мы должны были разлучиться: между нами положенъ предѣлъ, разрушившій сладостную непринужденность,

какая существовала прежде, какъ между брашомъ и сеспирою. Мань моя, вѣроятно замѣтивъ взаимную нашу склонность, не желала, чпобъ Войдило осмавался долѣе въ моемъ обществѣ. Долгъ покорности и ушраченная надежда быть счастливою, сдѣлали меня равнодушною ко вѣмъ, кпо искалъ руки моей, и я болѣе прежняго прилѣпилась къ рыцарскимъ занятіямъ. Тебѣ извѣстно, какъ легко мнѣ было побѣждать самыхъ опытныхъ воиновъ. Когда объявлено было о послѣднемъ рашоборствѣ, не понимаю, какой злой духъ научилъ его сразиться со мною. Хопя я не знала еще кпо имянно мой побѣдитель, но, не смотря на стыдъ и досаду, я уже выпала къ нему уваженіе; когда же онъ опкрылся, когда поднимая меня съ земли, просилъ извиненій, тогда, подъ припворнымъ гнѣвомъ какая-то радость оживила мою душу! Всѣ полагали, чпо оскорбленное самолюбіе и ненависть къ побѣдителю причиною моей печали. Ахъ! если бъ ты знала, милая Поята, какія онъ употреблялъ средства, какимъ наказаніямъ рѣшался подвергнуться, для смягченія моего гнѣва! Я искусно припворялась раздраженною, и обвиняла его болѣе за то, что онъ шушовскимъ своимъ нарядомъ хотѣлъ показати презрѣніе къ моей храбросни. Онъ увѣрялъ меня, что все это было выдумкою самаго Ягеллы, и что ему никогда не было

знакъ непріятно исполнять волю Князя, какъ въ сей разъ. Бросясь къ ногамъ моимъ, онъ клялся лишить себя жизни, если я не возвращу ему своей благосклонности; припоминать счастіе, минувшихъ дней, признался въ пламенной любви, и я, въ минушу смущенія забылась и—опвѣчала ему взаимнымъ признаніемъ . . . .

— Что ты сдѣлала! Вѣдь Княгиня все еще имѣешь въ виду Князя Даніила.

— Князь Даніиль давно уже получилъ мой опвѣщъ.

— Аксена! я ничего не могу сказать противъ Войдилы; но таковъ ли долженъ быть супругъ Олгердовой дочери? Что скажешь твои братья? въ силахъ ли ты склонить мать на свою сторону? Она такъ нѣжно любитъ тебя!

— Оставь свои возраженія, Полята. Долго ли поль нашъ будетъ рабски подчиненъ мужчинамъ? Посмотри на другіе народы: женщины всюду пользуются своими правами; только въ одной Липвѣ дѣвицы заключены въ домахъ, какъ жернывы, и тогда только видящъ свѣтъ, когда ихъ ведутъ для врученія шому, кшо удостоилъ избрать ихъ въ супруги. Я первая восстаю противъ этого жестокаго обычая, подавая собою примѣръ, что супругомъ моимъ будетъ шомъ, на кого падетъ мой выборъ. Конечно, Войдילו не равенъ мнѣ

родомъ; но опъ того онъ не менѣ добродѣ-
шеленъ. Если бъ жилъ еще Олгердъ, различіе
состояній не было бы еще такъ велико.
Впрочемъ, льща мои уже дають мнѣ право
располагать собою, по своей волѣ. Ягелло лю-
бишь Войдилу, Скиргѣлло также распо-
ложенъ къ нему.

— Да будетъ воля боговъ! сказала Поята.
Совѣтую тебѣ однакожь не спѣшишь объяв-
леніемъ твоихъ намѣреній; кто знаешь, ка-
кія послѣдствія будутъ для матери, если
она узнаешь объ оныхъ. Ягелло имѣешь боль-
шое вліяніе на ея умъ: надобно бы прежде
получить его согласіе.

Аксена нашла замѣчаніе сіе справедливымъ
и обѣщала своей подругѣ послѣдовать ея со-
вѣту. Ожидая съ нетерпѣніемъ возвращенія
Ягеллы, она скрывала спраснь свою къ Вой-
дилѣ, спраснь, о копорой Княгиня и не ду-
мала; напрошивъ того, видя ея спокойствіе,
родившуюся охоту къ занятіямъ своего по-
ла и ласковое обращеніе съ своимъ побѣди-
телемъ, она благодарила боговъ за изцѣленіе
дочери, и Войдилу за столь дѣйствительный,
данный ей урокъ. Въ семъ положеніи находи-
лось дѣло Княжны, когда показались въ Виль-
нѣ побѣдоносные войны передовой спражи
Ягеллы. Звукъ шрубъ, шумъ оружія и ты-
сячи голосовъ заснупили мѣсто прежней глу-
бокой тишины. Нетерпѣніе увидѣшь скорѣе

любимыя мѣста и особѣ, милыхъ сердцу, нашихъ народа и густыя толпы воиновъ, не допустили побѣдителей вступити въ городъ въ надлежащемъ порядкѣ. Каждый изъ жителей столицы имѣлъ кого либо въ походѣ, кто былъ предметомъ его заботливости. Тамъ молодая женщина, съ младенцемъ на рукахъ, бѣгаетъ по рядамъ, смотритъ на лица, кличетъ по имени своего супруга, находитъ и бросается въ его объятія. Тамъ обнимающія друзья, разсказываютъ свои приключенія, доставаютъ изъ мѣшковъ богашую добычу, награбленную у Поляковъ, или пошряхиваютъ полными кошельками золота. Тамъ, вдали, стоитъ робкая дѣвушка, вперивъ взоръ въ ряды воиновъ. Глаза ея опыскиваютъ возлюбленнаго; наконецъ веселая улыбка и скорое возвращеніе домой показываютъ, что она видѣла его здоровымъ. Тамъ опять маслинный старецъ, опершись о спицу, рыдая, держитъ въ рукахъ окровавленный шлемъ сына, а поварница его, принесши ему печальное извѣщеніе, разсказываетъ подробности геройской смерти; въ другой споронѣ гордый побѣдитель, сидя на конѣ, влечетъ за собою на веревкѣ связанныхъ плѣнниковъ, и съ веселыми пѣснями вводитъ ихъ въ ворота зѣмка. Головы побѣжденныхъ склонены на грудь, ноги босые, а осматки богашой нѣкогда одежды являютъ печальный видъ не-

постоянства фортуны. Въ нихъ не лѣзя различить ни достоинства, ни званія: злой рокъ уравнилъ ихъ! Мало по малу возы съ добычею и ранеными воинами развозяшся въ разныя спороны и мѣсто шумныхъ кликовъ радости заснупаешъ тихій говоръ народа.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

О д и н о ч е с т в о .

(Н. А. Гу . . . . . вой.)

Мѣсяцъ полный изъ-за облакъ
 Выспунаешъ,
 И въ пошокъ глядится чистый
 Водъ кристальныхъ.

Тихо шепчетъ лѣсъ дремучій,
 Кольхаясь . . . . .

Все спокойно, мнѣ лишь горешъ
 Грудь волпуешъ.

Ахъ, пѣвцу въ плачевной жизни
 Нѣтъ отрады!

Отъ него на вѣки радостъ
 Оплешѣла!

Гдѣ блаженство, гдѣ веселье
 Дней минувшихъ?

Ты разрушила Н . . . . .
 Мое счастье!

Мнѣ въ могилѣ угбшенья
 Ждашь оспалось,
 Въ ней глубокія спраданья
 Я окончу.

Для чего природа дремлетъ
 Въ усыпленьи?
 Для чего ты не бушуешь
 Въспрѣ полночный?

О, раздайпесь съ прескомъ громы
 Въ поднебесной!
 Всю вселенную — ужасно
 Попрясите!

Сжалыпесь грозные перуны
 Надо мною!
 И скорый разбѣйте сердце
 Несчастливца!

П. Коз . . . . . въ.

С М Ъ С Б.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПИСЬМА ВЪ С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Тифлисъ. 8 Января 1851 г.

Челядиновъ отецъ (Онуфрій Кондрашьевичъ,) въ проѣздъ свой чрезъ Кавказскія горы, не нашелъ ничего достойнаго примѣчанія: все ему казалось дикимъ, скучнымъ, сквернымъ. Напропавъ того сынъ его (Виккуль Онуфріевичъ) находилъ все прелестнымъ и приходилъ въ неумѣренный воспоргъ отъ мѣлѣйшей бездѣлицы, даже отъ того, что ни мало не было восхищительнымъ. Когда рѣчь заходила о народахъ, обитающихъ Кавказскія горы, Онуфрій Кондрашьевичъ никакъ не могъ поспигнуть, чтобъ могли существо-

звать люди, которые не имѣютъ понятія ни о судахъ, ни о пляскахъ, ни о письмѣхъ и у которыхъ гербовая бумага не имѣетъ никакого сбыту. Стараясь его убѣдить въ томъ, что ~~есть~~ подобныя несчастныя существа, слово за словомъ я непримѣнно дошелъ до вопроса: какіе народы болѣе достойны сожалѣнія тѣ ли, которые рѣжутся на книжалахъ, или, которые грызутся на бумагахъ?—Этотъ вопросъ, какъ ты можешь себѣ представить, произвелъ между нами жаркое прѣніе. Мудрено было разрѣшить подобную задачу, и споръ нашъ продолжался бы, можетъ быть, по сіе время, если бы сильный толчекъ, отъ котораго пришли въ сотрясеніе весь механизмъ нашей коляски и весь организмъ нашихъ шѣлъ, не отвлекъ нашего вниманія отъ моральнаго къ физическому.—»Все здѣсь хорошо, все прекрасно, что только создано природою; все дурно, все гадко, что устроено руками человѣческими!« воскликнулъ Викулъ Онуфриевичъ. Какъ жаль, что судьба не дала мнѣ прежде быть въ сихъ мѣстахъ! Я бы обратилъ все свое вниманіе на сіе важное сообщеніе, служащее единственной связью между Россією и Закавказскими провинціями. Я давно бы изобрѣлъ средство устроить здѣсь прочный и спокойный путь. Постойте! Дайте мнѣ только доѣхать до Тифлиса! Я укажу возможность не только укротить ярость Терека, не только провесити шоссе, но даже чугунную дорогу отъ Владикавказа до Тифлиса. Я откроею въ Закавказскомъ краѣ источники народнаго богатства, изъ коихъ легко можно почерпнуть все нужныя къ тому средства. Я еще не былъ въ странахъ, принадлежащихъ Россіи за Кавказомъ, но ручаюсь вамъ, что имѣю болѣе объ нихъ свѣдѣній, нежели тѣ, которые прожили тамъ двадцать лѣтъ.—Боже мой! Чего нельзя сдѣлать для пользы общей и для славы собственной. Я внутренно и досадовалъ и смѣялся, когда мы съ шакимъ трудомъ и опасностью пробирались по снѣгу на этомъ проклятомъ переходѣ отъ Коби до Кайтаура. Ну, скажите! Чего сподобитъ провесити крытый мостъ отъ Кресивой до Гудъ горы. Тогда уничтожена вся опасность отъ заваловъ, которые нынѣ часто на нѣсколько дней останавливаютъ сообщеніе. И какъ

легко вознаградить издержки, которыя употреблены будутъ на исполненіе столь славнаго и полезнаго предпріятія. Спонсиръ только поставитъ по обѣимъ концамъ моста караульныхъ, которыя, какъ въ чужихъ краяхъ, будутъ собирать извѣстную пошлину съ проезжающихъ. Да знаете ли что?» продолжалъ онъ обращаясь къ мнѣ, съ улыбкою самодовольствія—«Самая вершина ледянаго Казбека есть источникъ богатства и просвѣщенія для всѣхъ окрестныхъ народовъ. Поспѣваете ли вы, что я хочу сказать?» — «Признаюсь, нѣтъ!» отвѣчалъ я, пожимая плечами. — «Это превосходитъ мою проникательность.» — «Какъ нѣтъ!» — Возразилъ онъ, съ улыбкою состраданія о моей недогадливости. — «Не уже ли вы забыли о ледяномъ дворцѣ на Невѣ, который надѣлалъ столько шуму, о которомъ столько говорили и писали. Подобное зданіе было только временное; ибо какъ ни продолжительны морозы въ Петербургѣ, но однако же не вѣчны. Что если бы на шемъ сибирскаго Кавказа, въ царствѣ вѣчныхъ льдовъ, построили ледяной замокъ, на коемъ игра солнечныхъ лучей отражала бы все, что есть драгоцѣннѣйшаго въ мѣрѣ. Со всѣхъ концовъ вселенной спекались бы, чпобъ видѣть подобное чудо. И это легко исполнить. До вершины Казбека не трудно прорубить ледяныя лѣстницы, которыя обложитъ ледяными же перилами. Для производства работъ и для поддержанія въ послѣдствіи сего волшебнаго зданія, употребить Осетинъ и другихъ горцевъ, въ пользу коихъ онъ прѣзжающихъ смолитъ сіе диво, установитъ извѣстную плату. Сначала сіи невѣжественные народы, можетъ быть, будутъ противиться: въ такомъ случаѣ, для собственнаго ихъ блага, понудитъ ихъ къ тому силою. Вскорѣ они познаютъ всю выгоду столь благодѣтельнаго для нихъ заведенія, и предпавыте себѣ, сколь быстрая и сколь счастливая произойдетъ между ними перемѣна отъ безпрестаннаго сообщенія со всѣмъ что есть лучшаго [въ Европѣ!]

Ты знаешь, что я снѣпаю страсть къ безрасчетливимъ и необыкновеннымъ предположеніямъ однимъ изъ самыхъ несчастныхъ припадковъ сумасшествія; а по опытамъ дознано, что сумасшедшимъ въ пред-

мешѣ ихъ слабости прошивурѣчить не должно. Основываясь на семь правилъ, я не только не предпринималъ опровергать мечшы молодого Челядинова; но даже къ его мечшамъ присовокуплялъ мечшы собственнаго изобрѣшенія, въ его же родѣ, и я въ величайшей степени заслужилъ его расположеніе и довѣріе. По дружбѣ съ сыномъ я попалъ въ милость къ отцу. Онъ былъ въ восхищеніи отъ нашихъ бредней, и не могъ дослѣдочно нарадоваться, что имѣеть такого сына, который говоритъ о предметахъ, превосходящихъ его понятія. А меня послѣ него считалъ въпорымъ чудомъ. Одно только ему не нравилось когда слылъ его, увлеченный ревностнымъ воспоргомъ, дерзалъ пускаться въ разсужденія о нѣкоторыхъ злоупотребленіяхъ и объ измѣненіи существующаго порядка въ теченіи дѣль. Тогда, прерывая его со спротоспшо, онъ давалъ ему замѣтить, что старики въ эпоху болѣе смыслятъ, нежели неопытная молодежь.

Въ такомъ дружественномъ и счастливомъ расположеніи духа доѣхали мы до Тифлиса, безъ всякой неприятности, кромѣ небольшого прошиворѣчія, пренерпѣннаго молодымъ Челядиновымъ отъ одного изъ ихъ невѣжественныхъ проспяковъ, которые, не имѣя никакихъ опвлеченныхъ умственныхъ возможностейъ разсуждать о вещахъ, основываясь на одной только опытности и здоровомъ разумѣ, осмѣливаются излагать свое мнѣніе о возвышенныхъ предметахъ, выходящихъ изъ предѣловъ и опытности и здраваго разума. На Гартискарскомъ посту, послѣдней станціи къ Тифлису, съѣлъ къ намъ на козлы съдобородый Русскій ямщикъ. Медленно понукая лошадей, по причинѣ дурной дороги, онъ вслушивался въ наши рѣчи, часто оглядываясь назадъ и покачивалъ головою съ видомъ обидной сострадательности къ нашему стумасбродству; но не говорилъ ни слова, вѣроянно по благородному правилу: *не до тебя дѣло, молги*. Поворотивъ отъ Куръ вправо, къ полю называемому Дигомскому, опшстоявшему отъ города въ 8 верстахъ: «Вонъ Тифлисъ!» сказалъ онъ, указывая плетью на чертѣвнееся въ дали на Куръ углубленіе, въ коемъ коегдѣ видны были бѣлыя пятна, похожія на строенія, разбросанныя въ значительномъ отъ другаго

разсполній. Признаюсь, видъ Тифлиса издали не произвелъ надъ нами пріяшнаго впечатлѣнія. Воображеніе наше, воспламененное всѣмъ, что мы слышали и читали о столицѣ Закавказскаго края, заставляло насъ ожидать что нибудь получше. Тифлисъ лежитъ, такъ сказать, въ котлѣ, что дѣлаетъ положеніе его для жаркаго климата чрезвычайно невыгоднымъ. Прѣзжающіе сюда по Военно-Грузинской дорогѣ, во Мцхетѣ имѣютъ для выбора два пути: одинъ лежитъ чрезъ мостъ, на правой сторонѣ Куры, и проложенъ по крупному и скалистому берегу. Путь сей имѣетъ много опасныхъ мѣстъ. Бѣда, если лошади искугаются, или сломается колесо! Подъѣхавъ спремглавъ на нѣсколько сажень въ Куру. — По этому направленію Тифлисъ почти не примѣнно показывается прѣзжающимъ до самаго вѣзда въ оныи. Можно сказать, что мѣсто, гдѣ оныи находились, въ ясную погоду, въ особености лѣтомъ, означается издали одними только вредными испареніями, копорыя надъ нимъ вѣчно плаваютъ въ видѣ тумана. Другая дорога лежитъ по лѣвому берегу Куры. Она довольно хороша и представляетъ одно только неудобство отъ брода, копорый надо проходить чрезъ Арагу. Впрочемъ бродъ сей довольно хорошъ и удобо-проходимъ, кромѣ полноводія. Съ этой стороны, какъ говорятъ, Тифлисъ представляется въ лучшемъ видѣ. При появленіи города, куда мы ѣхали, между нами естественно родился вопросъ, гдѣ мы пристанемъ. — «Послушай старикъ!» сказалъ молодой Челядиновъ, обращаясь къ ямщику: — «Копорый лучший трактиръ въ Тифлисъ?» — «Эхъ! Эхъ! Эхъ!» — Оспвѣчалъ старикъ, покачивая головою: — «Многово ты захопѣлъ, Баринъ! Лучшій трактиръ! Здѣсь не Пиперъ и не Москва, гдѣ, говорятъ, на каждомъ перекресткѣ кухмистерскій споль. Слава Богу, если вы, Господа, найдете свободную и чистую избу у Нѣмца Зальцмана, копорый на пескахъ, за Курою, держитъ постоялый дворъ для прѣзжихъ!» — «Какъ!» — воскликнулъ молодой Челядиновъ: — «не уже ли въ Тифлисъ нѣтъ порядочнаго трактира! Чпо дѣлали Русскіе въ печеніе тридцати лѣтъ, если по сіе время не могли устроить пристойнаго пріюта для прѣзжихъ?» — «Чпо дѣлали Русскіе тридцать лѣтъ!

Эхъ, банюшка, куда хватили! Спроси-ка меня, что дѣлали Русскіе! Я тебѣ скажу. Я здѣсь самъ уже тридцать лѣтъ.—Меня привезъ сюда Баринъ, покойный Маіоръ Храбровъ. Дай Богъ ему Царство Небесное! Передъ смертью оставилъ мнѣ отпускную. — Я помню, какъ банюшка нашъ, Князь Циціановъ, жилъ въ такой сакль, гдѣ грязь было по колено (*); а ваша братья чиновники, жили съ буйвомами да съ етаками. А теперь посмотри какихъ насроили хоромовъ! Не хуже Имперскихъ. Бывало нельзя показать носу за городъ: Лезгинъ вездѣ рыскаеть. По этой самой дорогѣ, по которой вы теперь изволите ѣхать, берешь въ конвой и Грузинъ со Мухета и Казаковъ съ Розыкала (**). Я сполалъ съ барининомъ въ Сурамъ, такъ хиндики изъ Борджома такъ и хватали народъ; а теперь безопасно вездѣ и по Борджому, и въ Ахалцыхъ и въ Ривани. Ступай куда дунѣ угодно!—Эка вишь! Что дѣлали Русскіе? Весь свѣтъ знаетъ, что дѣлали наши, только ты, Баринъ, объ томъ не вѣдаешь.—Надо было видѣть быспрую леремьбу, которая произошла въ чернякъ молодого Челлядинова, онъ кинулся на синараго ямщика и вѣрно прибилъ бы его до полусмерти, если бы отецъ не удержалъ его, представивъ ему все дурныя послѣдствія, могущія произойти отъ подобнаго азарничества. Онъ сълъ, излилъ всю свою желчь на сего невѣжу, осыпалъ его угрозами, и до самой заснавы перзалъ насъ жалобами на столь дерзкое и бессмысленное противорѣчіе.

(Изъ Тифл. Вѣдом.)

(*) Старый ямщикъ говорилъ правду. Въ доказательство выписываемъ собственныя слова изъ всеподданнѣйшаго донесенія Князя Циціанова »Наконецъ долгомъ поставляю всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, что я самъ, при болѣзненномъ моемъ состояніи, не смотря на весеннюю распутицу, прибылъ сюда по дорогѣ столько грязной, что на 50 верстѣ по колено было лошади, да и по шпоры недели живу въ такой сакль, гдѣ болѣе четверши грязи, утѣшаясь только пѣтьемъ, что служба Вашего Императорскаго Величества того пребудетъ«

(**) Такъ Русскій простой народъ называетъ Гарнискаръ.

П А С К В И Л И.

Фридрихъ Великій приказывалъ всегда написанныя на него пасквили, если они были привѣшены высоко на стѣнахъ, спускать ниже, дабы люди небольшого роста могли удобнѣе читать ихъ.—Иосифъ II приказывалъ сочиненія сего рода продавати въ пользу бѣдныхъ.—Мазаринъ поступалъ иначе. На него печатали ужасныя вещи. Онъ казался чрезвычайно тѣмъ раздраженнымъ, въ самомъ же дѣлѣ было напротивъ. Однажды онъ оидалъ приказаніе собрать и доставить къ нему всѣ экземпляры пасквилей, сколько успѣютъ захватить, съ тѣмъ, чтобы, какъ говорилъ онъ, сжечь ихъ. Получивъ порядочный запасъ этихъ сочиненій, Кардиналъ велѣлъ, подъ рукою, продавати ихъ. Такая шутка принесла ему до десяти тысячъ пиастровъ и дала случай посмѣяться: »Французы,« говорилъ онъ обыкновенно: »славные люди! я позволяю имъ пѣть и писать, что имъ угодно,—они позволяютъ мнѣ дѣлать, что мнѣ угодно.«

С О Д Е Р Ж А Н І Е No. XIX.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Соломяшый рыцарь. *Стихотворенія:* Одночестиво; соч. П. К—ва. СМѢСЬ. Отрывокъ изъ письма въ С. Пешербургъ. Пасквили.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 5 Марта 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

П Р Е Д З Н А М Е Н О В А Н І Е.

(ПОВѢСТЬ ВАЛТЕРЪ-СКОТТА.)

Посвящено А. И. Д.

Лѣтъ десять тому назадъ, значительное собраніе писемъ адресовано было къ Сиру Георгу Шелбруку, по случаю одного произшествія, коего Валперъ-Скоттъ, авторъ сихъ писемъ, былъ свидѣтелемъ. — Изданіе оныхъ въ свѣтъ, было поручено одному Единбургскому книгопродавцу; но замедлилось потому, что главное описываемое въ этихъ письмахъ произшествіе, было еще слишкомъ свѣжо въ памяти Англичанъ. — Теперь, когда дѣйствующія лица сего событія уже не существуютъ, ничто не препятствуетъ болѣе обнародовать эти письма. — И такъ, мы представляемъ ихъ нашимъ читателямъ въ слѣдующемъ разсказѣ, раздѣленномъ на четыре эпохи. Разсказъ сей, есть болѣе извлечение, нежели компиляція изъ той интересной переписки.

Э П О Х А I.

Г л а в а I.

..... Младенчество мое было нерадостно и мракъ покрываетъ мои первыя воспоминанія. Иногда мысленно пробѣгая прошедшее, я вижу въ немъ темныя и страшныя явленія, которыя заставляютъ меня сомнѣваться: истинныя ли онѣ происшествія, или только мечты!.

При видѣ блестящаго жилища и полны слугъ, я воображаю себя снова ребенкомъ играющимъ апельсиномъ на коврѣ богатой залы . . . . . Дикій крикъ меня еще пугаетъ, мнѣ мнился, что я перенесенъ опшуда въ другой домъ, что я вижу человека плавающего въ своей крови, на ступеняхъ огромной лѣспницы, и женщину съ воздѣшными къ Небу руками.

Пока волнуютъ меня сіи видѣнія, мечты мои принимаютъ другое направленіе: ряды домовъ и деревьевъ быстро мелькаютъ передъ окнами кареты, въ которой я сижу близъ незнакомой мнѣ женщины, утопающей въ слезахъ и осыпающей меня ласками.

Мы подъѣзжаемъ къ древнему зданію . . . . . Меня удаляютъ отъ моей сопутницы и я въ комнашѣ, украшенной портретами рыцарей, нахожусь въ объятіяхъ почтенной женщины; она съ нѣжностію прижимаетъ меня къ груди своей, орошая лице мое слезами . . . .

Здѣсь промежутки въ моихъ воспомина-
ніяхъ . . . . . Попомъ, вижу ту же женщи-
ну, лежащую въ постель, блѣдную, слабую,
опчаянную . . . . . нѣсколько молодыхъ
дѣвушекъ тихо разговариваютъ и съ оспо-
рожностію ходятъ вокругъ нее . . . . .

Она положила свою изсохшую руку мнѣ на
голову; рука ея горѣла, я освободился отъ
оной, отклоня ея; но со страхомъ и почше-
ніемъ, ибо она благословляла меня. Каждый
разъ, какъ я вспоминаю о ея горячей, из-
сохшей рукѣ и глазахъ, исполненныхъ горе-
сти, слезы льются изъ очей моихъ.

Я никогда болѣе уже не видалъ сей почтен-
ной женщины. Нѣсколько дней спустя, меня
привели опять въ ту комнату, гдѣ, изнемо-
гая уже, она осыпала меня ласками. Все из-
мѣнилось тогда: на постель было покрыто
что-то, поразившее страхомъ мой младен-
ческій умъ.—Печальная дѣвушка, меня прово-
жавшая, взглянувъ на постелью, залилась горь-
кими слезами, я такъ же плакалъ, не зная
самъ пому причины, и удаляясь отътуда,
былъ угнетенъ, подавленъ непонятною тос-
кою и страхомъ мнѣ неизвѣстнымъ.

Г л а в а II.

На другой день послѣ похоронъ, прежняя
моя незнакомка перевезла меня въ уединен-
ный домъ; гдѣ встрѣила меня попеченіямъ жен-

щины преклонныхъ лѣтъ и пріятной наружности.

Домъ сей находился на возвышеніи, надъ небольшимъ заливомъ, на берегу котораго, нѣсколько разбросанныхъ рыбацкихъ хижинъ образовали дереушку. На Восточной споронѣ былъ каменистый мысъ, котораго высокія скалы вдавались въ Оксань.

Въ этомъ убѣжищѣ пропекла недѣля, какъ Г-жа Ормонъ взявъ меня за руку, повела на песчаные утесы. Морскія волны тихо струились по песку, какъ однообразная пѣсня усыпляющая ребенка. Погода была тихая, морскія пшицы, летая между мною и мрачными пропастями, блиспали какъ серебряныя звѣзды.—Въ опкрышомъ морѣ корабль споялъ на якорѣ; рыбаки ѣздившіе на оный возвращались на берегъ. Моему юному воображенію казалось, что ихъ опдаленные удары весель, разсѣкая незыблемый Океанъ, какъ бы дробили спеклянную поверхность.

Какой-то человекъ сидѣвшій тогда на скалѣ, вскочилъ съ мѣста, въ минузу внезапно нашего приближенія и съ поспѣшностію скрылся. Что-то особенное въ его пріемахъ обратило мое вниманіе, я приводилъ его въ рамя.

Недавно онъ поселился въ маленькой хижинѣ, построенной въ ущельѣ скалы; никто не могъ сказать, когда онъ прибылъ; все, что

знали о немъ, состояло въ темномъ и запущанномъ разсказѣ браконьера, котораго будпо видѣлъ, какъ черный челнъ скользнулъ черезъ ликъ луны, тогда выкашившейся изъ за Океана, и направилъ бѣгъ свой къ кораблю, лепѣвшему на всѣхъ парусахъ.—На разсвѣтѣ другаго дня, пошъ, котораго попревожило наше присутствіе, просилъ нѣкоторыхъ запасовъ въ хижинѣ; но найдя въ ней единственную жилищею бѣдную вдову рыбака, уговорилъ ее дать ему пристанище.

Нѣсколько времени, рыбаки, изъ любопытства, спарались встрѣчать его въ прогулкахъ, и дѣлали ему множество вопросовъ, въ надеждѣ свести съ нимъ знакомство. Онъ отвѣчалъ ласково, но въ опрѣвахъ его было сколько осторожности, что рыбаки, напоследокъ, отказались отъ своего намѣренія.

Г л а в а III.

Пропекло нѣсколько лѣтъ, пока я опять увидѣлъ Г. *Окдала*. Я былъ уже не ребенокъ, пребывающій безпрерывнаго надзора, но безпечный мальчикъ, которому дозволяли бѣгать одному въ горахъ и по берегу моря.

Въ одинъ лѣтній вечеръ (можетъ быть тогда была уже и осень: пожелтѣвшія поля, свернувшіеся и оплелѣвшіе листья мелькающъ въ моей памяти), я возвращался домой, пробираясь вдоль скалы, на которой висѣла хижина *Окдала*. Легкій вѣтерокъ вѣялъ

съ моря и оиъ небольшого . шумана бѣлѣла
небесная лазурь. Волны дробились о берегъ,
но безъ шума и рева; шелестъ простника и
листьевъ, казался болѣе живымъ, нежели уны-
лымъ.

Надъ хижиною, посреди скалъ, пролежала
кратчайшая дорога въ деревушку. Я пустился
по ней, и едва прошелъ шаговъ сто, какъ
увидѣлъ его снова: онъ сидѣлъ, подпершись
рукою. Я узналъ его съ перваго взгляда, столь
сильно черты этого человѣка вѣзались въ
моей памяти; мнѣ казалось, какъ будто я
знавалъ его когда-то! Нѣсколько минутъ я
разсматривалъ его со вниманіемъ и хощлъ
уже удалиться, какъ онъ, услышавъ шорохъ,
замѣнилъ меня, и не перемѣняя своего поло-
женія, сдѣлалъ мнѣ знакъ, подойти къ нему.

Сначала онъ говорилъ со мною весело;
вдругъ, дико и ужасно заблестали глаза его;
опклонивъ рукою густыя локоны, покрывавшіе
лобъ мой, онъ съ перевознымъ любопытствомъ
долго всматривался мнѣ въ лице,—и залился
слезами.

Когда миновался припадокъ этой непонятной
для-меня грусти, онъ спарался успокоить
меня ласками, которыя такъ быспро
разсѣвають страхъ и недовѣрчивость въ
юномъ, неопытномъ сердцѣ.—Но слезы скорби
и душевнаго волненія, все еще были замѣны
въ чертахъ лица его; онъ погрузился

въ думы, и слезы, хотя съ меньшею проливъ прежняго силою, капились изъ глазъ его:

Онъ разпрашивалъ меня о моемъ имени, и о многихъ вещахъ, мнѣ совершенно чуждыхъ. Странности этого человѣка, привели меня въ шрепепъ, я желалъ поскорѣе отъ него удалиться; но онъ удерживалъ меня почти насильно . . . . .

Г л а в а IV.

Я оставался съ нимъ довольно долго, и не прежде, какъ лучи маяка слились съ лучами вечерняго свѣшила на зеркальной поверхности воды, подумалъ о возвращеніи домой.

Онъ проводилъ меня до калитки, у копорой Г-жа Ормонъ, безпокоившаяся о моемъ опсуществіи, ожидала возвращенія посланныхъ за мною слугъ.

Завидя насъ, она поспѣшила къ намъ на въспрѣчу, и цѣлуя меня съ нѣжностію, журила въ то же время, что я запоздалъ такъ долго.—Держа Г. Окдала за руку, я чувствовалъ, что при первомъ звукѣ голоса моей воспитательницы, ему хотѣлось меня оставить; и точно, черезъ минушу, онъ вырвалъ свою руку, и пошелъ прочь.

Г-жа Ормонъ, удивленная такою нечаянностію, спросила меня объ имени незнакомца. Но прежде, нежели я успѣлъ отвѣчашей, онъ возвратился къ намъ и, взявъ за ру-

ку мою наставницу, силится удалить ее отъ меня.

Она хотѣла знать причину столь страннаго обращенія; онъ сказалъ ей что-то, но такъ тихо, что я не могъ ничего разслушать; Г-жа Ормонъ пребыла нѣсколько минутъ безмолвною отъ удивленія, но скоро пришла въ себя, и вмѣсто того, чтобы опъвѣчать незнакомцу, увлекла меня съ собою, и заперла калишку.

Всходя на крыльцо, я обернулся и увидѣлъ Г. Окдаля, стоявшаго неподвижно, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы его оставили. Г-жа Ормонъ обернулась также и съ выраженіемъ, которое попомъ не преспавало опъзывахъся въ моей памяти, вскричала: „Жалкая пварь!“

Когда возврапились посланные за мною слуги, она спросила: не у калишки ли еще человекъ, провожавшій меня домой? но никто не видалъ его; и она приступила съ разспросами ко мнѣ.

Я высказалъ все, что зналъ, но это не удовлетворяло ее. Она не могла скрыть своего удивленія, что живя такъ близко, ничего не знала объ немъ столь долгое время!

При всей моей молодости и неспособности проникнуть шайну, меня окружавшую, я понималъ, однако же, что судьба моя шѣсно связана съ судьбою этого непонятнаго и, по видимому, несчастнаго человекъ!

Г л а в а V.

На другой день, одинъ изъ служителей узналъ, что незнакомецъ (такъ называли они Г. Окдаля) покинулъ хижину вдовы. Онъ удалился скрытно, оставя хозяйкѣ порядочную сумму денегъ, могшую обезпечить ее на всю жизнь.

Г-жа Ормонъ при мнѣ получила это извѣстіе; но случившееся въ предъидущій вечеръ все еще сильно ее безгокоило. Нѣскольکو минушь оспавалась она безмолвною и задумчивою. Я помню какъ теперь, что устремивъ на меня свои взоры и какъ бы помышляя только о незнакомцѣ, она вдругъ вспала съ кресель и открывъ бюро, начала писать письмо. Я замѣнилъ, что писалъ его, она вздыхала и часно опирала слезы. Человѣкъ съ этимъ письмомъ былъ отправленъ верхомъ, и вскорѣ возвратился съ почтовою каретою изъ Берлингтона. Въ домѣ все пришло въ движеніе, съ меня скинули будничное платье и замѣнили его праздничнымъ.

Г-жа Ормонъ сѣла со мною въ почтовую карету. Я радовался дорогѣ, занялся разсма-триваніемъ предметовъ, мимо копорыхъ мы проѣзжали. Они живо напоминали мнѣ мое первое путешествіе и всѣ событія, его сопровождавшія. Я сказалъ объ этомъ Г-жѣ Ормонъ. Въ задумчивости, она сначала не обращала вниманія на слова мои, но когда, время

опъ времени, я припоминалъ разныя произшествія, то она начала слушать меня съ большимъ вниманіемъ, и на послѣдокъ, съ нѣкоторымъ удивленіемъ и безпокойствомъ, спрашивала нѣсколько разъ: „не житезь ли скалыъ разсказалъ мнѣ объ этомъ?“ и послѣ отрицательнаго отвѣта моего, старалась увѣрить меня, что я видѣлъ все это во снѣ. —Такія увѣренія произвели проптивное дѣйствіе. Я справлялся съ моею памяшью, и находилъ невозможнымъ, чтообъ разсказываемое мною, какъ сонъ, было сномъ дѣйствительнымъ; память моя не могла избавишься пош сноподобной нелсности, которая не разлучна съ дѣтскими воспоминавіями. Этошъ первый споръ съ Г-жею Ормонъ сообщилъ имъ всю живосшь возобновленныхъ впечатлѣній; онѣ, какъ бы вдохновеніе, открывали мнѣ, не смотря на мой шестидѣтній возрастъ, что я испыналъ уже большое несчасіе, что я, можетъ бышь,—наслѣдникъ пресшупленія! —

Г л а в а VI.

Проѣхавъ около шести миль, мы выѣхали на большую дорогу и вскорѣ потомъ остановились въ гостинницѣ, гдѣ перемѣнили лошадей. Нашъ второй распахъ, былъ въ деревнѣ, которую, мнѣ кажется, я проѣзжалъ уже, когда везли меня къ Г-жѣ Ормонъ: зеленый, подстриженный *тисъ* напоминалъ мнѣ, что я былъ уже въ этомъ мѣстѣ. Я обра-

пилъ вниманіе Г-жи Ормонъ на знакомые предметы, доказывая тѣмъ, что все мною сказанное, случилось дѣйствительно, а не было, какъ ей хотѣлось увѣрить меня, мечтою!— Это примѣрно ее огорчило.

Перемѣня снова лошадей, мы продолжали путь нашъ и въ полдень, достигли одного огромнаго дома, расположеннаго среди великолѣннаго парка. Но все то, что окружало это жилище, имѣло печальный видъ разрушенія. При входѣ въ комнаты, Г-жа Ормонъ сказала: „здѣсь пахнетъ сыростью, какъ изъ могилы!“

Къ нашему пріѣзду были сдѣланы нѣкопторыя пригошовленія. Старый служитель, одинъ изъ прехъ, или чепырехъ, копорымъ поручено было смощрѣніе за домомъ, проводилъ насъ въ залу, гдѣ уголья горѣли въ каминѣ. Вскорѣ подали обѣдъ; во время спола завязался разговоръ между Г-жею Ормонъ и старою управительницею, съ которою мы должны были жить до полученія отвѣта, на письмо, отправленное поутру въ Лондонъ.

Я радовался этому случаю, ибо въѣзжая большою аллеєю, замѣнилъ бѣгавшихъ въ долину кроликовъ и надѣялся, что мнѣ позволитъ ловить ихъ. Пока Г-жа Ормонъ разговаривала съ управительницею, я вышелъ изъ залы, чтобы привести намѣреніе мое въ исполненіе.

Желая выбраться поскорѣе изъ дома, я зашелъ нечаянно, въ довольно обширную, великолѣпную комнату, украшенную зеркалами и поршретами. Болѣе всего обратилъ на себя мое вниманіе мраморный сполникъ, на которомъ спояли Французскіе споловые часы, между двумя вызолоченными купидонами; основа сполика была мѣлко вычеканена и изображала фаншасническія фигуры.

Любуясь, съ удивленіемъ и любопытствомъ этими богатыми украшеніями, я болѣе и болѣе всматривался въ опдѣлку спюла. Невольный ужасъ проникъ въ мое сердце, я дрожалъ;—мнѣ казалось, что минувшее предстало предо мною!

Въ противоположную дверь, я вышелъ на лѣсшницу, выкрашенную подъ мраморъ, и въ спрахѣ сходилъ внизъ по спупенямъ . . . . . Я не сомнѣвался болѣе, что нахожусь въ томъ самомъ домѣ, гдѣ въ дѣспивѣ моемъ видѣлъ сполько ужасовъ и слезъ. Но все было для меня таинственно, непонятно! многія воспоминанія мои изгладились, самая память моя, какъ бы, оспавила меня! . . Не взирая, однако же, на совершенный хаосъ мыслей,—какое-то новое чувство мгновенно родилось въ душѣ моей: — мнѣ казалось, что я вижу опять ту женщину съ воздѣпыми къ Небу руками, что передо мною плаваешь въ

крови мужчины и кровь его, струясь по мраморнымъ ступенямъ лѣстницы, омываетъ мои ноги! . .

Г л а в а VII.

Должно полагать, что мы прожили по крайней мѣрѣ мѣсяцъ въ Бешандалѣ; мнѣ помнится, что лежа однажды въ постель, я видѣлъ въ окно, дѣйствіе новолунія. За завтракомъ я просилъ Г-жу Ормонъ (которая всегда ожидала, пока я окончу мою молитву) замѣтить какъ много походитъ молодой мѣсяцъ на переломленное кольцо!

Не знаю, отъ чего такое сравненіе родилось въ моемъ умѣ; но эта мысль такъ сильно поразила Г-жу Ормонъ, что она не могла удержаться отъ восклицанія:—„Боже! умилосердись надъ этимъ страннѣйшимъ малюпкой! . . При сихъ словахъ, она наклонилась ко мнѣ, поцѣловала меня, и горячая слеза ея канула мнѣ на щеку!

Я уже сказалъ, что мы прожили въ замкѣ около четырехъ недѣль, и увѣрился въ шомъ, воспоминаніемъ о рожденіи мѣсяца, (считая его со дня нашего пріѣзда до совершеннаго полнолунія.) и о зыбкой, чернымъ волнамъ подобной шѣни деревьевъ, колыхаемыхъ вѣтромъ. Тогда нерѣдко спавъ я подъ окномъ, любуясь сребристыми оленями, на выпястныхъ рогахъ копорыхъ, отражался блескъ луны, и замѣчалъ какъ бѣгъ ихъ оставлялъ слѣды на

росисстой муравѣ, подобно спруѣ, осшавляемой на волнахъ плывущимъ кораблемъ.

Въ шомъ вечерѣ, когда прѣхаль Докпоръ Босвиль, чшобы отвезти меня въ свою школу, свѣшила опянь новая луна; ее шомъ часъ замѣнилъ управишель, споявшій близъ меня на ступеняхъ поршика, и смопрѣвшій на Небо, въ кошоромъ загорались ночныя свѣшила. Къ намъ пришла Г-жа Ормонъ и управишель ушверждалъ, чшо подобная луна не предвѣщаетъ добраго мореплаваншелямъ.

Надлежало слѣдовать за Докпоромъ Босвилемъ; я проспился съ доброю Г-жею Ормонъ; она горько плакала, прижимая меня въ послѣднѣй разъ къ своему сердцу; меня изхипили изъ ея объашпѣй, и посадили въ карелпу съ моимъ спрогимъ наставникомъ.

„Вы будете имѣшь много шоварищей въ играхъ:“ сказалъ Докпоръ, когда мы опѣѣхали опѣ дома . . . . . Едва понимая значеніе эшихъ словъ, я молчалъ, размышляя о шомъ: кшо я? чшо значишь мною видимое? куда иду я? . . Мысль возвышенная, какъ для чувствъ простаго ребенка, такъ равно и для философа!

(Продолженіе въ слѣдующемъ Но.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

И з ъ Г е й е р а.

Какъ сладко въ поздніе часы
 Бродить въ мѣсцахъ уединенья,
 И созерцать пвои красы,
 Природа, маперь вдохновець!
 Внимаць напѣвамъ соловья,
 Подъ кровомъ ночи молчаливой
 И, улешая въ міръ счастливой,
 Заснуть у шихаго ручья!

Съ Шведскаго *А. Гренъ.*

Э п и г р а м м а.

Все на швоей питейной рожѣ,
 Все есть, и оспа, и позоръ,
 И красный носъ, и мушый взоръ,
 И рядъ морщинъ на смуглой кожѣ! . .
 Но, размопръвъ ее поспроже,
 Знаюкъ рѣшительно найдешь,
 Что ей клейма не доспаешь! .

В. Т.

Т Е А Т Р Ъ.

Эмилія Галлотти, трагедія въ пяти дѣйствіяхъ и *Медея* и *Язонъ*, балетъ въ трехъ дѣйствіяхъ. (Бенефисъ Г-жи Карапыгиной стар. на Большомъ театрѣ, 18 Февраля.)

Философъ, Драматуръ и Кристикъ Лессингъ родился въ Каменцѣ (городокъ въ верхней Лузацин) въ 1729 году. Онецъ его былъ Пропестанпскій проповѣдникъ. Тринадцати-лѣтній Лессингъ понималъ Латинскихъ классиковъ, писалъ Нѣмецкіе стихи и даже составлялъ планы комедіямъ. На восемнадцатомъ году своего возраста издалъ онъ первую свою комедію: *молодые учителя*. Піеса сія, имѣвшая успѣхъ въ Лейпцигѣ, огорчила отца Лессингова, который желалъ видѣть въ сынѣ своемъ не Комика а Богослова. Лессингъ, занимаясь Богословіемъ, Философіею, не забывалъ и изящной словесности, не забывалъ и драматуріи. Дидактическая драма: *Мудрый Наоанъ* и Трагедія *Эмилія Галлотти* поставили его въ первый рядъ Германскихъ сценическихъ писателей. Въ сихъ его драматическихъ произведеніяхъ видно пворческое воображеніе, видѣнъ гений поэзи.

Трагедія *Эмилія Галлотти* и на Русской сценѣ, не смотря на то, что она сокращена, имѣетъ неотъемлемое достоинство. Все въ ней близко къ природѣ, каждая ея сцена занимательна, а развязка неожиданна, разительна. Характеры дѣйствующихъ въ сей піесѣ лицъ изображены отчетливо; въ особенности

характеры: придворнаго изверга Маринелли, Графини Орсини, Эмилии Галотти и опца ея; они созданы философомъ, проникшимъ умомъ своимъ въ сокровенныя изгибы сердца человѣческаго.

Трагедія: *Эмилиа Галотти* съиграна была въ нынѣшній разъ не къ полному удовольствію образованной публики. Одинъ только Г. *Брянскій* (Одоардо, отецъ Эмилии) восхищалъ ее, по обыкновенію, своєю прекрасною игрою. Чувство уваженія къ своему Государю и чувство мести къ нему, обольстителю Эмилии, боролись въ душѣ Одоардо и отражались въ лицѣ, слышались въ голосѣ Г. *Брянскаго*.

Въ балетѣ: *Медя* и *Язонъ* плѣняло насъ въ былое время панпоминное искусство Г-жи *Колосовой* и Г. *Огюста*. Нынѣ *Медю* играла, по прежнему, Г-жа *Колосова*, но въ игрѣ сей не было и тѣни прежняго ея достоинства. Время, неумолимое время! за чѣмъ пы . . . . Виноваты, мы забыли сказанное Карамзинымъ:

Молодыми быть не вѣчно!

Язона играли: прежде Г. *Огюстъ*, а нынѣ Г. *Гольцъ*. Не прѣбуйте опть насъ почтенные читатели сравненія игры сихъ артистовъ, не прѣбуйте соединенія *альбег* съ *омегою*.

С М Ъ С Б.

А Ф О Р И З М Ы.

Человѣка съ посредственными дарованіями нельзя еще назвать гениемъ, если онъ перешагнетъ нѣсколько обыкновенные свои предѣлы; точно также, какъ и карлика нельзя назвать великаномъ, когда онъ выступитъ на ходуляхъ.—Спранности не придающъ величія людямъ великимъ,—а людей ничтожныхъ дѣлающъ еще презрѣннѣе!

Обыкновенный совѣтникъ у мужчинъ—разсудокъ, у женщинъ—сердце. Мужчинъ занимающъ софисмы, а женщинъ волокиты. —

Того нельзя назвать здоровымъ, кто воображаетъ, что онъ боленъ; — разстроенное воображеніе есть уже болѣзнь,—и болѣзнь опасная!

Уважаемъ *человѣка*—и удивляемся *художнику*.—Не должно никогда жертвовать *уваженіемъ* удивленію, если нельзя пріобрѣсти по н другому вмѣстѣ.

К О М Е Н Д А Н Т Ъ.

Въ новейшей исторіи не столь чувствительнѣе недослѣдствъ въ чертахъ героизма, какъ въ великихъ историческихъ писателяхъ, которые бы, подобно древнимъ, умѣли постигать ихъ и пользоваться ими. Каждый почти знаетъ еще и теперь, что Брунъ велѣлъ казнить собственныхъ сыновей своихъ, участвовавшихъ въ заговоръ противъ республики; но о героическомъ духѣ Артура Капеля знаютъ немногіе, тогда, какъ вѣдѣемъ прочимъ Командантамъ крѣпостей нашего времени не мѣшало бы знаніе объ этомъ.

Артуръ Капель, Баронъ Гамдацъ, былъ Губернаторомъ Глочестера, когда Фирфаксъ, предводитель Парламентскихъ войскъ въ 1645 году осаждалъ сей городъ.

Такъ какъ Артуръ не хотѣлъ слышать о сдачѣ, то Фирфаксъ приказалъ привести его сына, обучавшагося въ Лондонѣ, съ шѣмъ, чтобы онъ склонилъ отца къ покорности. Семнадцатилѣтній юноша не согласился на это и сказалъ: «мой отецъ знаетъ лучше меня, что онъ долженъ дѣлать; ему не нуженъ советъ ребенка!» Раздраженный Фирфаксъ приказалъ раздѣвъ юношу до пояса, подвести къ Глочестерскимъ укрѣпленіямъ и вызвать отца. Сей послѣдній взомель на валъ, увидѣлъ полуобнаженнаго сына, и десять чловѣкъ солдатъ; усмиревшихъ мечи свои на беззащитнаго. «Рѣшитесь!» вскричалъ одинъ изъ Фирфаксовыхъ Капитановъ: «или сдайте намъ Глочестеръ, или кровь сына вашего прольется предъ вашими глазами! Съ ужасомъ взглянулъ Комендантъ на любимое дитя свое, пошомъ на вѣренный ему городъ, и закричалъ съ вала: «прости, прости мой сынъ, вспомни Бога и своего Короля!»—Трижды повторилъ онъ эти слова, возвратившись въ городъ и убѣждалъ своихъ подчиненныхъ быть постоянными не для того, чтобы мстить за своего сына, но чтобы сражаться за Короля.

Подобно сему поступилъ Жанъ-Бланкъ, знаменитый гражданинъ и первый Консулъ въ Перпиньянѣ, во время осады этого города въ 1474 году Французами. При одной вылазкѣ сынъ его попался въ плѣнъ непріятелю. Французскіе Генералы объявили защитнику Перпиньяна, что они предъ его глазами велѣтъ изрубить этого сына, если онъ не сдастъ города.—«Я обязанъ Королю моему вѣрностію до гроба!» отвѣчалъ Жанъ-Бланкъ. «Если вы хотите быть убійцами, и у васъ не достаетъ оружія, то я готовъ прислать вамъ собственнѣй мой книжалъ. Но не отдамъ Перпиньяна!»

Жанъ-Бланкъ лишился сына, но сдать Французамъ городъ не прежде, какъ получивъ на то приказаніе отъ своего Короля—и когда уже послѣдняя лошадь і послѣдняя собака были убиты и съѣдены въ Перпиньянѣ.

Н О В О С Т И.

Скрибъ написалъ новую комедію для театра *Guz-
paze dramatique*, подъ названіемъ: *Три любовницы*. —
Роли ихъ занимаютъ при отличіи актриссы по-
мянутаго театра: *Женни Вертре*, *Женни Колонъ*
и, едва разцвѣтшая полнымъ блескомъ красоты,
Леонтина Фе,

Въ одномъ мѣстечкѣ, близъ Эдмбурга, обвѣнчана
недавно свашьба, которую рѣшительно можно назвать
пшичьею свашьбою: вошъ фамиліи участвовавшихъ въ
оной: Невѣста-Генріетта *Пикалонъ* (Пава), Женихъ-
Робинъ *Спарровъ* (Воробей), съ его стороны шаферъ *Ф.*
Гавкъ (Соколъ); одна изъ подругъ невѣсты — *Мишъ*
Ларкинсъ (Жаворонокъ) и одинъ изъ присяжныхъ сви-
дѣтелей — *І. Кровъ* (Воронъ).

СО Д Е Р Ж А Н І Е № XX.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Предзнаменованіе.
(Повѣсть Валперъ-Скопна.) *Стихотворенія*: Изъ Гей-
ера; пер. съ Шведскаго *А. Гренъ*. Эпиграмма, соч. *В. Т.*
ТЕАТРЪ. Эмилиа Галопти, Трагед. въ 5 д. Медея и Язонъ,
балетъ въ 3 д. СМѢСЬ. Афоризмы. Комендантъ. НОВОСТИ,
НОТЫ.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 8 Марта 1831 года.

Ценсоръ *П. Гаевскій*.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ.

(Повѣсть Валтеръ-Скотта.)

(Продолженіе.)

Э П О Х А II.

Г л а в а I.

Заведеніе Доктора Босвила было однимъ изъ лучшихъ училищъ въ Англіи. Въ немъ находилось только десять воспитанниковъ. Это были: или преемники несчастій родителей своихъ, или отроки, отъ которыхъ родственники скрывали какое нибудь бѣдствіе ихъ семейства.

Не смотря на сіе, школьное это общество казалось мнѣ слишкомъ шумнымъ. До сего времени, живя въ уединеніи, я, какъ любимое дитя Г-жи Ормонъ, привыкалъ къ нѣжнѣйшимъ ласкамъ этой добродѣтельной женщины. Я зналъ лишь восторги, вселяемые въ душу: красотою весенней природы, восходящимъ солнцемъ, гармонією осеннихъ вѣтровъ, бурями зимы и дивною, величественною мелодією волнъ Океана.

Никогда ребенокъ не былъ менѣе меня приготовленъ къ событіямъ столь новымъ, столь несогласнымъ съ первоначальными, сладостными моими ощущеніями! Меня сопровождало братство моихъ шумныхъ товарищей. Я не могъ участвовать въ ихъ играхъ и, когда они забавлялись въ оградѣ сосѣдней церкви, я садился на могильный камень, дивился ихъ веселости; я чувствовалъ, что я не былъ сотворенъ для нея.

Два года вслѣдъ я такую жизнь; два года убѣгалъ я товарищей, но товарищи не убѣгали меня: едва протекли первые недѣли моего пребыванія у Доктора, какъ школьные друзья, которые сначала, желая разсѣять мое уныніе, насмѣхались надъ нимъ, оставили на послѣдокъ, эпо свое намѣреніе и дѣлили мои сираданія . . . . Иногда они давали мнѣ стперечь отысканные ими ппичьи гнѣзда, или приносили мнѣ на показъ пойманную ими, рѣдкую по ихъ мнѣнію рыбу . . . Одинъ изъ нихъ, принесъ мнѣ въ подарокъ присланную ему собачку.—„Она раздѣлитъ съ тобою свое уединеніе!“ сказалъ онъ мнѣ; ты не любишь нашихъ игръ, такъ, можешь спасться, игривость этой собачки займетъ тебя!“

Къ концу втораго года, произошла перемѣна въ моей однообразной жизни, по случаю отпѣзда одного изъ прежнихъ моихъ товарищей и вступленія въ училище новаго.

Алфредъ Сайденгемъ, былъ почти мнѣ ровесникъ. Съ первой встрѣчи мы почувствовали оба, что предназначены быть друзьями . . . . Незадолго передъ тѣмъ онъ лишился матери. Отецъ его былъ знашнѣйшій Вельможа. Хотя Алфредъ и не имѣлъ права пользоваться фамилією своего родителя, но сей послѣдній обходился съ нимъ, какъ съ единственнѣмъ, обожаемымъ своимъ сыномъ.

Не было мужчины прекраснѣе Сайденгема въ его молодости; даже тяжкія раны и потеря рукъ при осадѣ В . . . . не сгладили съ лица его необыкновенной пріятности. Но всѣ наружныя достоинства, были ничто въ сравненіи съ душевными его качествами и сокровищницею ума. Несчастнѣй другъ! какъ бѣдственъ жребій твой! . . . . Ты былъ слишкомъ благороденъ, слишкомъ великодушенъ и чувствителенъ, чтобъ перенести удары судьбы.

Г л а в а II.

До пріѣзда Сайденгема чувства мои не имѣли цѣли; я искалъ только случая подѣлиться съ кѣмъ нибудь душою,—и не находилъ его! я считалъ себя безпріютнымъ, считалъ себя сиротою на землѣ.

Алфредъ пробудилъ въ груди моей чувство братской привязанности;—онъ раздѣлялъ со мною сиротство мое,—и прежняя тоска моя меня оставила!

Онъ обыкновенно проводилъ свободные отъ ученія дни у отца,—и на шретій годъ бышности его въ училищѣ Доктора Босвила, онъ имени Герцога, своего родителя пригласилъ меня ѣхать о святкахъ въ замокъ Б . . . . . Мы оба были тогда двѣнадцати-лѣтними мальчиками; но происшедшій, случившійся съ нами, научили насъ смотрѣть на жизнь глазами человека опышнаго.

Древнее величіе зámка, грубая громада камней, занимало меня въ первые дни, по пріѣздѣ.

Зáмокъ висѣлъ надъ пропастью, отбрасывая тѣнь на зеркало рѣки; свидѣтели вѣковъ, густыя деревья, окружали его съ трехъ сторонъ; его высокія, почернѣвшія онѣ времени башни, съ зубчатыми вѣщами, обвинными плуцдемъ, величественно возвышались надъ скромными хижинами, разбросанными по долинѣ. — Мѣсно сіе могло внушить вдохновеніе поэпу. Длиннымъ коридорамъ и широкимъ лѣсницамъ зámка были чужды иные звуки, кромѣ завыванія вѣтра, повноряемаго эхомъ; обои и поршрѣпы, украшавшіе комнаты, какъ бы воскрешали чудесныя событія время рыцарскихъ.

Пріѣздъ многихъ посѣпителей и толпа слугъ, скоро бы разрушили мечны мои, если бы въ одномъ изъ гостей не узналъ я шаштвеннаго жителя сканы, Г. Окддла.

Черны лица моего сильно измѣнились въ

теченіе шести лѣтъ, и Окдадь не узналъ меня; но я замѣнилъ, что при первомъ взглядѣ на меня, онъ, въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ осматривалъ недвижимъ, какъ бы вспоминая нѣчто ужасное! Въ остальное же время пребыванія своего въ замкъ, онъ какъ будто не замѣчалъ меня. —

Я узналъ его съ перваго взгляда и сказалъ объ этомъ Сайденгему; мы согласились употребить все средство, чтобы проникнуть тайну его жизни.

Онъ былъ блѣденъ и мраченъ по прежнему; но шенерь видны въ немъ были ловкость и свѣтскость, мною прежде незамѣченные. Можетъ быть сильныя спрашки, тогда обладавшія его разсудкомъ, имѣли на него вліяніе.

Хотя Сайденгемъ и я прислушивались ко всему, что касалось до Окдаля, во пропекло нѣсколько дней, и намъ не преденавилось ничего, чтобы хотя мало удовлетворило наше пламенное любопытство. Наконецъ, входя однажды въ столовую, Сайденгемъ услышалъ, что Окдадь говорилъ о какихъ-то происшествіяхъ, которыхъ онъ не твердо помнитъ, и которыхъ должны были случиться въ его отсутствіе.

Тогда Сайденгемъ, подойдя къ нему, спросилъ его: „Долго ли былъ онъ въ отсутствіи?“

— „Около семи лѣтъ.“—Отвѣтъ сей обратилъ на себя общее вниманіе.

— „А гдѣ были вы?“ возразилъ лукаво Сайденгемъ. При семъ вопросѣ, Окдаля перемѣнился въ лицѣ, а Сайденгемъ не дожидаясь его отвѣта, продолжалъ съ живостью:

— „Какая же причина побудила васъ уѣхать?“

Герцогъ, слышавшій эшопъ разговоръ, позволялъ къ себѣ Алфреда. Замѣтили, что вопросы его смущали Окдаля.

Г л а в а III.

Герцогъ сказалъ тихо Сайденгему, что онъ желаетъ говорить съ нимъ завтра утромъ въ своемъ кабинетѣ. Спустя нѣсколько попомъ времени, мы ушли въ свою комнату, чтобы сообщить другъ другу сдѣланныя нами замѣчанія. По лѣтамъ нашимъ, мы рассуждали одинаково и полагали, что Окдаля постигло какое либо несчастье, которое хотѣли забыть его друзья и которое, желалъ онъ, чтобы забылъ весь свѣтъ.

Г л а в а IV.

На другое утро, мы по обыкновенію встрѣтились въ паркѣ съ Сайденгемомъ. Я вышелъ прежде его; вчерашнее происшествіе возбудило во мнѣ горестное любопытство; всю ночь я не имѣлъ покоя; если сонъ и смыкалъ мои глаза, то страшныя чада воображенія и памяти, ужасныя грезы немедленно разсѣвали оный.

Самый взглядъ на природу не могъ успокоить мрачнаго разположенія моего духа. Да-

же какъ нарочно погода была печальна, необыкновенный шуманъ темнилъ утренняя заря; рѣка покрытая льдомъ, укротила свое теченіе; вѣтеръ былъ тихій, сребрившійся оледѣлый лѣсъ, стоялъ недвижимъ; поля опустѣли. И сквозь рѣшенку зámка, покрытый инеемъ кустарникъ, казался мнѣ могильными памятниками, или привидѣніями, возставшими изъ гробовъ.

Сайденгемъ нашелъ меня удрученнымъ грустію; онъ старался своимъ участіемъ, обычными ласками и острыми шулками развлечь меня; но средства сіи произвели дѣйствіе противное его желанію. Попомъ, съ какимъ-то самодовольствіемъ говорилъ онъ мнѣ, о впечатлѣніи, сдѣланномъ имъ на Окдаля и увѣрялъ, что скоро проникнешъ тайну его жизни.

Разговоръ нашъ длился до заупрака.

Сайденгемъ пошелъ къ своему онцу, который цѣлое утро не выходилъ изъ кабинета. Около часа продолжался разговоръ ихъ. Не знаю, почему вообразилось мнѣ, что этотъ разговоръ касался меня;—но я думалъ, что было шакъ,—и съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія Сайденгема.

Когда мы шли въ нашу спальню, Сайденгемъ на минушу забылся, положилъ руки на мои плеча, какъ бы намѣревался прыгнуть мнѣ на спину; но вдругъ остановился, и ска-

завъ, что пойдешь къ себѣ въ комнату занявшись чтеніемъ, удалился немедленно. Я такъ же отправился къ себѣ, но не могъ ничего читать, не могъ успокоиться! .

Г л а в а V.

На другой день, Докторъ Босвиль извѣстилъ меня письмомъ, которое доставилъ мнѣ какой-то дворянинъ, что этому человеку поручено отвезти меня въ Эпопъ.

Я никогда не чувствовалъ привязанности къ Доктору Босвилю; онъ обращался съ нами холодно и сурово; привычки, свойственныя наставнику, придавали ему грозный видъ, наводившій на дѣшей невольный страхъ; но и подъ ледяною корою струилась перѣдко чистый, быстрый потокъ! . . Письма Доктора были исполнены опцовской вѣжности; въ нихъ ясно отражалось участіе, внушенное, конечно, извѣстностію угрожавшихъ мнѣ бѣдствій.—Въ послѣднемъ письмѣ своемъ, онъ изъявлялъ живѣйшее сожалѣніе, что такъ скоро и неожиданно долженъ расстаться со мною!

Эпопъ случай заспавилъ меня думая, что тайнственный распорядитель моего жребія хотѣлъ сократить мое пребываніе въ замкѣ Б . . . . ; спранный обращеніе со мною Сайденгема еще болѣе утвердило меня въ этой мысли.

Герцогъ просилъ пріѣхавшаго за мною дво-

рянина, позволилъ мнѣ провести у него остальныя дни праздниковъ, уговаривалъ его пробыть это время въ замкѣ; но мнѣ оговоривался спротогостию данной ему инструкціи:—даже до другаго дня мнѣ не позволили остаться!

Я не упоминаю объ имени моего спутника; въ томъ нѣтъ никакой надобности. Обхожденіе его было грубо и оскорбительно; въ чертахъ лица отражалась суровость; — онъ служилъ и дослужился до Майорскаго чина.

Когда мы подъѣхали къ Университету, шо-Офицеръ, одного гвардейскаго полка, квартировавшаго тогда въ Винзоръ, встрѣнилъ моего спутника и дружески пожалъ ему руку.—Изъ ихъ разговора узналъ я, что только по просьбѣ стараго Генерала, общаго ихъ пріятеля, Майоръ спалъ моимъ дядькою. . . . За чѣмъ не назвали этого Генерала по имени? . За чѣмъ враждебная судьба удержала меня спросить объ немъ? . . . Сколько бѣдъ миновали бы меня! . .

Г л а в а VI.

Прошло нѣсколько лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Г-жа Ормонъ ввѣрила меня попеченіямъ Доктора Босвиля, но я пакъ мало зналъ свѣтъ, какъ и при разставаніи съ нею.—Зависѣть и дѣшскія шалости, сродныя ученикамъ, были мнѣ чужды; я зналъ ихъ только по слуху!

Но память о материнской нежности Г-жи Ормонъ сохранилась въ моемъ сердцѣ. Часто въ минуты сладостныхъ мечтаній, я старалъ неперчивіемъ увидѣться съ нею, и не разъ вопрошалъ самаго себя: буду ли такъ счастливъ? . . .

По пріѣздѣ въ Эптонъ, Маіоръ представилъ меня Доктору Л . . . ., кошорому я былъ особенно рекомендованъ. Въ два часа Маіоръ пригласилъ меня обѣдать, въ одинъ изъ Виндзорскихъ птактировъ. Пока готовился заказанный ешоль, мы вышли прогуляться.

Было довольно холодно; густой, шуманный воздухъ омрачилъ горизонтъ;—часовые ошъ мороза, жалсь въ своихъ притинахъ, и мы возвратились ранѣе, нежели, какъ предполагалъ Маіоръ.

Онъ говорилъ со мною очень мало; замѣтно было, что ему не нравилось возложенное на него порученіе. Оно казалось ему несноснымъ ярмомъ васалла.

Сильное, душевное волненіе обнаруживавшееся во всѣхъ чертахъ лица его, изумляло меня.—Болѣе всего я пораженъ былъ поешнностью, съ какою онъ кинулся назадъ, увидѣвъ на концѣ улицы ѣдущую карешу, тогда, какъ мы поворачивали за уголь дворца. Схватя внезапно мою руку, онъ увлекъ меня съ собою въ лавку, гдѣ занялъ насъ на нѣсколько

минуть незанимательный разговоръ съ молодымъ порговцемъ. —

По выходѣ изъ лавки, Маіоръ съ безпокойствомъ озирался на всѣ стороны; пошомъ поспѣшно бросился къ трактиру, заставляя и меня удвоить шаги, чтобы не отстать отъ него.—Я повиновался; но подходя къ гостинницѣ, нечаянно взглянулъ вверхъ и увидѣлъ на балконѣ двухъ дамъ. Одна была помоложе, прическа и нарядъ ея въ послѣднемъ вкусѣ; я не остановилъ на ней моего взора; онъ впился въ другую:—я узналъ мою добрую, несравненную Г-жу Ормонъ.

На ней, по обыкновенію, былъ кружевный чепецъ, черное платье и шелковыя безъ нальцевъ перчатки; та же блѣдность, та же добродота и нѣжность выражались въ лицѣ ея.

Я остановился, въ надеждѣ, что она замѣтитъ и узнаетъ меня; но Маіоръ, который вошелъ было въ гостинницу, потчасъ воропился назадъ и спалъ журишь меня за мою медленность.

Суровость этого человека, оскорбляла меня; я горѣлъ нетерпѣніемъ броситься въ объятія почтенной женщины. Но не имѣлъ духа ни вымолвить о томъ моему спутнику, ни безъ его вѣдома, исполнить желаніе моего сердца.—Послѣ обѣда, Маіоръ приказалъ прирашнику проводить меня въ училище, а самъ оспался допивать свою бутылку.

На другое утро, я бросился въ гостиницу, въ надеждѣ застать еще тамъ Г-жу Ормонъ; но мнѣ сказали, что она уже уѣхала. Г-жа Ормонъ и другая дама еще прошедшимъ вечеромъ возвратились въ Лондонъ; Маіоръ сопровождалъ ихъ, въ ихъ экипажѣ.

Г л а в а VII.

Я слишкомъ помню, съ какимъ удивленіемъ, съ какою грустію, я возвращался въ Эпонъ.

Я спарался согласишь пріѣздъ Г-жи Ормонъ въ Виндзоръ, съ особенными, сокровенными обещаніями моего жребія. — Ея сношенія съ Маіоромъ, — безпокойство сего послѣдняго, чтобы его не замѣнили, нарядная незнакомая дама! сколько причинъ, дабы оплечь меня опъ обычнаго мнѣ унынія, и опъ радостей, свойственныхъ моему возрасту!

Эти обещанія, тревоживши мой умъ, дали новую силу моему характеру. Изъ всего видѣннаго мною, я постигалъ, что принадлежу классу высшаго общества. Такія мысли, слившись съ шемными воспоминаніями моего младенчества, давали мнѣ върояшія возникшему въ душѣ моей сомнѣнію. Я думалъ: „какова бы ни была степень пресупленія или несчастія, удручившаго мое семейство, только мать моя пому виною! . .

Мысль сія шагнула меня во все осенальное время моихъ ваканцій; я до того предался ей, что даже не обращалъ вниманія на

Королевскій дворець въ Виндзорѣ. Когда спали собираешься ученики, я постепенно изменялся въ моемъ характерѣ. Не переснавая бышь такъ же скромнымъ, какъ и у Доктора Босвеля, я сближался съ моими товарищами, но не имѣя охоты мѣшаться въ ихъ игры, какъ и тогда, когда я былъ застенчивымъ, робкимъ сироткою, я спановился смѣлымъ и задорнымъ.

Это было непривольное съ моею споронны превращеніе; я видѣлъ себя въ кругу молодежи; — я надѣялся опыскать вишь, съ помощію коей выду изъ лабиринта, въ копоромъ блуждалъ я дошолъ; но въ эпоху надеждъ проходили недѣли, мѣсяцы и годы! . . .

Я возрасшалъ, и возрасвала плаща Доктору Д . . . за мое содержаніе.—Со мною обходилась, какъ съ наследникомъ огромнаго состоянія, и по минованіи періода моего прозаченія, мнѣ дали полную волю въ деньгахъ. . . .

Когда исполнилось мнѣ 17 лѣтъ, Докторъ извѣстилъ меня, что я долженъ опсправиться въ Оксфордъ.—Это извѣстіе меня обрадовало; я чувствовалъ, что мнѣ оставался одинъ шагъ, чтообъ бышь независимымъ, дѣйствовать по произволу, и предпринимать все, что только могло способствовать къ опскрытію тайны, сколько нищадельно опъ меня скрывается! . . .

Г л а в а VIII.

Вскорѣ по прїѣздѣ моемъ въ Оксфордъ, я вспрѣпилъ на улицѣ Сайденгема; онъ также какъ и я прибылъ туда для окончанія наукъ. Мы не могли нарадоваться столь счастливой встрѣчѣ.

Когда же я заговорилъ ему, какъ неожиданно ралучили насъ,—по какаѣ-то мрачность отразилась въ лицѣ его; мнѣ казалось, что слѣдствія тайнаго разговора съ Герцогомъ еще не изгладились въ душѣ Алфреда. —

Долго я не могъ собраться съ духомъ, спросить Сайденгема: какую тайну открылъ ему отецъ его? . . Я не смѣлъ спросить, что заставляло его обращаться со мною съ большимъ участіемъ, съ большею заботливостію, нежели сколько пребовала протая, опкровенная дружба? . . и это обстоятельство казалось мнѣ важнымъ обстоятельствомъ моей тревожной жизни? . .

Не смотря на непонятное молчаніе Сайденгема, мы все остались друзьями, или сказатьъ правильнѣе, поварищами; скромность мѣшаша радущію и опкровенности истинной дружбы, для которой мы по видимому были созданы! . . .

Суммы, присылаемыя на содержаніе Сайденгему Герцогомъ, были столь же велики, какъ и родительская привязанность его къ сыну. — Но на бѣду, Алфредъ, плохо зналъ

расчетъ, и мнѣ нерѣдко доводилось быть его банкиромъ. Это обстоятельство способствовало также къ ослабленію нашей связи. Онъ думалъ, что одоляясь безпрестанно мною, становился ниже имени друга, тогда, какъ я не переставалъ уважать его, не переставалъ удивляться рѣдкимъ, благороднымъ качествамъ души его! . .

Такъ все, что только было близко мнѣ, все, что только любилъ я, — должно было наследовать со мною мои злополучія . . Подъ вліяніемъ враждебныхъ судебъ, и изъ свѣтлаго источника счастья — я черпалъ одишь бѣдствія! . .

Г л а в а IX.

Въ одну изъ прогулокъ нашихъ съ Сайденгемомъ, мы зашли въ Дрюриланскій театръ. Давали Гамлета. Я не видалъ, не читалъ этой пьесы, хотя имя героя было мнѣ извѣстно; оно равно знакомо невѣждѣ и ученому! . .

По мѣрѣ развитія дѣйствія, мнѣ казалось, что оно имѣетъ какое-то сходство съ понятіемъ, которое, не знаю почему, я составилъ себѣ, о моихъ собственныхъ несчастіяхъ . . . .

Я схватилъ Сайденгема за руку; онъ обернулся и замѣтивъ во мнѣ чрезвычайное волненіе, спросилъ меня съ безпокойствомъ: не боленъ ли я? . . . Тѣнь Короля повѣствовала о своей смерти; въ груди моей закипѣло желаніе ви-

дѣтъ въ Гамлетѣ отважнаго, грознаго мстителя . . . . Но увидя въ немъ, такъ сказашь, болтливаго мизантропа, я былъ недоволенъ, мнѣ опротивѣла пьеса. Не смотря на то, сколько прелести въ этой полуфилософической мѣланхоліи! игра актеровъ такъ была увлекательна, что вниманіе мое снова приковалось къ сценѣ: я ожидалъ развязки, съ наименьшимъ нетерпѣніемъ, какъ и самъ Датскій Принцъ. Когда Гамлетъ, казалось, отмстилъ за преступленіе дяди, я вспалъ съ своего мѣста и первый предметъ, встрѣтившійся моимъ взорамъ, былъ Окедаль, сидѣвшій въ соседственной ложѣ.

Онъ смотрѣлъ на меня незначительно и холодно. Замѣтно было, что онъ не узналъ меня, я снова сѣлъ на свое мѣсто; онъ опять быстро взглянулъ на сцену, потомъ бросилъ взоръ на меня; страхъ изображался въ лицѣ его . . . . Я не нахожу словъ описать чувства, какія волновали въ эту минуту мое сердце! . . .

Я вышелъ изъ ложи. Сайденгемъ, встревоженный моимъ сумасбродствомъ, слѣдовалъ за мною изъ театра.

Я молчалъ дорогою. Сайденгемъ умолялъ меня объяснить ему причину моего беспокойства; но разсудокъ мой пламенѣлъ огнемъ воспоминаній, воображеніе кишѣло; я не слышалъ ничего! . . . . Не знаю, какъ очутились

мы въ особой комнатѣ сосѣдственной павильонной; пусть я пришелъ въ себя, и былъ въ силахъ понимать Сайденгема.

Облокотясь на столъ, я сжалъ руками мою голову и оставался нѣсколько минушь въ этомъ положеніи.

„Сайденгемъ! „сказалъ я, прервавъ наконецъ молчаніе: “теперь я вѣрю всему, что слышалъ о гениі Шакспира! И только то! спросилъ онъ, улыбаясь, и, какъ бы полагая нѣмъ ослабить мое душевное волненіе, которое приписывалъ онъ силѣ поэзіи и живой игрѣ актеровъ. Я никогда не думалъ, продолжалъ онъ, чтобъ тебя до такой степени могла разстрогать тяжелая трагедія! пусть онъ распространился о талантѣ автора. Но слова Сайденгема касались только моего слуха, какъ вопли скорби или говоръ радости касающія ушей покойника! . . я не понималъ этихъ словъ, и, наконецъ, потерявъ терпѣніе, вскричалъ:—замолчи, ты не постигаешь Шакспира;—онъ открылъ мнѣ то, что до сего времени было для меня неясною мечтою! . .

„Что же онъ открылъ тебѣ?“

— „Что отецъ мой умерщвленъ!“

Сайденгемъ поблѣднѣлъ и, съ удивленіемъ, всрепенулся на стулъ.

— „Онъ еще болѣе открылъ мнѣ, продол-

жалъ л; онъ онкрылъ, что мать моя была участницею преступленія . . . . .

Сайденгемъ запрепешалъ и, вскочивъ со стула, вскрикнулъ: „возможно ли?“

— „Да, и Окдаль, обольспитель Окдаль, его убійца!“

(Продолженіе въ слѣдующемъ Но.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

П Е Р В Ы Й С Н Ъ Г Ъ.

Послалась бѣлая, холодная постель;
И, подъ стекломъ, чупъ живы воды!
 Сугробъ высокій легъ у въпхой изгороды . . .
 Въ лѣсахъ одна безъ перемны — ель!
 Въ господскій сельскій домъ пѣснился вьюга въ сѣпи
И забѣлелось высокое крыльцо:
И видны ногъ *босыхъ* по улицамъ ступени
И чаще претъ ямцикъ полой себѣ лице,
И колоколь брялчитъ безъ звона,
 Прѣпряжно каркаспъ обмоклая ворона
И спая вдругъ лвилася сорокъ;
 Вездѣ огонь, вездѣ дымялся пирубы . . . .
 Ужь для госпожь въ домахъ, гоповяпъ шубы,
И пройкою сосѣдъ капипъ на вечерокъ.
 Куютъ коней и ладипъ сани,
И говоряпъ о будущемъ кашапъ;

Пороша! . . . и съдѣять и зайцевъ и лисиць,
 И хваляпся борзыхъ удалымъ бѣгомъ: . .
 И, по примѣнѣ, *первымиъ снѣгомиъ*,
 Умылись дѣвушки для освѣженья лицъ!

Ө. Глинка.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

23) *Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича.*
 Санктпетербургъ, печатано въ типографіи Х. Гинце,
 1831. въ двухъ частяхъ. Часть I. 314 стр. Часть II.
 270 стр. въ 8 д. л.

Царь Алексѣй Михайловичъ даровалъ Россіи законы твердые, упрочилъ ея благосостояніе, прославилъ ее побѣдами, приобрѣлъ ей оружіемъ Украину, Бѣлоруссію, Ливву; а исторія молчала о немъ, или передавала попомосиву подвиги сего Царя Великаго крашко, шемно.

Извѣстный, многими историческими изысканіями, В. Н. Берхъ снялъ пылъ урекъ съ бывшихъ и пыгышнихъ Русскихъ Императоровъ, въ невниманіи ихъ къ дѣланіямъ Царя, прославившаго Россію умомъ и оружіемъ. Г. Берхъ, опыскавъ случайно много любопытныхъ, какъ опечественныхъ, такъ и иностраннхъ манеріаловъ, конхъ большая часть состояла въ рукописяхъ и весьма рѣдкихъ книгахъ, написалъ *Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича*, и заслу-

жилъ тѣмъ благодарность поспигающихъ величіе Россіи.

Въ образецъ слога, помянутой книги, приведемъ здѣсь слѣдующій изъ нея опривокъ:

(Томъ I. страп. 45 — 48.)

Въ одномъ Французскомъ сочиненіи встрѣпилъ я (гов. Г. Берхъ) извѣстіе о женишбѣ Царя Алексѣя Михайловича. Тамъ сказано: «что, будпо бы, онъ, слѣдуя введенному въ Россіи обычаю, приказалъ собрать всѣхъ благородныхъ дѣвицъ и выбралъ себѣ невѣсту. Имя и время умолчано. Поелику поступокъ сей, продолжася сочинитель, не согласенъ былъ съ намѣреніями Морозова (*) то и подкупилъ онъ прислужницъ ея, которыя зашянули Царской невѣстѣ такъ крѣпко волосы, что она предъ вѣнчаніемъ упала въ обморокъ. Приближенные донесли Царю, что она одержима падучею болѣзнію и настояли на томъ, что ее вмѣстѣ съ опцемъ сослали въ ссылку за сокрытие сей болѣзни.

Юная дѣвица сія чувствовала такъ сильно свое несчастіе, что опказывала всѣмъ въ рукѣ своей, и хранила до кончины плапоѣ и кольцо, полученныя ею въ залогъ Царской любви. Въ послѣдствіи обнаружился заговоръ сей. Царь возвратилъ ее со всѣмъ семействомъ изъ ссылки и наградилъ пенсіономъ.»

(*) Ближній Бояринъ Царя Алексѣя Михайловича. *Примы.*
Рецензента.

Въ доказательство же того, съ какимъ вниманіемъ и знаніемъ своего дѣла составлена В. Н. Берхомъ разбираемая нами книга скажемъ то, что онъ, не находя въ Русскихъ сочиненіяхъ ни слова о вышеизложенномъ происшествіи и зная, что Болшинъ опровергалъ оное, счелъ было его вымысломъ; въ мнѣніи семъ утверждало его происшествіе, случившееся съ Марією Ивановною Хлоповою, невѣстою Царя Алексѣя Михайловича, происшествіе совершенно схожее съ упомянаемымъ извѣстіемъ; но не убѣждаясь симъ сходствомъ, Г. Берхъ не оставилъ продолжати свои розысканія по сему предмету, и увѣрился изъ грамоты Государя Царя Алексѣя Михайловича въ Касимовъ, Воеводѣ Ивану Литвинову, писанной 1653 года Іюля 17, что все, рассказанное Французскимъ Авторомъ, справедливо, и что невѣста Царская была дочь Руфа Всеволожскаго, который скончался въ Тюмени; а жена его съ сыномъ и дочерью (Царскою невѣстою) возвращены въ 1653 году изъ ссылки, съ повѣльшіемъ жить въ дальнихъ Касимовскихъ деревняхъ, состоя тамъ подъ надзоромъ Касимовскаго Воеводы Ивана Литвинова.

И. П. Слѣпный, извѣстный въ литературѣ нашей изданіемъ многихъ полезныхъ твореній, издалъ нынѣ и книгу: *Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича*. Изданіе весьма хорошо. Книга сія продается въ книжныхъ магазинахъ: Издашеля ея и А. Ф. Смирдина, по 12 р. за пересылку прилагается 2 руб.

С М Ъ С Ъ.

ПРИЧИНА СУПРУЖЕСКИХЪ ССОРЪ.

Говорятъ, что пѣкочорыми медиками открыто въ *блѣны* свойство приводить людей въ гнѣвъ и возбуждать въ нихъ охоту ссориться. И для этого неужно обладать *блѣны*, а довольно ее *налюхаться!* Dictionnaire de Médecine рассказываетъ, что были гдѣ-то, мужъ и жена, которые въ гостяхъ не могли другъ на друга наглядѣться, а дома безпрестанно бранились между собою. Причина же ихъ ссоръ отыскалась печально, за печкою въ ихъ спальнѣ. Это была бумажка съ сѣмями *блѣны*, запахъ которой, усиленный теплотою, возбуждалъ склонность къ гнѣву и ссорѣ. Выбросивъ за окно сѣмена ссорные, супруги перестали вздорить между собою. Смѣемъ думать, что и на святой Руси сыщется не одна чета, которая, узнавъ о такомъ благодѣтельномъ открытіи, поспѣшитъ *обезпечить* себя на время, п. е. приказать разобрать въ жилищѣ своємъ печи, чтобъ увѣриться въ шомъ, что нѣтъ за ними, подъ ними, или на нихъ *блѣны!*

ИЗВѢСТІЕ.

Минушаго 27 Февраля скончался здѣсь въ С. Петербургѣ, въ преклонныхъ лѣтахъ, извѣстный въ музыкальномъ мірѣ Осипъ Антоновичъ Козловскій. Онъ былъ некогда Директоромъ музыки Императорскихъ С. Петербургскихъ театровъ. Кромѣ извѣстныхъ Польскихъ: *Громи победы раздавайся!* и *Росскими летитъ странами на златыхъ крылахъ молва*, онъ положилъ на музыку пѣсни Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго, сочинилъ Requiem, и музыку для трагедіи *Фингалъ*.

СОДЕРЖАНІЕ No. XXI.

ИЗЯЦНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Предзнаменованіе. (Повѣсть Валперъ-Скопта.) *Стихотворенія*: Первый свѣтъ; соч. *О. Н. Глинки*. БИБЛИОГРАФІЯ. Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича, СМѢСЬ. Причина супружескихъ ссоръ. ИЗВѢСТІЕ.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволено: 11 Марта 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ.

(Повѣсть Валтеръ-Скотта.)

(Продолженіе.)

Э П О Х А III.

Г л а в а I.

На другой день упрямъ, когда пришелъ ко мнѣ Сайденгемъ, я былъ уже спокоенъ. Онъ радовался этому, и просилъ меня, прежде, нежели я рѣшусь на чтонибудь, ѣхать съ нимъ обратно въ Оксфордъ. Вспомни, говорилъ Сайденгемъ, что все сокрыто опъ насъ годами, и мы не имѣемъ друзей, съ которыми могли бы посоветоваться!

— Не безпокойся! возразилъ я; вчерашнее происшествіе не есть игра случая; нѣтъ, это причина будущихъ открытій; — я увѣренъ въ томъ! . . Оно такъ же повелительно возбуждаетъ меня къ дѣйствію, какъ возбуждало Гамлета привидѣніе! . Возвратимся въ Оксфордъ . . . . .

Мы прибыли въ Университетъ почти не говоря другъ съ другомъ. Войдя въ мою ком-

нашу, я удивился, увидѣвъ на столѣ записку, написанную незнакомою мнѣ рукѣ; взявъ записку, и разсматривая печать, я сказала Сайденгему: вотъ ключъ ко всей тайнѣ: вчерашнее происшествіе было только предзнаменованіемъ! .

Записка была опъ Генерала Огльпорпа; онъ писалъ кратко и ограничивался извѣщеніемъ меня, что хотя онъ и незнакомъ со мною, но имѣешь сообщить мнѣ нѣчто весьма важное.

Почти въ то же время мнѣ доложили о Генералѣ; я вспрѣшилъ его у дверей.—Видъ его былъ суровъ, но благороденъ; на лицѣ оспались еще слѣды вліянія чужеземнаго климата, а рѣдкіе волосы на головѣ его были убѣлены временемъ, а можетъ спасться, и другими важнѣйшими обстоятельствомъ.

Сайденгемъ хотѣлъ выдти, но остался по желанію Генерала, который спросилъ меня: „не пошъ ли это молодой человекъ, о которомъ говорили мнѣ, какъ о единственномъ вашемъ другѣ?“

Пораженный такимъ вопросомъ, я отвѣчалъ холодно: „это Г. Сайденгемъ.“

Я свободно могу при немъ говорить! возразилъ Генералъ, обратясь ко мнѣ; протянулъ свою руку и съ нѣкоторымъ душевнымъ волненіемъ вскричалъ: „милый племянникъ!.....“

Въ первомъ движеніи моего изумленія, я какъ бы невольно отступилъ назадъ; но шу же минушу, одумавшись, я бросился къ Генералу и схватилъ его руку, которую онъ пропянулъ мнѣ, съ невыразимымъ чувствомъ.

Здѣсь не мѣсто исполнить мое порученіе, продолжалъ Генераль, и объяснишь причины, побудившія меня сдѣлать тебѣ неожиданное открытіе нашего родства.—Скажу только, что настало время, когда нельзя уже опклавывать этого открытія . . . Мы уѣдемъ отсюда на нѣсколько дней, и для тебѣ не будетъ непріятною эта поѣздка; я хочу опвезти тебѣ въ лучшее помѣщеніе своего наследственнаго имѣнія, въ замокъ Бешендаль.

Я не забылъ этого названія; замокъ и все видѣнное въ немъ мною, во время пребыванія тамъ съ Г-жею Ормонъ, вѣзались въ моей памяти. Сайденгему то же было извѣстно названіе замка, я часто объ немъ говорилъ ему, и удивленіе Алфреда было не менѣе моего.

Генераль пошелъ въ гостиницу *звѣзды*, чтобы опдать нужныя приказанія къ нашему опъѣзду; Сайденгемъ опспался со мною. Онъ говорилъ мало, но нѣсколько разъ бралъ записку Генерала, вѣршилъ ее въ рукахъ и большими шагами ходилъ по комнатамъ. Спустия нѣсколько времени, онъ спро-

силъ меня съ видимымъ безпокойствомъ; какъ
я себя чувствую? . . . . .

. . . . .

Г л а в а II.

Долго разговаривалъ со мною старый, благородный Генераль; онъ старался казаться спокойнымъ, онъ зналъ, что довольно одного разсказа, чпобъ привить скорбь душѣ моей. Онъ зналъ, что слова его должны были превратиться въ печальный и мрачный макъ, восхищительные, благовонные цвѣты надежды.

. . . . . Опець матери моей былъ братъ Генерала. Ей, какъ единственной наследницѣ своихъ предковъ по женской линіи, досталось огромное помѣстье Бешендаля. Случайно познакомился съ нею опець мой, молодой дворянинъ, богатый болѣе предками, нежели помѣстьями и она, укрѣпила ему еще до брака все свое имѣніе, оставя себѣ самую незначительную часть.

Я былъ единственная отрасль этого союза. Едва родился я, какъ пылкая любовь матери моей къ ея мужу охладѣла; съ прежнимъ жаромъ и прежнею неосмотрительностію, она обратилась къ другому. Не помню, сказывалъ ли мнѣ Генераль Огльшорпъ, что Окдадь былъ первый любимецъ моей матери; объ этомъ я не только не допрашиваю па-

мѣшь, но еще спараюсь самъ избѣгашь ея жеспокой услужливости.

Когда отецъ мой узналъ связь жены своей съ Окдалемъ, тогда свершилось по ужасное произшествіе, въ которомъ онъ былъ раненъ соперникомъ; произшествіе, которое одно лснѣло въ моей памяти, среди темныхъ воспоминаній младенческа . . .

Въ печеніи нѣсколькихъ лѣтъ, никто не зналъ, куда скрылся Окдаль; въ это-то время жилъ онъ въ хижинѣ вдовы. Мать моя бѣжала на твердую землю . . . .

Отецъ, помнившій былую нѣжность своей супруги, и шо великодушіе, съ какимъ она вручила ему все свое достояніе, не хотѣлъ преслѣдовать ея силою законовъ.—По испи-нѣ, сказалъ Генераль, это былъ человекъ съ необыкновенными чувствами! . . онъ излѣ-чился отъ раны, но не могъ долго пережить своего посрамленія.

Меня отослали къ моей бабушкѣ; но не долго я наслаждался ея ласками:—горестная вѣсть о кончинѣ сына поразила ее;—она также умерла вскорѣ; и съ тѣхъ поръ я былъ совершенно предоставленъ попеченію Г-жи Ормонъ, прежней надзирательницы моей матери. Эта добрая спарушка не переспавала оплакивать заблужденія своей прелестной и нѣжно любимой ею воспитанницы. Генералу Огльшор-

пу ввѣрилъ опецъ мой главное смопрѣніе за моимъ воспішаніемъ.

Я думалъ, сказалъ Генералъ, что племянница не спанетъ ни во что вмѣшиваясь. И почто, долго не изъясляла она желанія, видѣть тебя или руководить тобою. Но прочитавъ однажды въ какомъ-то журналѣ описаніе праздниковъ, бывшихъ о сваянкахъ въ замкѣ Б . . . . ., гдѣ находился тогда Окдадь, и узнавъ, не помню почему, что ты госпилъ памъ же, она, движимая спрахомъ и раскаяніемъ, приказала оквезти тебя въ Эпонъ. Впрочемъ, ничто не вынуждало меня прошиворѣчить ей въ эпомъ случаѣ и воспользоваться властію, предоставленною мнѣ опцемъ твоимъ надъ тобою.—Я не переспивалъ пещись о тебѣ . . . .

И такъ, тайна, узнать которую споль долго жаждала душа моя, наконецъ была мнѣ открыта! Я разспрашивалъ Генерала, что сдѣлалось съ моею матерью? но спарый солдатъ не только отказался удовлетворить моему любопытству, но еще пребовалъ опъ меня кляшвеннаго обѣщанія: никогда не выдашь съ виновницею дней моихъ! . .

„Она обезчестила себя, посрамила всѣхъ насъ, сказалъ онъ: изъ одного только состраданія, мы считаемъ ее, какъ бы, умершею и не проклинаяемъ ея памяти!“

Кто могъ бы не уважить причинъ, споль сильныхъ! . . Я далъ кляпву;—ее требовала кровь отца моего! . . Горестный объщъ! пагубная клятва! . . . .

Но да остановишя здѣсь перо мое, да отдохнеть на время шрепещущая рука! Пусть позволяшъ мнѣ замедлишь повѣспвованіемъ произшествій, ознаменовавшихъ быспрый разсвѣтъ дней моихъ, исполненныхъ большими ужасами нежели па мрачная ночь, которая скоро покроеть меня въ обипели мертвыхъ.

Г л а в а III.

Замокъ Бешендаль считался однимъ изъ лучшихъ помѣстьевъ въ Англии; но для меня казался онъ жилищемъ проклятія; — кровь отца и преспуленіе матери, безпрестанно предспавлялись моему воображенію!

Когда Генераль окончилъ рассказъ сей, я далъ волю слезамъ; потомъ вспаль и пошелъ къ дверямъ библиотеки, въ которой мы тогда находились. Онъ слѣдовалъ за мною, держа въ рукъ шляпу. Не говоря ни слова, прошли мы залу. Я размашривалъ пышныя украшенія; взоръ мой остановился на богатомъ дивномъ споль, съ Французскими часами; и горестныя воспоминанія наполнили мою душу! . .

Генераль! сказалъ я: пусть обрушишя домъ сей, домъ срама и несчастій! . Пусть обрушишя эшошъ памятникъ преспуленія и

спыда моеѣ машери, орошенный кровію ошца моего! . .

Слеза скатилась по почтенному лицу разпроганнаго спарца; не говоря ни слова, онъ нѣжно прижалъ меня къ своему сердцу—и вышелъ изъ комнашы, чшобы поспѣшить распорядженіями къ нашему опѣзду.

„Повѣдемъ въ швое опцовское наслѣдіе, сказалъ онъ мнѣ. Тамъ ничшо не напомнишь шебѣ позора, прикрытаго эшими богатыми плафонами; великолѣпіе ихъ помрачено здѣсь порокомъ. Повѣдемъ! . . .

Безопвѣшно слѣдовалъ я за Генераломъ до карешы. Того же вечера прибыли мы въ Троссель-Гровъ. Тутъ старинныя галереи, величественная громада жилища, высокіе каминны, изпещренныя фамильными гербами и зала украшенная портретами рыцарей, воскресили въ душѣ моеѣ всѣ попухшія воспоминанія первыхъ впечатлѣній моего дѣтства.

То было зданіе грубой архитектуры, но оно дышало какимъ-шо величіемъ, напоминало времена золотой старины, и какъ-бы свидѣтельствовало о бываломъ господствѣ.

„Здѣсь,“ сказалъ я Генералу, здѣсь буду жить! Здѣсь воздухъ сладокъ воспоминаніями ласкъ, кошорыхъ я былъ предметомъ. Здѣсь, можешъ бышь, несчастный ошець мой прижималъ меня къ груди своей, и рука его играла моими густыми локонами! .

Добрый старецъ провель со мною недѣлю. Въ это время положено было, чѣмбъ я не возвращался въ Оксфордъ и устройвѣ дѣла свои, отправился на годъ, или на два, на швердую землю. Приготовленія къ отпѣзду и дѣла заняли меня нѣсколько мѣсяцовъ.

Горькія предчувствія, эти предвѣспники неизбежнаго бѣдствія, всегда смущали мое сердце; всегда что-то печальное и мрачное гнѣздилося въ душѣ моей. Оставшись одинъ и предоснавленный самому себѣ, я почувство-вала въполнѣ, какъ сильно увлекалъ меня неодолимый вихрь судьбы, не знающей, подобно спруямъ попока, возвратнаго печенія! . .

Г л а в а IV.

Прибывши въ Гарвичъ, я нашелъ пакеш-бопъ готовымъ къ отплытію; на немъ уже находились вещи мои, привезенныя наканунѣ изъ Троссель-Грова.

Взойдя на палубу, я былъ сначала пораженъ новостью картины, крикъ мапировъ и поспѣшныя приготовленія къ отплытію занимали меня нѣсколько минушь; но вскорѣ мечпы снова овладѣли мною, я удалился въ свою каюшу.

Дожидались Капишана; онъ пріѣхалъ во время прилива. Тогда былъ уже вечеръ. Небо покрылось тучами, но въпрѣдъ едва былъ ощу-щенъ и мы снявшись съ якоря, отошли

болѣ мила отъ берега прежде, нежели въспрѣ усилился и пакетботъ покорился рулю. Во время шума и дѣятельности при опивалѣ, я опять вышелъ изъ каюшы, прислонился къ борду, и далъ волю мрачной меланхоліи, проникавшей мою душу . . .

Скоро небо сдѣлалось менѣ грознымъ, шамъ и сямъ мелькали въ облакахъ звѣзды; въспрѣ дулъ въ паруса и волны, ударяясь о пакетботъ, нарушали спокойствіе ночи; но это все сообщало мыслямъ моимъ, только мрачныя, постепенно возрастающія ощущенія!....

Тихо и уныло колыхался пакетботъ, какъ бы незамѣтный полетъ времени на Океанѣ вѣковъ. Индѣ пускло свѣпили звѣзды, индѣ являлись они съ большимъ блескомъ, подобно жипелямъ неба, созерцающимъ явленія лучшаго міра. Въ шумъ въпра и ревъ волнъ, воображеніе могло бы найти созвучіе вздоховъ и сненаній, раздающихся вокругъ смертнаго одра! . . .

Мрачный энпузіазмъ овладѣвшій мною, увеличился при возроставшемъ свѣпѣ луны, который опдаленному горизонту придавалъ ужасный и таинственный видъ огромнаго шрупа, покрытаго саваномъ.

Между тѣмъ *перелътный* ходъ пакетбота доказывалъ, что мы были уже въ открытомъ морѣ. Луна возвысилась надъ горизонтомъ и между разрывчатыми, разноцвѣшны-

ми облаками, величественно сіяли неподвижныя звѣзды.

Пакетботъ лепѣлъ на всѣхъ парусахъ, я отошелъ отъ борда и легъ на палубѣ, любуясь, по яркимъ зенипомъ, по бѣлорунными облаками, которыя въ своихъ измѣненіяхъ, представляли нѣчто шоржественно — мистическое! . . .

Въ такомъ суевѣрномъ созерцаніи, взоръ мой остановился на легкой черной почкѣ, опдѣлявшейся отъ громады ъблаковъ. Я слѣдилъ за ея измѣненіемъ, и вопъ, показалось мнѣ, что я вижу темный, неясный образъ двухъ огромныхъ рукъ, поддерживающихъ нѣчто похожее на великолѣпную гробницу.

Во мнѣ заспыла кровь, я препеналъ болѣе и болѣе по мѣрѣ того, какъ открывалось это явленіе; наконецъ, я увидѣлъ ясно шуловище, копорому принадлежали энтѣ могущественныя руки . . . . .

Я вспалъ, дрожа отъ страха. Въ шу мину шу подошла ко мнѣ большая, черная собака, и вперивъ глаза свои на предзнаменованіе, она какъ бы говорила мнѣ: смопри!—потомъ взглянувъ на меня пристально, спрашно завыла; — шушь послышались мапрозамъ опдаленные голоса. — Пораженные страхомъ, они ожидали кораблекрушенія, ожидали смерши и влажной могилы! .

Г л а в а V.

Вѣпръ спановилъся свѣжѣе, качка пакетбота увеличивалась и вскорѣ тоска, усиленная физическими страданіями, совершенно овладѣла мною . . . . Мы быспро совершили путь нашъ и на упрѣ вышли на берегъ въ Гамбургъ.

Сойдя съ пакетбота, я стоялъ на набережной; ко мнѣ подошелъ Англичанинъ, ведшій подъ руку молодую, прелеетную дѣвицу.

Благородная и воинспвенная осанка, опличала его опъ толпы людей обыкновенныхъ. Эпо былъ Генераль Пюрсель, и бѣдная его Марія, могъ бы я добавить, копорая опираясь на руку опца, такъ мило улыбалась ему, такъ пѣжно смотрѣла на него своими дивными глазами! . . И эти глаза,—эти успа, копорыхъ сладость была роскошнѣе утренней росы, столь рано содѣлались добычею червей! . .

Генераль приблизъся ко мнѣ, привѣтствовалъ меня ласково, какъ однопземца; сообщилъ мнѣ, что ожидаетъ полько попушнаго вѣпра, чтообъ опправипшься въ Англію. „Мы прожили пѣсколько лѣтъ на пвердой землѣ, сказалъ онъ; но успѣхи Французской армін и нарушенія общеспвеннаго порядка, всюду слѣдовавшія за нею, вспревожили жену мою.“

На вопросы его о послѣднихъ новосняхъ нашего опчества, я ничего не могъ сооб-

щипъ ему особеннаго. Пока человекъ мой выносилъ на берегъ чемоданы, мы машинально подошли къ каретѣ, въ которой сидѣла Г-жа Пюрсель.

Не могу описать тѣхъ страшныхъ и восхитительныхъ ощущеній, какія произвели во мнѣ голосъ и улыбка этой дамы. Впрочемъ, ощущенія сія были непродолжительны: я вель подѣ руку Марію, и чувство, рожденное во мнѣ прелестями ея манеры, было только чувствомъ дѣтской радости, въ сравненіи съ тѣмъ, которое небесная улыбка и неземная красота Маріи воспламенили въ душѣ моей! . Такъ, любовь есть огонь всепожирающій! подобно сей стихіи, вспыхнувъ однажды въ двухъ непорочныхъ и вѣрныхъ сердцахъ, она сливается въ одно пламя, и пылаешь сильнѣе, вознося къ небу свое божественное, блистательное начало! . .

Вѣтеръ увеличивался постепенно, облака сгущались, и Г-жа Пюрсель, которая оспаваясь одна въ каретѣ, лучше насъ замѣтила признаки приближающейся бури, объявила своему мужу, что пока не установится погода, она не рѣшится пускаться въ море. Генераль согласился возвратиться въ гостиницу, которую рекомендовалъ и мнѣ, какъ лучшую въ городѣ. Я легко предпочелъ ее другимъ: она была жилищемъ Маріи.

Генералъ, посадивъ дочь свою возлѣ ея матери, вѣжливо предложилъ мнѣ имъ соупочинствовашь.

Во все продолженіе пупи, и особенно по пріѣздѣ нашемъ въ госпитальницу, меня неоднократно смущали взгляды Г-жи Пюрсель; она по видимому, была веселаго нрава, но иногда грусть выказывалась въ черпахъ ея. Иногда казалась она обезпокоенною, нетерпѣливою и вообще встревоженною моимъ присутствіемъ; впрочемъ эти замѣчанія я сдѣлалъ уже въ послѣдствіи, въ первое свиданіе я видѣлъ только Марію! . .

Послѣ искренней бесѣды, копорая конечно унесла съ собою гораздо болѣе времени, нежели сколько позволяли предѣлы обыкновеннаго приличія, я поблагодарилъ Генерала за его привѣтливостъ и удалился. Оставшись наединѣ, я вспомнилъ, что позабылъ сказать имъ мое имя, я стыдился моею небрежностію, если только можно назвать это небрежностію! . . Я неохотно говорилъ о себѣ незнакомымъ; меня всегда спрашила мысль, что имъ могли бытъ извѣсны заблужденія моей матери.

Среди тягостныхъ размышленій, меня занимавшихъ, я ощущалъ однако же минуты невыразимаго восторга . . . 'Образъ Маріи сіялъ въ моемъ воображеніи и моихъ надеждахъ. Впечатлѣніе, сдѣланное на меня ея ма-

шерью, имѣло также какую-то непонятную сладость, оно льстило мнѣ и печалило меня! Его можно бы уподобить отраженію луны, которая разливая уныніе въ тишинѣ лѣтней ночи, озаряетъ молчаливый берегъ Океана.

Г л а в а VI.

Разспавшись съ Генераломъ и его семействомъ, я, чтобы сократить длинное утро, пустился бродить по улицамъ. Я шелъ безъ цѣли; любопытство во мнѣ угасло, одно чувство о красотѣ Маріи живило мое сердце, но живило его болѣе горестію, нежели восторгомъ.

Она казалась мнѣ существомъ слишкомъ возвышеннымъ, небеснымъ для сего міра!

Въ такомъ соединеніи нѣжности и удивленія, кипѣлъ я нѣсколько часовъ. Я проходилъ мимо опворенныхъ дверей церкви; звуки органа прервали мои мечпанія; я вслушивался въ нихъ нѣсколько минутъ, потомъ вошелъ въ церковь.

Это было древнее, огромное зданіе, посвященное прежде великолѣпнѣю Папизма, а нынѣ преобразованное въ протестантскую церковь.

Я сѣлъ подъ органомъ. Органистъ игралъ духовную симфонію; игра и самый мотивъ не обратили на себя моего вниманія. Продолжительное молчаніе, потомъ шепотъ слѣдовали за игрою; я всматривался и готовъ уже былъ выдти

изъ церкви, какъ новый аккордъ органа очаровательною силой потрясъ все существо мое.

Послѣ легкой, произвольной прелюдіи, новый архисипъ началъ арію, которая непонятно поразила мою душу. Тысячи радостныхъ и милыхъ видѣній вились вокругъ меня; я былъ полонъ неизъяснимаго восторга. Безъ сомнѣнія, думалъ я, мнѣ знакома эта арія, и пока припоминалъ, гдѣ и когда я ее слышалъ, невидимый мною архисипъ заигралъ другую, которая мысленно перенесла меня въ замокъ Бешендаль. Онъ представлялся мнѣ во всемъ величіи; паянспенный волшебный споль, Французскіе часы, все это видѣлъ я живо, ясно, какъ и тогда, когда сидя на коврѣ, я игралъ апельсиномъ и съ дѣтскимъ удивленіемъ слушалъ музыку.

Я удивлялся чудесной силѣ мелодіи; вдругъ кто-то ударилъ меня по плечу; я оглянулся, это былъ Генераль Пюрсель, который тоже, случайно зашелъ въ церковь.—Такъ, прелестные персты Маріи, думалъ я: извлекли изъ клавишей органа эти простые, но очаровательные звуки, могущіе пробудить давно забытыя воспоминанія . . . . .

(Окончаніе въ слѣдующемъ No.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Отъездъ Русскаго витязя съ родины.

(Отрывокъ изъ богатырской повѣсти.)

На брань лепилиъ молодой пѣвецъ;
Дней мирныхъ бросилъ сладость!

И. Козловъ.

Въ селѣ у маперы, ошца,
Росъ мирно выпязъ юный;
Плывалъ онъ сельскихъ дѣвъ сердца,
Любилъ опъ игры, епруны;
Усладой былъ своей семьи,
Не зналъ себя счастливей!
И краше не было Ильи
И не было спыдливѣй!

Какъ утро ясное весной
Его свѣтила младость!
Полнело сердце пишиной!
Въ душѣ гостила радость!
Игралъ въ очахъ огонь любви,
Въ щекахъ румянецъ алый,
И сила, мужество въ крови
На подвиги удалы!

Но свѣтлый Божій міръ былъ пусить
Его душѣ высокой!
Ни поцѣлуй прекрасныхъ устъ,
Ни взоры свѣтлоокой
Красы-дѣвицы сердца въ цемь
Еще не возмущали!
Такъ паръ дыханья яснымъ днемъ
Скользишь по свѣтлой спали!

Предъ нимъ ясна жизнь даль
И счастье сѣла;
Но на сердцѣ шоска-печаль
Глубокая лежала.
Другія воды, небеса,
Холмы, долины, горы,
Луга шелковые, лѣса
Его манили взоры!

Какой-то тайною поской
 На утрѣ дней помимый,
 Хошьль, влскомый въ даль мечшой,
 Покинушь край родимый!
 И вопшь—конь борзый у крыльца
 Удпла, оиъпяешъ,
 А виплязь мапъ свою, опца
 О волъ умоляспъ.

Вдохнуль опецъ, вдохнула мапъ.
 »Спунай, Господь съ тобою!
 »Намъ, милый сынъ, не удержиашъ
 »Тсбя шеперь съ собою!«
 Даюшь ему, въ слезахъ, опецъ
 И мапъ на оборону —
 Топъ оспрый мечъ свой кладенець,
 А та съ спъны Икону.

Сынъ въ ноги мапери, опцу!
 Обнялъ ихъ, прослезился —
 Попомъ вдохнуль—попомъ къ крыльцу—
 Сълъ на коня и . . . скрылся!
 Уже попухъ вечерний свъпъ
 И пѣсухи пропъли,
 Но сыну все еще во слѣдъ
 Опецъ и мапъ глядъли.

* * *

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

24) *Загадки на святки. Написалъ Алферьевъ. 1831.*
Москва, въ типографіи Селивановскаго, въ малую 12
д. л. 30 стр.

Въ этой книжкѣ содержашся: 26 Шарадъ, двойныхъ
 и ординарныхъ, 14 разнаго рода Логогрифовъ, 7 Ана-
 граммъ; 3 Омонима, 1 Омонимъ-Анаграмма, 1 Омо-
 нимъ-Шарада, 1 Анаграмма-Логогрифъ и наконецъ

1 Загадка. *И все то благо, все добро!* Такъ по крайней мѣрѣ мы полагаемъ: читатели наши видящъ, что мы прочли оглавленіе, по прочесшь въ вышерѣченныя стихотворенія у насъ не спавенъ силъ; припомъ же опгадывашъ Шарады и Логогрифы, мы, признаемъ, со всѣмъ не мастера. Впрочемъ, судя по эшиграфу:

Гадай, гадай, дѣвица
Опгадывай, краснал.

и по посвященію *моей Гурлинъль* (слова Автора) должно думать, что эта книжка назначена для дамъ; вмѣ предоставляемъ и судить о ней.

О.

С М Ъ С Ь.

СУФФЛЕРЪ - УБІЙЦА ПО НЕВОЛѢ.

Въ Итальянскомъ городѣ Бресція случилось ужасное происшествіе. Суффлеръ пвамощнаго театра, доведенный своими домашними обстоятельствомъ до опчаянія, рѣшился умереть и умереть торжественно въ своей канурѣ. Въ представленіе оперы: *Сорока вороска* онъ запасся заряженнымъ пистолетомъ, сѣлъ на свое (или вѣрнѣе сказаць въ свое) мѣсто, и дожидая трепьяго удара лишавръ въ уверпиорѣ; при второмъ ударѣ суффлеръ приставилъ ко лбу пистолетъ. Раздался претій ударъ, рука Суффлера дрогнула и пуля размозжила голову *Дерижеру*, управлявшему оркестромъ.

Н О В О С Т И.

Извѣстный Нѣмецкій драматуръ Грилларцеръ написалъ новую шрагедію: *Волны моря и любви*.

Въ одной Нѣмецкой газетѣ, (*Hamburger Originale*), охуждаютъ знаменитую въ Германіи прагическую актриссу Г-жу *Шредеръ* за то, что она въ Шиллеровомъ *Донъ Карлосъ* все еще играетъ роль *Принцессы Эболи*. Рецензентъ говоритъ, между прочимъ: »Г-жа *Шредеръ* моя землячка и однихъ лѣтъ со мною: мы родились въ Падерборнѣ, въ 1781 году отъ Рождества Христова; — лѣтъ двадцать пять тому назадъ, я видѣлъ уже ее *Принцессою Эболи*; — но всему въ мірѣ своя череда!

Мы слышали, что всѣ несравненныя баллады В. А. Жуковского будутъ изданы въ свѣтъ особою книжкою, съ прелестными, къ каждой балладѣ, гравюрами, по рисункамъ знаменитаго своимъ родомъ и своимъ искусствомъ Русскаго художника.

О П Е Ч А Т К А.

Въ 21 Но. С. Петербургскаго Вѣспника, на страницѣ 173, въ спрокъ 8 ошибкою напечатано: »съ Маріею Ивановною Хлоповою, невѣстою Царя Алексѣя Михайловича;«—а должно читать: »съ Маріею Ивановною Хлоповою, невѣстою Царя Михаила Ѳедоровича.«

С О Д Е Р Ж А Н І Е No. XXII.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Предзнаменованіе. (Повѣсть Валперъ-Скотта.) *Стихотворенія*: Ошъездъ Русскаго вишня съ родины. **БИБЛИОГРАФІЯ**. Загадки на святки. **СМѢСЬ**. Суфлеръ-убійца по неволѣ. **НОВОСТИ**. **НОТЫ**.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 16 Марта 1831 года.

Ценсоръ П. Гаевскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

ПРЕДЗНАМЕНОВАНИЕ.

(Повѣсть Валтеръ-Скотта.)

(Окончаніе.)

Э П О Х А IV.

Г Л А В А I.

На другой день послѣ моего пріѣзда въ Гамбургъ, Генераль Пюрсель съ семействомъ своимъ отправился на родину. Когда же и я возвратился въ Англію, то удосповѣрился, что только чепыре года пропекло со дня нашей разлуки; я узналъ это по опчешамъ о моихъ доходахъ; безъ того, счелъ бы вѣкомъ минувшее время! Но милый образъ Маріи, былъ постоянно со мною; любовь сильно запечатлѣла прелесныя черпы ея въ моемъ сердцѣ; и увидѣвъ ее снова, я гошовъ былъ спорить, что никогда съ нею не расставалясь.—Красоты Швейцаріи и Италіи, плѣняя мои взоры, не могли изгладить живаго о ней воспоминанія. Вездѣ, во всемъ, я видѣлъ только Марію!

Г л а в а II.

Въ минуты сего очарованія, когда все дышало ею, когда все прекрасное, все возвышенное напоминало мнѣ ее, нерѣдко непоспимый страхъ проникалъ въ мою душу; я желалъ: или менѣе любить ее, или бытъ уврѣдвымъ въ обладаніи Маріей!

Наослѣдокъ мнѣ удалось укропить пылкія мои чувства. Я считалъ ихъ кознями злобнаго генія; но, ахъ; не были ль они скорѣе шемнымъ и шайншвеннымъ предостереженіемъ добраго Ангела-хранителя, желавшаго погасить въ сердцѣ моемъ любовь, которая казалась мнѣ тогда чувствомъ непорочнымъ, возвышеннымъ и чистымъ, какъ небесное свѣтило.

Замѣнивъ мое искашельство въ Маріи, Г-жа Пюрсель видимо перемѣнилась въ обращеніи со мною. Бывъ опъ природы веселаго нрава и опмѣнно ловкою, свѣтскою женщиною по привычкѣ, она вдругъ начала задумываться, и часто устремляла на меня взоры, исполненные нѣжной горячности;—эти взоры, какъ бы умоляли о состраданіи. —

Опъ меня не скрылась такая перемѣна; особливо, когда я заспавалъ ее одну дома . . . Тогда, разговаривая со мною, она часто сбивалась въ словахъ и голосъ ея измѣнялся. Казалось, ей хотѣлось пріобрѣсти мою довѣренность. —

— Въ присутствіи же Генерала, или Маріи, она была весела по прежнему; и я не могъ не назвасть се чрезвычайно ловкою дамою.

Однажды, своя возлѣ меня у окна, она дружески положила руку мнѣ на плечо. Я невольно опскочилъ назадъ; она съ нѣжностію взглянула на меня, залилась слезами, и поспѣшно удалилась изъ комнашы. Могъ ли я болѣе сомнѣвашься въ ея необыкновенной ко мнѣ привязанности? .

Въ пошъ день, сидя послѣ обѣда дома и занимаясь чтеніемъ, я вздумалъ объ этой безумной страсти, и мысли о моемъ положеніи кружили мнѣ голову.

Въ это время раздавшійся ударъ молотка въ двери извлекъ меня изъ размышленій.—Мнѣ доложили о Г-жѣ Пюрсель.

Г л а в а III.

Съ дикими, блистающими взорами, вбѣжала она въ комнашу, и захлопнувъ за собою двери, вскричала мнѣ:

— „Если Генераль Пюрсель не намѣренъ прекращасть вашихъ посѣщеній и опказать вамъ опъ своего дома, шакъ это сдѣлаю я.— За цѣмъ и пришла я сюда, — несчастный! . . . . .“

Сказавъ это, она упала на софу, и въ сильномъ душевномъ волненіи, не могла произнести болѣе ни слова.

Я самъ въ печеніи нѣсколькихъ минутъ не могъ сообразить ни одной мысли; столь сильно пораженъ былъ удивленіемъ. Напоследокъ приди въ себя, я умолялъ ее объяснить мнѣ причину своего неудовольствія.

Моего неудовольствія! сказала она, съ выраженіемъ величайшей горести, и орошая слезами мою руку.

Всемогущій Боже! воскликнулъ я (спараясь, чтобы не высказать предполагаемой мною причины ея огорченія,) что все это значить? Не равенъ ли я вашей дочери моимъ званіемъ? Развѣ есть какая нибудь разница въ нашемъ сословіи?

— Да! отвѣчала она мнѣ: вы слишкомъ равны ей и слишкомъ ее любите! — Какъ я несчастна!

— Что говорите вы? спросилъ я, будучи встревоженъ и изумленъ. Можете ли объясниться какимъ образомъ мать и супруга? —

— Мать! Супруга! О, если бы вы знали, какъ эти слова раздирають мое сердце! Потомъ она встала съ дивана, и начала скоро ходить по комнатѣ, въ отчаяніи ломая себѣ руки.

Эта сцена продолжалась нѣсколько минутъ. Подобно испугану, оставался я недвижимъ отъ удивленія. Вдругъ, казалось, укротивъ волненіе своихъ чувствъ, она подошла ко мнѣ съ видомъ рѣшительнаго спокойствія; по ви-

димому, она хотѣла говорить со мною. Но въ ту же минуту захохотала такъ громко, что я считая ее помѣшавшеюся въ умъ, бросился къ дверямъ, позвавъ кого нибудь на помощь. Она, угадавъ мое намѣреніе, оспановила меня за руку.

Выслушайте меня, сказала она, выслушайте меня Генрихъ! Генрихъ!—Я запрепепаль опъ споль нѣжнаго и дружескаго названія; но собравшись съ духомъ, отвѣчала ей: сударыня! я не могу понять причины вашего гнѣва! Свирѣпый взглядъ ея смягчился, и я замолчалъ, чтобы дать ей волю говорить.

Нѣтъ, нѣтъ, вы не понимаете меня! вы не можете понять меня! Слышите, возлѣ меня, на диванѣ. Я начала это несчастное дѣло, я и должна его окончить! . .

Она склонила голову на мое плечо, и залилась слезами.

Въ ту же минуту, тяжелье удары молотка напомнили мнѣ, что въ это время долженъ былъ навѣстить меня Сайденгемъ.

Это къ вамъ? сказала она встревожась; и едва успѣлъ я отвѣчать ей утвердительно, какъ она вышла изъ комнаты и взбѣжала во впорой этажъ. Въ то же время въ дверяхъ раздался голосъ ея мужа. Онъ спрашивалъ, дома ли я? Онъ говорилъ скоро и важно, тяжелье шаги его раздавались на лѣспницѣ, и

когда вошелъ онъ въ комнату, то черные глаза его, гнѣвно блиснали.

Г л а в а IV.

Здѣсь ли Г-жа Пюрсель? сказалъ онъ подойдя къ столу, гдѣ лежала книга, которую я читалъ, до прихода его жены.

Вы видите сами, здѣсь ли она! отвѣчалъ я, подходя къ камину, и движимый чувствами жалости и состраданія, чувствами совершенно различными отъ тѣхъ, которыми, казалось, перзали Генерала.

Удивленный моимъ отвѣтомъ, онъ остановился и озирался кругомъ съ безпокойствомъ. Генераль Пюрсель, сказалъ я, скрывая внутреннее волненіе, мнѣ бы должно оскорбиться вашимъ спраннымъ посѣщеніемъ. Если привязанность моя къ вашей дочери, ни вамъ, ни супругъ вашей не нравилась, то, думаю, не обижу васъ, когда спрошу о причинѣ? . .

„Я не пропивъ васъ! . но Г-жа Пюрсель, эна упрямая женщина, пропивилась вашимъ намѣреніямъ. Признаюсь, я твердо увѣренъ, что для моей Маріи не можетъ быть лучшей партіи, но ея мать не хочетъ ни о чемъ слышать! Сего дня она даже требовала, чтобъ я отказалъ вамъ отъ дома . . . . . я подозреваю . . . . . да, я думаю . . . . . что она сама . . . . .“

Онъ колебался, и послѣ краткаго молчанія добавилъ . . . . . нѣтъ, это невозможно!

невозможно, чтобы привязанность ваша къ Маріи была только маскою, которою желаете вы прикрытъ . . . . тутъ онъ снова остановился.

„Генераль, я не притворюсь, если скажу, что не понимаю васъ! . я человекъ честный, и одно слово можете меня успокоить . . . . . Угодно ли вамъ опдаться мнѣ руку Маріи?

— Но это будетъ безъ согласія маперы!

— Мнѣ достаточно вашего благословенія, если Марія согласна!

Но должно хранить это въ тайнѣ! Гдѣ говорить чувства, или спросити Г-жи Пюрсель, тамъ она не внемлетъ разсудку, не видитъ опасностей! Она, или любитъ, или ненавидитъ васъ, и одно изъ этихъ чувствъ — источникъ ея сопротивленія.

Но сопротивленіе сіе, сказалъ я, не можетъ длиться долѣе чувствъ, его породившихъ.

— И такъ оно продлится до тѣхъ поръ, пока желаніе ея будетъ удовлетворено, возразилъ онъ.

— Стало бытъ, вѣтъ надежды, чтобы ея сопротивленіе уменьшилось: и такъ, ежели вы согласны на союзъ мой съ Марією, могу ли я просить у васъ ея руки?

— Вы, какъ я думаю, владеете сердцемъ моей дочери, и я даю на это мое согласіе; но будьте осторожны и не заставляйте меня ни во что вмѣшиваться, прежде того вре-

мяни, когда присущствіе мое будетъ, рѣшительно, необходимо.

При сихъ словахъ, я услышалъ шумъ въ коридоръ и ожидалъ появленія Г-жи Пюрсель; но она въ темнотѣ сошла съ лѣстницы и вышла изъ дому.

Безполезно будетъ рассказывать, что потомъ произошло между Генераломъ и мною. Я даже не смѣю ввѣришь бумагъ мои размышленія;—только о событіяхъ могу я упомянуть. Очарованіе, долженствовавшее окончиться бѣдствіемъ, начинало уже свое дѣйствіе.

— Жертвы уже находились на мѣстѣ казни, но они не имѣли понятія о своемъ жребіи. Они были счастливы, какъ бы посреди цвѣтущаго и лѣтнстаго сада Сициліи, тогда, какъ подъ ногами ихъ изверженіе волкана оспановилось на время.

Г л а в а V.

Собственнѣмъ опытомъ извѣдалъ я два рода лунапическихъ впечатлѣній: одно обыкновенное, свойственное всѣмъ умамъ; другое спирное и пророческое, даже рѣдко случающееся и съ меланхоликами. Сіи замѣчанія были уже сдѣланы извѣстнѣйшими мыслителями, которые наименовали тѣ впечатленія *мечтами* и *сновидѣніями*. Первыя, состоятъ въ невольномъ, неправильномъ, метафорическомъ воспоминаніи происшествій, случившихся на

канунѣ; послѣднія же сутьъ какъ бы пророческія внушенія. Къ сему-то роду принадлежало предзнаменованіе, поколебавшее мое спокойствіе въ роковую ночь.

Мнѣ представилась древняя церковь; я видѣлъ хоругви, чеканныя скамьи, гробницы съ ихъ неподвижными спашуями, длинныя переходы, колонны, опѣшвенныя отраженіемъ цвѣтнхъ оконъ.—Я стоялъ предъ олшаремъ съ Маріею, моею нареченною! Отецъ ея находился шуть же, и Священникъ совершалъ обрядъ вѣнчанія; я готовилъ уже брачное кольцо, какъ вдругъ на мѣстѣ Маріи увидѣлъ ея мать; но совершеніе обряда продолжалось; когда же невѣста моя пропнула руку для принятія кольца, драгоценный камень онаго превратился въ прахъ, вмѣсто руки Маріи я держалъ руку скелета.

Хотя судьба моя, такъ сказать, заключалась въ эптомъ откровеніи и бурныя чувства, обладали мною, когда я проснулся; но по нѣкоторомъ размышленіи, спокойствіе водворилось въ душѣ моей,—и я хладнокровно изтолковывалъ сонъ сей.

Недвусмысленная склонность ко мнѣ Г-жи Пюрсель была причиною несогласія ея на бракъ мой,—и спрашное сновидѣніе казалось мнѣ только лешаргическимъ воспоминаніемъ предвечернихъ произшествій. Но рука скелета все еще представлялась моему воображе-

нію, и какъ бы, грозила осуществити ужасное соединеніе сватъбы съ похоронами!

На слѣдующее утро я послалъ за Сайденгемомъ и, извѣстивъ его о происшедшемъ, просилъ, чтобъ онъ занялся приготовленіями, нужными для довершенія моего благополучія! Вечеру я писалъ къ Генералу Огльпорну. Онъ былъ уже слишкомъ спаръ и дряхлъ, жилъ обыкновенно въ Батъ и выѣзжалъ весьма рѣдко; но мы вели постоянную переписку, и хотя я не извѣщалъ его о моей привязанности къ Маріи, но ему извѣстно было мое намѣреніе, вступити въ супружество.

Г л а в а VI.

Почли за нужное, чтобъ приготовленія къ сватъбѣ дѣлались въ тишинѣ, безъ всякой пышности; ночь часъ, по совершеніи священнаго обряда, мы хотѣли отправити въ горы Шотландіи. Не надѣясь побѣдить упорнаго сопротивленія Г-жи Пюрсель, Генераль, подъ предлогомъ показать Маріи достопримѣчательности города, взялся проводить ее въ одну изъ церквей Лондонскихъ; тамъ предполагали обвѣнчать насъ скрытно.

Съ обратною почтою я ожидалъ отвѣта отъ Генерала Огльпорна; но вмѣсто того, онъ пріѣхалъ самъ и внезапно вошелъ ко мнѣ въ комнату, когда былъ у меня Сайденгемъ. Видѣнья этого спарика въ Лондонѣ, видѣнья его въ такомъ важномъ случаѣ, составляло

для меня неописанную радость; но эта радость была слишком непродолжительна: протянувъ ко мнѣ руку, онъ вдругъ простоналъ едва слышно, и упалъ къ ногамъ моимъ, со всеми признаками апоплексического удара.

Я не разпространюсь объ этомъ приключеніи. Генералъ скончался въ тотъ же день. Такимъ образомъ сбылось страшное явленіе въпрямую мое сновъ; свадебныя приготовления превратились въ приготовления погребальныя!

Это происшествіе преисполнило душу мою горестью и страхомъ; но оно произвело и другое надъ нею дѣйствіе. Я привыкъ къ моимъ суевѣрнымъ мечтамъ, и теперь былъ уже менѣе имъ подвластенъ; странная вещь! я старалъ опть неперѣвнѣннѣ; меня мучило все, что отдавало совершеніе моего жребія.

Сайденгеймъ исходатайствовалъ позволеніе на мой бракъ, и день погребенія Генерала Огльшорпа, назначенъ днемъ соединенія моего съ Маріей!

Я прещу, вспоминая то упрямство, съ какимъ хотѣлъ я сблизить предметы, такъ разительнао раздѣленные самою природою! Сайденгеймъ умолялъ меня отсрочить свадьбу, хотя изъ приличія; но его доводы и краснорѣчіе не убѣдили моего неперѣвливаго сердца. Генералъ Шюрсель уговаривалъ меня подождать одну недѣлю: я не соглашался;

онъ доставилъ мнѣ письмо отъ Маріи; она просила меня о томъ же; я называлъ это внушеніемъ женской слабости, и наспивалъ на своемъ . . .

День и часъ были назначены; Генераль Пюрсель согласился присуствовать при печальной процессіи, и мы уговорились, что бракъ мой съ Маріею, долженъ совершиться въ Аббатствѣ Вестминстерскомъ, гдѣ будутъ преданы землѣ бранные останки моего дяди.

Эпою ужасною хипростию, — совокупленіемъ брака съ похоронами, мы думали опклонить отъ Г-жи Пюрсель всякое подозрѣніе.

Г л а в л а VII.

Процессія плынула къ Аббатству, когда часы пробилъ *семь*. По окончаніи печальнаго обряда погребенія, друзья моего дяди, собравшіеся опдашь ему послѣдній долгъ, удалились; я также вышелъ изъ церкви съ Генераломъ; но вмѣсто того, чтобъ идти къ нашей каретѣ, мы повернули къ одному изъ церковныхъ предѣловъ. Сайденгемъ не былъ на похоронахъ; онъ находился съ Маріею и одною изъ ея молодыхъ подругъ въ знакомомъ домѣ, въ улицѣ Абингдонской. Какъ скоро сняли кашафалкъ и разошлась похоронная свита изъ Аббатства, они взошли въ церковь черезъ ризницу.

Кромѣ священника, долженствовавшаго сое-

динишь насъ, и соборныхъ церковнослужителей не было никого изъ постороннихъ. Слуга мой, по какому-то непонятному внушенію, оспался у дверей, чшобы предупредить всякое препятствіе во время совершенія обряда; но въ шу минуту, какъ я надѣвалъ брачное кольцо на руку Маріи, онъ прибѣжалъ къ намъ съ такою поспѣшностію и въ такомъ спрахѣ, что я ужаснулся прежде, нежели онъ началъ говорить. Въ это мгновеніе Марія вскрикнула: ея мать, блѣдная съ разпущенными волосами и въ совершенномъ изступленіи, вбѣжала въ церковь: „Я противлюсь этому браку! закричала она: *Братъ и Сестра!*—*Братъ и Сестра!* — Я не слыхалъ болѣе ничего!—Огромное зданіе поколебалось вокругъ меня; колонны и гробницы казалось обрушились на мою голову, и опшуда . . . . . Здѣсь пресѣклась нить моихъ воспоминаній—здѣсь бездна въ моей жизни! . . .

Опамятовавшись, я увидѣлъ себя въ моей комнатѣ; Сайденгемъ печально смотрѣлъ на меня.

Я не спрашивалъ его ни о чемъ, но жалъ ему руку.

— Кареша подана, сказалъ онъ мнѣ; я ѣду съ побою.

Ничего не отвѣчая, я вспалъ и послѣдовалъ за нимъ . . . . .
 . . . . .

Десять лѣтъ пропекло съ сего ужаснаго упра; я никогда не осмѣлился спросить о послѣдствіяхъ приключенія въ Аббатствѣ. Но два года тому назадъ, посѣдивъ Англинское кладбище въ Лиссабонѣ, я видѣлъ надгробный камень, на которомъ время, или причины случайныя, почти изгладили буквы эпитафіи Маріи!

Окончаніе повѣсти моей жизни, есть не что иное, какъ нить путешесствій безъ цѣли и предмета, соединенная съ горестными мечтаніями; это жизнь проведенная въ скорби ошъ наслѣдственнаго проклятія! . .

Пер. *Г. Пасынковъ.*

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

Э п и г р а м м а.

Уморилъ написалъ два водевиля вдругъ,
 Весь исхудалъ и получилъ одышку;
 Хотѣлъ попастьъ въ липерашурный кругъ —
 И только въпюрился — въ афишку.

* *

К ъ —

Ты сердншься на то, что много глупыхъ въ свѣтѣ:
 Чтѣшь не сердншься — ты на глупыхъ не смотри:
 Сиди себѣ одинъ, запершись въ кабинетъ, —
 Да только зеркало подальше уברי.

Ю — 62.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

25) *Денница*, Альманахъ на 1831 годъ, издаанный М. Максимовичемъ. Москва. Въ типографіи А. Семена. 1831 г. LVIII и 142 стр. въ 16 д. л.

Денница предшесствуетъ обзорніе Русской словесности 1830 года. Изъ этого обзорнія поэтъ, кто будещъ имѣть терпѣніе прочитавъ его хотя до половины, узнаетъ, что трагедія *Василій Шуйскій* есть первый опытъ Г. Станкевича, что Г. Кони перевелъ Дюканжеву мелодраму: *Смерть Коласа*, что словесность наша упростила *жрецовъ* и *служителей* своихъ: Мерзлякова, В. Л. Пушкина и В. В. Измайлова (кто жъ изъ сихъ *троихъ* литераторовъ *жрецы* словесности и кто ея *служители*! Г. Обзорывашель молчишь.) Впрочемъ онъ говоритъ, что *Иванъ Выжигинъ* имѣлъ на своей *сторонѣ* много читателей, (новость!) и что въ новомъ испорическомъ романѣ (какомъ?) Г. Булгарина, и того (чего?) нѣтъ.

Г. Обзорывашель, не знаемъ, изъ скромности, или

ть гордости, страницы, на коихъ напечатано его зрѣніе, отличилъ отъ прочихъ страницъ, составшихъ альманахъ *Денницу*, римскими цифрами.

этомъ альманахѣ помѣщены прозаическія статьи:

маркова: Блѣлый человекъ. Изъ этого разсказа мы, что какому-то Пономарю показалось, первая жена его встала изъ гроба и схватила его за полу кафтана, отъ чего Пономарь пролежалъ въ горячкѣ шесть недѣль, и что кому-то спящій на диванѣ *Приказный* показался *Блѣлымъ* человекомъ, выходцемъ съ того свѣта.

Постоялый дворъ (отрывокъ изъ Русской были XV вѣка) соч. *Н. Полеваго*. Что это за Русская быль XV вѣка, по отрывку отъ нее, мы добратся не могли. Отъ весь состоятъ изъ эпизоднаго разговора (о щакѣ, сѣнѣ, кашѣ и пирогахъ) содержателя постоялаго двора съ прѣхавшими къ нему на почмгѣ, рыбными торговцами.

Отрывокъ изъ 2 Части (какого-то) Страника. (2 Часть Страника!!!) соч. *А. Вельмана*. Въ этомъ отрывкѣ оригинально-курѣзна бесѣда Автора съ слугами: Французомъ, Жидомъ, Молдованномъ, Грекомъ, служанкою-Нѣмкою и съ шоргашами-Евреями. и *Отрывокъ* изъ рукописи Пушкина (А. С.). Издапель Альманаха говоритъ въ *послѣсловіи*, что отрывокъ этотъ взятъ изъ рукописи, которая содержитъ весьма любопытныя замѣчанія и объясненія Пушкина о поэмахъ его и ѣзкопорыхъ кришикахъ. Въ отрывкѣ,

помѣщенномъ въ *Денищъ*, Александръ Сергѣевичъ опровергъ пѣкшорыя замѣчанія, сдѣланныя на поэму его *Полтава*.

Изъ *Стихотвореній* лучшее есть подражаніе псалму XIV. *Н. М. Языкова*. Вотъ оно:

Кому, о Господи, доступны
 Твои Сіонски высоты? —
 Тому, чьи мысли неподкупны,
 Чьи цѣломудренны мечны;
 Кто дѣлъ своихъ цѣною злата
 Не взвѣшиваль, не продаваль;
 Не ухищрялся прошивъ брата
 И на врага не клеветаль.
 Но вѣрой въ Бога укрѣплялся.
 Но сердцемъ чистымъ и живымъ
 Ему со страхомъ поклонялся,
 Съ любовью плакаль передъ Нимъ,
 И святъ, о Боже, Твой избранныкъ!
 Мечемъ ли руку ополчить:
 Вельній Господа посланникъ;
 Онъ исполна сокрушить,
 Въ вѣицѣ ли онъ, его пароды
 Возлюбяль правду; весь и градъ
 Взыграюль радостью природы
 И пивы златомъ закипять.
 Возмешь ли арфу: дивной силой
 Духъ пренсполнится его,
 И какъ орелъ ширококрылый
 Взлетишь до неба пвоего.

Кн. *Вяземскій* подарилъ *Денищу*, между прочимъ, *карикатуры на земли*.

А Г. Шегуревъ пожертвовалъ восьми-спраичнымъ посланіемъ къ А. С. Пушкину. Самымъ приличнымъ эниграфомъ къ этому стихотворенію могутъ служить два стиха, взятые изъ онаго же:

»Что сдѣлалось съ Россійскимъ языкомъ;

Что онъ творитъ безумнейя проказы «

О прочихъ стихопворныхъ піесахъ, помѣщенныхъ въ разобранномъ нами альманахъ сказать не лзя ни хорошаго, ни худаго; а потому и молчимъ о нихъ.

С М Ъ С Ь.

Денежная бѣдность Испанцевъ не охлаждаетъ ихъ страсти къ театру. Они, не нуждаясь въ стѣспныхъ припасахъ, мѣняють ихъ на сценическія удовольствія. На прим. ложка спонитъ двухъ фунтовъ говядины, за входъ въ парперъ плапятъ рыбою, салатъ - лашуномъ, кочиями капусты, рѣпою и т. п. И прекрасно! Публика весела и Актеры сыты.

СО Д Е Р Ж А Н І Е No. XXIII.

ИЗЯЦНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Предзнаменованіе. (Повѣсть Валперъ-Скопина.) *Стихотворенія:* Эниграмма. Къ — соч. Ю—ва. **ВИБЛЮГРАФІЯ.** Девица. **СМЪСЬ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 19 Марта 1831 года.

Ценсоръ П. Гавскій.

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Л Ю Б О В Н Ы Я Ш У Т К И.

(Повѣсть Фанъ-дербъ-Фельде, на заданныя слова.)

З в а н ы й ч а й.

Въ засаленомъ голубомъ казакинѣ, съ сѣдою головой въ красной кожаной ермолкѣ, съ зеленымъ зонникомъ на лбу и очками на носу, съ едва сочпеннымъ числомъ *шесть* на губахъ и съ опголоскомъ вечерняго псалмопѣнія, вошелъ боязливо поргавъ Лемлейнъ въ комнату своей миловидной племянницы Беаши. Казалось, что она, споя у порога, выпушывалась изъ чего-то крѣпко зашляпутаго. Лемлейнъ, закрывая рукою свѣчу, подвигался впередъ. Въ ту самую минушу смѣлый порывъ въпра отхлопнулъ снова свиную дверь и погасилъ свѣчу. Качая головою, сухощавый дядя схватилъ полную и блдую руку племянницы и пошацилъ ее въ комнату, гдѣ покоились хлопущка для мухъ и столѣтній календарь, гдѣ старинный гре-

бень и песочные часы висѣли въ дружескомъ согласіи на закопченной стѣнѣ.

„Это ли называется званый чай?“ пропицаль раздраженный спарикъ и, схвативъ аршинъ, ударилъ имъ по стѣннымъ часамъ, на которыхъ кукушка только что прокричала полночь.

„Что такое, милый дядюшка?“ спросила просподушно Беата, сдергивая съ лилейной груди своей черную косынку.

„За званымъ чаемъ просиживаютъ за полночь, и разордѣвшись, какъ будто играли въ горѣлки, бѣгаютъ по улицамъ, гдѣ въ шаковую пору рыскаютъ только воры!

„Я ничего не видала.“

„Чай, сударыня, есть пріятный, презвый напишокъ, упопреляемый въ часъ солнечнаго заката съ умѣренностію и псалмопѣніемъ, при чемъ собесѣдники мѣняющя исторіями на счетъ ближняго, а не просиживаютъ до проклятаго часа, когда возящя домовые.“

„Thé dansant у Графа, милый дядюшка, былъ со всѣмъ не шаковъ, какъ вы рассказываете.“

„Dansant?“ вскричалъ раздраженный спарикъ; возможно ли такъ обманывать богобоязненнаго человѣка? Упомянуто ли о шомъ на Графскомъ пригласительномъ билетѣ? Позволилъ бы я тебѣ пусшиться на такой грѣхъ!

Съ эшимъ словомъ, онъ выдернулъ изъ-за зеркала позолоченный по краямъ пригласительный билетъ, пристально пошморлъ на него и, какъ бы пораженный громомъ, усьлся въ длинныя, покрытыя желшою кожею кресла; написанное симпатическими чернилами и дополъ невидимое слово dansant, бросилось ему въ глаза.

„Пришелъ конецъ мой!“ пропищалъ сипарикъ. Между шѣмъ Беапа, кладя на споль шуго набишый золопомъ кошелекъ, ласково сказала дорогому дядушкѣ: ихъ Сіапшельства прислали вамъ деньги въ уплашу по послѣднему счету.“

„Не можешъ бышь!“ вскричалъ скряга въ воспоргѣ; ринулся всѣмъ шѣломъ къ аспидному сполику, гдѣ производилъ обыкновенно свои выкладки и, дернувъ изо всей силы къ себѣ кошелекъ, принялся считать обѣими руками.

„И даже безъ вычета, сказала Беапа, полагаю каждый каролинъ шолько въ пять шалеровъ.“

О ты, источникъ милосердія, Всевышній! забормошалъ восхищенный сипарикъ;— скорѣе думалъ я, что потекунтъ въ наши нищенскіе годы сахарныя рѣки, что кофе никогда не видалъ Левашпа, что аракъ не имѣешъ ни сниршу, ни сахару; все это можешъ сбышь-ся скорѣе, думалъ я, нежели то, что при

заплатѣ годового счета, будущъ причтены и проценны; я имѣлъ дѣло съ Сіятельнымъ! Теперь вижу, что Господь помогаетъ своимъ избраннымъ!“

„Мнѣ въ этомъ помогъ Шпуръ!“

„Право? почтенный Секретарь его Высокографскаго Сіятельства?— гмъ, гмъ.“

„И по моей просьбѣ!“

„Спасибо, спасибо тебѣ!“

По этому я хочу просить васъ, милый дядюшка.

„О чемъ?“ пороново спросилъ дядя съ выпянувшимся на аршинъ лицомъ.“

„Графиня уговорила меня играть на ихъ домашнемъ театрѣ.“

„Что? чиво?—повпоришь нѣсколько разъ испуганный Демлейвъ—играть! на театрѣ! О, саваннинское порожденіе! О прельщеніе мірское! Въ адской пропасти, на раскаленной рѣшешкѣ будешь играть ны!“

„О терпѣніе, терпѣніе!“ невнятно прошептала Беапа.

„Играешь! играешь! Гдѣ у тебя спрахъ Господень, гдѣ слыдъ дѣвическій? вершѣшься около мужицъ, цѣловашься съ ними! Прищворенно, ложь, обманъ въ душѣ и въ движеніяхъ, разсумненное лице, неумѣстные наряды!

Но, Боже мой,—прервала съ досадою Беапа: вѣдь съ нами играешь и Господинъ Ванце.

Лемлейнъ не могъ произнести ни слова; дыханіе сперлось въ груди его; но скоро онъ пришелъ въ себя — и брань снова полилась рѣкою . . .

„Безбожный, лживый языкъ! Какъ смѣешь ты порочить это чистое, непорочное существо! Мой безцѣнный Ванце, усердѣйшій посяпитель церкви, неутомимый въ запыліяхъ, пламенный проповѣдникъ въ нашихъ благочестивыхъ собраніяхъ, и онъ можетъ! и онъ дерзнетъ! . . . Съ глазъ моихъ, сатана! . .

„Если вы не вѣрите мнѣ, сказала огорченная Беата, схвативъ одною рукою свѣчу а другою ручку двери,—по спросите его завтра сами.“

„Спрошу,—ворчалъ ей въ слѣдъ упомянутый крикомъ старикъ—и если ты солгала, то я заспаваю тебя поспишься цѣлый день, даже вечеромъ ты не брякнешь у меня ни разу на форшепіаво твои шникъ, шнакъ, шнукъ!“

А р в у з ь.

Беата стояла еще у открытаго окна; свѣжій, полнотный воздухъ прохладдалъ волнованную грудь ея;—сквозь слезы смотрѣла красавица на верхнее жильѣ Графскаго зѣмка, опшуда сладостные звуки флейшы проникали въ ея сердце. Вдругъ въ мрачной тишинѣ ночи, раздался жалобный призывный голосъ ея любезнаго дядюшки, походившій на

мяуканье голодной кошки. Быстро спорхнула Беата въ комнату дяди, по давно знакомой лѣшницѣ и очутилась въ объятіяхъ сшарика.

„Боже мой, что съ вами?“ спросила испугавшаяся красавица.

Посмотри, посмотри! пищаль поблѣднѣвшій опъ сшраха Лемлейнъ, толкая ее въ въ полу-разшворенную дверь спальни;—посмотри, мой ангель-хранитель! Смерть, чорть! Посмотри: идетъ, идетъ! О мои денежки, мои любезныя денежки! . . Нѣтъ, впередъ никогда, не стану разжижатьъ водою сшропъ, дѣлать тяжелѣе кофе и обсшныивать поселянъ при сдачѣ денегъ!

Ошоропѣвшая сначала, но вскорѣ ободрившаяся, Беата заглянула въ спальню: ошпуда большая, прозрачная голова, горѣвшая адскимъ огнемъ, скалила свои блестящіе зубы. Беата едва могла удержаться опъ смѣха.

„Помиришесь со мною, дядюшка, сказала она: — позвольте мнѣ играть на Графскомъ театрѣ и я, изъ любви къ вамъ, поражу это сшрашилище! .

„Согласенъ, мое сокровище! согласенъ! . говорилъ дядя, расшпыривъ руки, только съ условіемъ; *sub conditionibus*.“

„На примѣрь?“ спросила боязливо Беата.

„Чтобы Ванце игралъ также съ вами, и

чпобъ всѣ съѣснныя припасы для этого праздника были взяты у меня.“

„Соглашаюсь.“

„И чпобъ я получилъ шеспѣ билепоу для продажи, по какой мнѣ угодно цѣнѣ.“

„Не соглашаюсь и иду въ мою комнату.“

„Оспанься, злодѣйка! Я позволяю! только поди ты, Вельзевулъ, и прогони чорпа.“

Храбро пошелъ миловидный Вельзевулъ въ ужасную спальню и возвратился опшуда съ громкимъ смѣхомъ. Еще болѣе заоспирился кончикъ носа любезнаго дядюшки, гораздо ярче заблестали глаза его: Беапа въ лѣвой рукѣ держала зажженую восковую свѣчу, а въ правой пущой арбузъ, представлявшій столь ужасную для спарика голову. —

Р о з а.

„Что это?“ спросилъ дядя Беапу на слѣдующе утро, когда она принесла ему дымящійся цикорій. Чшо это? повпторилъ онъ, указывая на ея пышную грудь своимъ желтымъ, изсохшимъ пальцемъ, украшеннымъ огромнымъ ногтемъ.

„Здрастуйте, милый дядюшка, хорошо ли вы почивали послѣ вчерашняго спраха?“ спросила племянница, прерывая вопросъ спарика.

„Что это?“ повпторилъ еще разъ вопрошатель окшавоу выше, и сѣрые глаза его засверкали . . .

„Ахъ, вы говорите о цвѣнкѣ; его мнѣ подарила вчера Графиня Аделаида.“

„Цвѣшокъ? Rosa Centifolia, въ Декабрѣ? кошорая стоишь, по крайней мѣрѣ, черво-нецъ? Ее подарила тебѣ Графиня? И ты хочешь меня увѣришь? Но вчера я не видалъ да тебѣ розы! . . ты лжешь! . .“

„Вчера вы были такъ сердиты на меня, и такъ восхищены присылкою денегъ, что могли не замѣтить цѣлаго цвѣшника.“

„Вопъ что? . . смѣшь такъ дерзко опвѣчать мнѣ! Не правда, эта роза прислана по-сѣ! Подай мнѣ ее.“

„Нѣшь, дядюшка, ни за что въ свѣтъ!“

„Нѣшь? теперь я догадываюсь! Ыо каролиновъ, вскричалъ онъ, поднимая вверхъ свершокъ денегъ, полученныхъ имъ вчера и обрѣзанныхъ уже при первомъ блескѣ упренней зари—держу Ыо каролиновъ противъ истерпаго крейцера, что шотъ самый въ-перъ, кошорый дунулъ въ комнату, когда я опворялъ дверь, занесъ ко мнѣ въ спальню проклятый арбузь, а къ тебѣ эшу Декабрьскую розу.“

„Какая странная мысль, дядюшка!“ прошептала Беата и щеки милой дѣвушки разгорѣлись ярче и прекраснѣе самой розы, на кошорую она, сознаваясь внутренне, что дядя правъ, опустила свои черные, блестящіе глаза.“

(Продолженіе въ слѣдующемъ Но.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

С О В Ъ Т Ъ Д Р У Г У.

Покинь ревнивыя мечты,
 Не укоряй ее напрасно.
 Сей дѣвы гордой и безспрастной,
 Повѣрь, плыпишь не можешь ты.
 Брось неумѣстную досаду
 Не предавай себя на смѣхъ;
 Опъ плапоническаго чаду
 Бѣги и знай: она изъ пѣхъ,
 Кошорыхъ умъ власполюбивый
 Въ любви рабство зрѣшь привыкъ;
 Для конхъ приторенъ и дикъ
 Языкъ ея краснорѣчивый:
 Нужда ль, что сна мы лишены
 И что опъ слезъ подушка взмокла?
 Себялюбивыя хладны
 Какъ зажигапельныя спѣкла.

В. Щастный.

Л О К О Н Ъ.

(Музыка соч. П. Макарова, въ концѣ сей книжки.)

Любви волшебной силой
 Я въ горестъ погружень,
 Съ пѣхъ поръ, какъ съ Лизой милой
 Судьбою разлучень.

Прощаясь, подарила
 Мнѣ два локошъ свой,
 И нѣжно говорила:
 »Не измѣню душой!

»Какъ даръ воспоминанья
 Ты локошъ мой храни;
 Дни сладкаго свиданья —
 Придутъ блаженства дни.«

Въ разлукъ съ незабвенной,
 Я шумный свѣтъ забылъ;
 И славу жизни пыльной
 И радость разлюбилъ. —

Пѣвецъ, пѣвецъ упылый!
 Ты долженъ вѣрнѣ быть;
 Близъ сердца локошъ милый,
 А въ сердце скорбь хранишь.

Н.— Л.—

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

25) *Погребеніе купца, или два одно другому против-
 ныя завѣщанія для наследниковъ (2) сочиненіе Алек-
 сандра Орлова. 1831. Москва, въ типографіи Н. Сте-
 панова. въ 8 д. л. 19 стр.*

Что вы о дальніе попомки,

Помыслише о нашихъ дняхъ!

когда какой нибудь Анастасевичъ времянь грядущихъ
 опыщеть въ пыли древней библіотекки, или въ лав-

къ букиниста книжицу, которой заглавіе мы выпи-
ли и докажемъ вамъ печатнымъ, что въ лѣто онѣ
Рождества Христова 1851, когда Россія гордилась
исполненіемъ своими виагами на поприщѣ просвѣ-
щенія, печатались въ Москвѣ стихи, подобныя слѣ-
дующимъ:

Смертьъ душу выпявши, вопъ, разомъ у купца;

И ужъ пошла было съ передняго крыльца . . .

или:

Не опускай людей съ голодными чревами,

А то вѣдь худо мнѣ и въ гробъ за досками!

Въ шаръ, шаръ, шаръ проклянуть. Вѣдь

Вопъ де мы пришли.

А прежнихъ ужъ пировъ, какъ было, не нашли

или:

Когда скажешь: нѣтъ! по чудо создалъ свѣтъ.

или . . . . . по довольно: щадимъ чинашелей. Что
жъ подумаютъ пошомки? Они подумаютъ, что въ
наше время не было литератора, котораго бы кровь
кипѣла благороднымъ негодованіемъ при видѣ этихъ
уродливыхъ произведеній, срамящихъ нашу словес-
ность; который бы ѣдкою лозою критики спегалъ
безъ милосердія бумагомарателей, не чувствующихъ
своего ничтожества и пишущихъ стихи, не зная пра-
вилъ словоупотребленія. Намъ нельзя даже утѣшаться
мыслію, что Гомеры, Тациты и Гораціи, дошли до
нашихъ временъ, а Бавин и Мевин погрязли въ пучинѣ
вѣковъ: книгопечатаніе равно передаетъ попомству
и безсмертныя созданія высшаго гения и без-

смысленное произведєніе самаго жалкаго стихокропашеля . . . . .

Когда избавитъ насъ Творецъ
отъ сочиненій Г. Александра Орлова и ему подобныхъ!

О.

С М Ъ С Б.

Въ 1829 году умеръ въ Стутгардѣ Актеръ, игравшій *наперстниковъ*. Онъ жилъ въ нищетѣ, на чердакѣ; а по смерти его нашлось у него 72,000 талеровъ (слишкомъ 200,000 рублей.) Этого наперстника былъ, безъ сомнѣнія, богаче всѣхъ своихъ мишурныхъ героевъ.

Н О В О С Т И.

Театръ *колической оперы*, въ Парижѣ, былъ недавно театромъ буйныхъ и некомическихъ явленій: нѣкоторые изъ зрителей, во время предспавленія, требовали, чтобы актеры пропѣли національныя пѣсни, и, когда требованіе сіе не было исполнено, пустили на сцену градъ яицъ и гнилыхъ яблокъ.— Префектъ Полиціи обнародовалъ, въ слѣдъ за симъ, постановленіе, которымъ подтверждено не пѣть на сценѣ того, что не объявлено въ афишахъ.

Въ Лондонѣ имѣла большой успѣхъ новая опера: »Catharine, or the Austrian captive.« Музыка къ этой оперѣ сочинилъ Лордъ *Бургеръ*, племянникъ Веллингтона.

Въ одномъ изъ Парижскихъ театровъ свирѣпствуетъ нынѣ *Cholera morbus*. Такъ называется новая комедія, которую съ успѣхомъ даютъ на театрѣ новостей, (*Théâtre des Nouveautés*.)

Дилижансъ, отправившійся изъ Ливерпуля въ Глазгоу, пропалъ безъ вѣсти: кучеръ и смотритель найдены на дорогѣ мертвыми; о пассажирахъ же, каретѣ и лошадяхъ нѣтъ ни малѣйшаго слуха.

Въ Лондонѣ вышла впрочемъ часпѣ записокъ Лорда Бейрона, изданныхъ Томасомъ Муромъ. — »Въ 1814 году, говоритъ Бейронъ, поѣхалъ я съ Т. Муромъ, котораго справедливо называютъ поэтомъ *par excellence*, объѣздить къ Графу Грею. Муррай (извѣстный книгопродавецъ) прислалъ мнѣ, не знаю для чего, листки Яванскихъ вѣдомостей, въ то самое время, когда мы сѣли въ карету. Изъ любопытства я заглянулъ въ эти листки и нашелъ въ нихъ споры о литературныхъ заслугахъ Томаса Мура и monkъ. — Если бъ я былъ въ Яванѣ, то избавилъ бы Гг. тамошнихъ рецензентовъ отъ труда обо мнѣ спорить. Но въ двадцать шесть лѣтъ отъ роду, такая слава!

Александръ Македонскій завоевалъ уже, въ этомъ возрастѣ, Индію, но я сомнѣваюсь, чшобъ о немъ тогда спорили, или сравнивали завоеванія его съ завоеваніями Бахуса.—Довольно уже славы—быть названу вмѣстѣ съ Томасомъ Муромъ, еще болѣе славы и дѣли съ нимъ въ сравненіе, но несравненно болѣе удовольствія быть съ нимъ! . Спранный случай: мы обѣдали вмѣстѣ тогда, какъ спорили объ насъ по ту сторону экватора.»

СО Д Е Р Ж А Н І Е №. XXIV.

ИЗЯЦНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Любовныя Шупки. (Повѣсть Фанъ-дерь-Фельда, на заданныя слова.) *Стихотворенія:* Совѣтъ другу; соч. В. Щастнаго. Локонъ. **БИБЛЮГРАФІЯ.** Погребеніе купца. **СМѢСЬ.** **НОВОСТИ.** **НОТЫ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдельнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 21 Марта 1831 года.

Ценсоръ П. Гавскій.

ЛОКОНЪ.

Музыка П. Макарова.

Слова Н. Л.....

СА НТО.

Рлю-бви вол-ше-бной си-лой, я въ го-рещь по гру-

Р I А Н О.

- жень, съ шѣхъ поръ какъ съ Ли-зой ми-лой судь-бо-ю раз-лу-

- чень, судьбо-ю раз-лучень.

С.-ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А.

Л Ю Б О В Н Ы Я Ш У Т К И.

(ПОВѢСТЬ ФАНЪ-ДЕРЪ-ФЕЛЬДЕ, НА ЗАДАННЫЯ СЛОВА.)

(Продолженіе.)

С У Ф Ф Л Е Р Ъ.

„Спиранно? продолжалъ шорганъ. Но теперь, нечему удивляться: по всему видно, что я имѣю дѣло съ Еввою и прельстипелсмъ эмѣемъ, что здѣсь идетъ дѣло о запрещенномъ яблोकъ, лакомомъ кусочкѣ лакомокъ - женщинъ.“

„Налишь ли вамъ еще?“ спросила Беапа, желая прервать не со всѣмъ пріятный для нея разговоръ.

„Лучше соглашусь сперечь дюжину козь, нежели одну женщину!“ проворчалъ дядя, подавая ей чашку.

„О терпѣніе, терпѣніе!“ со вздохомъ произнесла Беапа.

„Но нѣтъ, я уже упомянулъ тягоспную должностью паспыря, и передамъ ее посред-

спвомъ золошаго обручика и паспырекаго благословенія, хранишлю церковной кассы и негоціанту Ванце.

„Боже мой!“

„Союзъ твой съ нимъ объявился въ церкви, въ первый разъ, въ слѣдующее Воскресенье.“

„Опъ нынѣ и на вѣки—никогда.“

„Widebitus, сказалъ дядя и миловидный женихъ, сполкнувшись на порогъ, ввалился въ комнату.“

„Хорошо, что вы пришли, мой любезный братъ и сынъ!“ воскликнулъ Лемлейнъ.

„Да, да, вы должны удосповѣринь дядюшку, что и вы также будете играть на Графскомъ театрѣ въ комедіи: *Страсть блистать*.“

Ванце. „Справедливо!“

Лемлейнъ. Чпо? Г. хранишль церковной кассы?“

Беата. „И къ тому же главную роль.“

Ванце. „Совершенная правда.“

Лемлейнъ. „Главную роль? Милосивый государь, не дьяволъ ли поселился въ башу?“

Ванце. „Опъ чего же такъ, мой дражайшій?“

Пусть самъ сашана будешъ вашимъ дражайшимъ! прокряхшль Лемлейнъ, оборонившись къ госпу спиною.

Ванце. „Меня просили такъ долго, такъ

убѣдительно, потому что я имѣю чистый, громкій голосъ и весьма внятно чишаю; могъ ли я онказаться?“

Лемлейнъ. „Но если бѣ васъ соблазнили до того сударь, что вы . . .“

Ванце. „О будьте спокойны, мой высокопочтенный наставникъ!“

Лемлейнъ. И совмѣстно ли это съ вѣрностью къ вашей невѣстѣ, вертѣшься на сценѣ около женщинъ?“

Ванце. „Вовсе не буду даже и приближаться къ нимъ!“

Лемлейнъ. Какъ? да развѣ вы не имѣете главной роли, которая состоитъ въ томъ, чтобы во всю голову кричать, съ жаромъ колотить себя въ грудь и цѣловать женщинъ!

Ванце. О добродѣтельныйшій мужъ! вы въ заблужденіи. Правда, что я взялъ главную роль; мнѣ столько же надобно говорить одному, сколько всѣмъ дѣйствующимъ лицамъ, но особу мою я ни мало не подвергаю грѣховному лицедѣйству.

Лемлейнъ. „Фу, чортъ побери васъ всѣхъ! о Господи просни. Да какого же болвана ты предсказываешь?“

Ванце. „Ха, ха, я суфлёръ!“

О Р Ъ Х Ъ.

„Ну, на это-то я согласенъ,—отвѣчалъ успокоенный дядя:—при томъ же вы можете

бросать бдительные взоры на вашу легкомысленную невесту.“

„Не премину . . .“ сказалъ Ванце, какъ вдругъ зажавъ рукою носъ, съ воплемъ бросился въ отдаленный уголъ комнаты.

„Что съ вами? . . .“ спросила съ лукавымъ участиемъ Беапа.

Горе мнѣ грѣшному; у меня вышибли окно!“ закричалъ спарикъ. — „Какой шамъ чортъ! завопилъ Ванце, указывая на огромный грѣцкій орѣхъ, который лежалъ на полу подъ дребезгами разбишаго стекла.

„Да что же случилось съ вами?“ спросилъ Лемлейнъ.

„Мнѣ нанесено безчестіе посреди самаго лица,“ всхлипывая опвѣчалъ пораженный женихъ. — „Я долженъ предсавлять Суалёра съ чернымъ пласшыремъ!“

„Эпо вѣрно сшалилъ Бепхеровъ мальчикъ! вскричала Беапа, подымая орѣхъ. Онъ уже не въ первый разъ проказничаетъ; я пошлю за нимъ, онъ долженъ извиниться передъ вами, Г. Ванце.

Она выпорхнула изъ комнаты, чтобы въ сѣняхъ на сквозномъ вѣпрѣ и на морозѣ прочесть спранныю депешу, содержаніе копторой она предъугадывала. Беапа не обманулась.

Въ орѣхѣ, наполненномъ свинцомъ, находилась записка отъ ея Штурма, слѣдующаго содержанія:

„Любовь и неперитивіе, родия между собою. Тщешно пышался я проволочить время до сегодняшняго послѣ-обѣда, не видя себя милая Беапа;—не возможно, и если бь при входѣ, лежалъ какъ церберъ самъ несносный Ванце, по и шупъ я бы пробрался къ тебѣ. Когда ты освободишься онъ присушествія твоего дяди на четверть часа, по увидишь, хопи въ другомъ видѣ, но съ тѣмъ же постоянно любящимъ сердцемъ твоего Роберта.

К Р Е М Е Н Ь.

Записка полетѣла за корсень, скорлуна въ соръ, а Беапа къ своимъ мучицелямъ, копорые не преминули прочищать ей проповѣдь и объявили, что они намѣрены постыпить дряхлую, лежащую на смертномъ одрѣ ханжу, чтобы для блага кассы ихъ браислива и ко вреду бѣдныхъ опсупсивующихъ родственниковъ, выманить у больной духовное завѣщаніе.

Они опправились; вздыхая, слѣдила Беапа ихъ глазами до самаго угла дома, но радостно забилося сердце ея, услышавъ привѣтливый звонъ колокольчика въ сѣняхъ дядиной лавки. Быстро выскочила она и — на груди ея лежалъ спашный егеръ, коего уже давно знакомый красавицѣ догъ ласкался, прилегъ къ ея ногамъ; между тѣмъ изъ подъ соболей шапки, покоились на ней огненные глаза ея Штурма.

Соединивъ уста съ устами, они провели

райскіе четверть часа, забывъ и спараго скрягу и увѣчнаго жениха. Восхищенная дѣвушка ввела своего любезнаго въ комнату и розовые уста ея снова прильнули къ губамъ юности, какъ вдругъ сжатый кулакъ Лемлейна и распухшій ярко-красный носъ Ванце показались изъ-за полу-отворенной двери.

„Что шамъ шакое?“ забормопалъ дядя и довольно смѣлое „эге“ вырвалось изъ устъ шруса-жениха.

„Что тебѣ надобно!“ спросилъ грозно спарикъ у Штурма и подперся въ бока обѣими руками.

„Я егеръ Графа Шпейнбруха, прогремѣлъ сму въ отвѣтъ Штурмъ — вопль видише, я потерялъ кремень изъ курка, да и зашелъ къ вамъ въ лавку купить новый.“

Ну? закричалъ Лемлейнъ, обранная весь гнѣвъ свой на Беатру—гдѣ же ны ищещъ; да развѣ здѣсь, помилуй! въ шой комнатѣ, сударыня, въ шкафѣ, въ зеленомъ ящикѣ, подъ No. 10.

„Смошрѣшь сюда! загремѣлъ ужаснымъ басомъ егеръ и такъ сѣльно ударилъ прикладомъ о полъ, чпо затряделись стѣны, и члены священнаго брацесва зашренешали.— „Слушаешь! чтобы ввернуть новый кремень, мнѣ нужно было продѣть въ замокъ отвертку!“ при сихъ словахъ егеръ вдругъ сунулъ имъ подъ носъ ружье; опъ чего они, и безъ шого приходя въ ужасъ при одномъ возрѣніи

на смертоносное оружіе, разбѣжались по разнымъ угламъ комнашы.

„Видимъ и вѣримъ!“ жалобно раздалось изъ обѣихъ угловъ комнашы:

„Въ эту проклящую погоду у меня окоченьли руки; ну, я и попросилъ мамзель, чтобы она позволила мнѣ немножко посогрѣться. Понимаете ль?“

„Все, все, дражайшій другъ человѣчества!“ пропищала Лемлейнъ—только, ради создателя, не держите такъ спрашно стволъ ружья прошиву насъ!

„Съ ума что ли ты спятилъ, вѣдь это прикладъ!“

„Но все таки, какъ нибудь!“ осмѣлился доложить егерю Г. Ванце, ужасно хлопая зубами и сложа крѣспообразно руки.

„Да вѣдь прикладъ-то не заряженъ.“

„На грѣхъ нѣтъ мастера, пожалуй и изъ палки выстрѣлитъ, завылъ, поднявъ къ небу умилищельные взоры, дядя, и егеръ, улыбнувшись, вышелъ изъ лавки.

З а я ц ь.

Съ суровымъ и спрогимъ видомъ приговлялся дядя снова начать предназначенное Боатъ увѣщаніе, а та уже умоляла въ тишинѣ Небо о ниспосланіи ей долготерпѣнія, какъ вдругъ просвѣтлѣло лице дражайшаго родственника, и взоръ его, блистая лучами радости, устремился неподвижно на зайца,

котораго привезъ егеръ для довершенія очарованія въ костюмъ своемъ, и потомъ при появленіи членовъ священнаго братства позабылъ на столѣ.

„Эге, вошъ прекрасное и при томъ весьма дешевое праздничное жаркое: пробормопаль Лемлейнъ и съ жадностію кинулся на добычу. Къ несчастію великанъ Бруно, (который не послѣдовалъ за своимъ Господиномъ; но не будучи никѣмъ замѣченъ, оспался караулить забытаго зайца,) быспрѣе молніи бросился на восхищеннаго спарика, схватилъ его за ворошъ, ударилъ о полъ и не причиняя ему ни малѣйшаго вреда, держалъ его, какъ левъ.

„Вошъ съпи, распавленный злодѣемъ егеремъ.“ вздыхалъ, сказалъ Ванце, не двигаясь впрочемъ съ мѣста на помощь своему благодѣтелю! „О пресвятая дѣва!“ просипоналъ поверженный на полъ ханжа. „Бруно!“ крикнула ласково Беата, и догъ послушный прекрасному и знакомому голосу, махая хвостомъ, припащилъ къ ней полумертваго дядю. Потомъ кинулся бѣжать за своимъ господиномъ; Лемлейнъ весь облесился иластыремъ; а заяцъ, какъ взятая съ бою добыча, былъ зажаренъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ Но.)

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я .

Г О Д У Н О В Ъ .

Д РА МА Т И Ч Е С К А Я С Ц Е Н А . (*)

Золотая Палата. *Годуновъ* на тронѣ. Возлѣ него
сыпь его, Царевичъ *Теодоръ*, по скамьямъ сидитъ
Бояре: ближе къ трону: *Князь Шуйскій*, *Мстислав-*
скій, *Царевичъ Сибирскій*, предъ трономъ стоитъ *Царь*
Касимовскій.

Ц А Р Ъ К А С И М О В С К І Й .

Державный Царь! Россіи обладатель!
Царь, Богомъ избранный, вѣнчанный славой!
Ты далъ Касимовъ мнѣ и Царскій санъ,
И призванный тобой, твоей вѣрный данникъ —
Предъ свѣтлое Величество твое —
Предсталъ.

Г О Д У Н О В Ъ .

Уразь Магметъ! я вѣрность
Умью чинить. Ты заслужилъ мой даръ
И милость оправдалъ. Благодаримъ
За преданность и ревность къ нашей славѣ.
Ты Царь по доблести и намъ сподвижникъ.

Ц А Р Ъ К А С И М О В С К І Й .

Я волю чпу твоею, служу тебѣ!
Съ Касимова Ташарскіе полки —
Идушь уже къ Москвѣ, и съ ними я
Готовъ разить, смиришь твоихъ враговъ!

(*) Сего сценою Сочинитель предполагалъ начать трагедію
Годуновъ. Нѣсколько явленій сей трагедіи были прежде на-
писаны имъ въ шестисопныхъ ямбахъ съ рифмами, но
пятисопные стихи безъ рифмъ нынѣ предпочитаютъ
для трагедій, представляя болѣе удобства къ выраженію
мыслей.

Г О Д У Н О В Ъ.

Не скудепъ Русскій Царь полками храбрыхъ!
 Ты зришь сыновъ вождей гнѣхъ знаменитыхъ.
 Чьей дланію разрушена Казань!
 Здѣсь видишь ты Царевичей Сибири
 И Воеводъ, прославленныхъ дѣлами,
 Здѣсь Князь Мстиславскій, Князь Василій Шуйскій.
 Но если я—зову тебя въ путь ратный,
 Магметъ! я тѣмъ почишь тебя желаю,
 Такъ! случай къ подвигамъ славнѣй награды,
 Лестнѣй вѣнца для доблестныхъ душой.

Ц А Р Ъ   К А С И М О В С К І Й.

Будь Божій гнѣвъ на пасъ, а мечь падь нами,
 Когда мы словъ своихъ не оправдимъ.

Г О Д У Н О В Ъ.

Не силы я, а хитрости спрануся,
 Не въ храбрыхъ я нуждаюсь, въ осторожныхъ.
 Ты видишь: Шуйскаго въ Москву я призвалъ
 Изъ сипана, гдѣ онъ праздновалъ побѣду.
 Не силой онъ, а мудросью мнѣ нуженъ
 Смирить крамольныхъ; подвиги другіе —
 Здѣсь предстоятъ ему: Москву волнуютъ.
 Посѣяны въ народъ плевелы
 Россіи ненавистнымъ Сигизмундомъ.
 Князь Шуйскій вразумитъ народъ; измѣну —
 Я опрокину самъ, и въ прахъ падеть
 Создаще Сигизмундово!

Ц А Р Ъ   К А С И М О В С К І Й.

Вели,

И двинися Россія за побѣою!

Г о д у н о в ъ.

Но правящій судьбой Царей и Царствъ —
Богъ, нынѣ насъ бѣдами наказуешь.

Ц а р ь К а с и м о в с к і й.

Ты грозилъ былъ врагамъ, не извлекая
Меча.—О Царь! я видѣлъ подь Коломной
Великопщій спань, гдѣ ны Гирея
На битву ждалъ, безъ битвы побѣдилъ.
Величіе швое его смирило,
Могущесиво—безъ брани успрашило,
Ты шелъ на бой, и началъ торжесивомъ,
Тамъ шесть недѣль полки швой пируя —
Враговъ своихъ на пиръ кровавый звали;
Ханъ раговашъ не смѣлъ съ швоею силою —
Безчисленной; — бѣжалъ Гирей.

Г о д у н о в ъ.

Такъ было,

Но нынѣ плѣшетъ здѣсь раздоръ, подь пепломъ огнь,
Тамъ люшая свирѣпшвуетъ бользнь,
Тамъ голодъ, моръ, злодѣй-грабисель Хлопко;
И чтожъ? чернецъ—внесъ буншъ въ мои предѣлы
Давно бъ его я сперъ съ лица земли,
Но я презрѣлъ разспригу Самозванца,
Всѣхъ силъ моихъ подвигнушъ не желалъ,
Съ Опрепьевымъ я раговашъ спыдился
Въ Москву ко мнѣ я нынѣ ожидаю
Опъ Даніи и Швеціи Пословъ,
И Англія—чпшшъ дружбу Годунова!
Когда бъ желалъ, по слово линшъ сказать,
Мнѣ помогла бъ сеспра Елизавеша,
Но мнѣ ль пойши съ Европой на разспригу?

На призракъ Сигизмундова коварства?
 Оружіе на Польшу я имѣю;
 Магменъ! въ тебѣ не спынець кровь Батыйя!
 За пронь, который мной тебѣ дароваць, —
 Иди, и покажи врагамъ, что Царь
 Касимовскій,—пы воинъ Годунова.

Ц А Р Ъ К А С И М О В С К І Й.

Я впоргнулся съ Таптарскими полками
 Въ ряды враговъ; засыплю тучей спрьль!
 Коиями попопчу!—Великій Царь!
 На завпра же—я съ войскомъ соединюсь.

Г О Д У Н О В Ъ.

Сегодня пиршество съ побой раздѣлимъ
 Нашъ вѣрный другъ, а завпра взявъ съ собою:
 Царевичей Казацскихъ,—собери
 Ошважныхъ къ брани—смѣлый предводитель,
 Побѣдой ушчпоживъ Самозванца.

Ц А Р Ъ К А С И М О В С К І Й.

Велико мнѣ твое благоволенье
 Державный Царь! блиспай изъ рода въ родъ,
 Надъ силою противныхъ торжешвуя;
 Да все тебѣ народы покоряшя,
 Да Царская рука твоя прострешя —
 Опъ моря къ морю, съ высоты престола,
 И отрасли твои надъ цѣлымъ міромъ —
 Да процвѣшущъ и вознесушя славой!

Ф.

Б И Б Л И О Г Р А Ф И Я.

26) *Сиротка, литературный альманахъ на 1831 годъ, изданный въ пользу заведенія призрѣнія бѣдныхъ сиротъ.*—Москва, въ типографіи С. Селивановскаго, 239 стран. въ 16 д. л. — Десять статей въ прозѣ и тридцать два стихотворенія составляютъ альманахъ сей—*Отступленіе Французской арміи и походъ на Визьму* (отрывокъ изъ исторіи 1812 года), соч. Ѳ. Н. Глинки, *Письмо изъ-за границы*, О. М. Сомова и *Дошина мертвецовъ*, (отрывокъ изъ новаго романа), Г. Ложечникова, — вотъ лучшая проза альманаха. — *Письмо изъ Москвы* А. Галахова и *Торжество въры*, анекдотъ, рассказанный Д. Бантышевымъ-Каменскимъ опличаются, если не чистотою слога, то по крайней мѣрѣ, чистотою мыслей. — Малороссійскій анекдотъ *Петрусь* былъ бы еще занимательнѣе, если бы не песнрило его какое-то чудное смѣшеніе языковъ Великороссійскаго съ Малороссійскимъ. — *Прогулка въ окрестностяхъ Москвы*, едва ли понравилась бы читателямъ и въ 1770-хъ годахъ: что-то похожее на эту прогулку напечатано въ *Чертополохъ*, изданномъ на все текущее ХІХ столѣтіе; приведемъ образчики слога: стран. 88: »Куда пойдешь ты, спросила ты; куда поведешь меня гений хранишель. Опивчалъ я,—и обрзу съ вѣжюнопечипельной дружбою мы шли, не чувствую успалосни.« Стран. 90. »Смирнись сильныя земли, ободрись угнешенныя! Сіе хранилице разрушенія и пламя, сей союзникъ смерни, и сама смерть, властительница жизни, среди васъ, и, какъ праведный примиритель слабости съ силою, нужды съ изобиліемъ, ничпожества съ величіемъ, власни съ покорностию, свободы съ неволюею всехъ и каждаго, въ часъ назначенный влечешь къ себѣ и всехъ смѣнишь въ одинъ прахъ! « Стран. 93—94. »Внезапной прешеть, какъ ударъ молни, попрясь весь соснавъ мой ии положилъ молчаніе на успахъ моихъ. Руки моидрожали, и я слышалъ голось цѣпей, которыми онъ были опутаны!«—Но довольно выписывать. Далѣе читатели сами найдутъ: двѣ скромности, съ голубыми взорали,—*Всепромыслительную премудрость*, и другія диковинки.—Въ pendant къ этой *Прогулкѣ*, напеча-

тѣна въ разбираемомъ нами альманахѣ *теорія поклоновъ В. Андроссова*; но мы не ошдадимъ за нее поклона авиору! —

Изъ 52-хъ стихотвореній, кромѣ нѣсколькихъ небольшихъ пьесокъ А. С. Пушкина, Барашинскаго, Ки. Вяземскаго и О. Н. Глинки, все оспальное не перешло за черту златой посредственности, — многое даже не дошло и до эпои черты. —

Къ Альманаху *Сиротка* приложена особая брошюрка попь.

Благородная цѣль, съ какою издашь альманахъ сей, заснаваяла надѣянсья, что Русская Публка явитъ новый примѣръ усердія и готовности помогать сираждущимъ соотечественникамъ; какъ же удивилсь мы, не насчилавъ, по приложенному къ альманаху реестру и 180 подписчиковъ! . . Бѣдыя сироты! . бѣдная сиротка! .

С М Ъ С Ь.

Ж О З Е Ф И Н А Д Ю Ш Е Н У А.

Жюзефину Дюшенуа можно назвать едва ли не первою прагматическою актриссою во Франціи! По крайней мѣрѣ никто еще не превзошелъ ее, никто еще не сравнился съ нею! Эта артистка, мастерскою игрою своею обворожавшая Парижскую публку, родилась въ бѣдной крестьянской хижинѣ, въ деревнѣ St. Saulve, близъ Валенсьена. — Conversationslexicon думаситъ вѣдать, что Дюшенуа еще въ дѣтствѣ чувствовала рѣшительную склонность къ театральному искусству; но объ этомъ ничего не знаютъ, не вѣдаютъ во Франціи. Известно только то, что юность дѣвицы Дюшенуа не заклемена порокомъ, и пупъ, которымъ дошла она до сцены, служитъ неопровергаемымъ доказательствомъ побѣдоносной силы рѣдкаго ея таланта.

Противъ обыкновенія простолюдиновъ Франціи, юная Жозефина выучилась читать; — это рѣдкость; и въ нынѣшнее время, особенно, въ Южныхъ провин-

дѣяхъ Королевства, гдѣ миллионы людей низшаго класса незнакомы съ грамотой. — Фортуна отличила дѣвцу Дюшенуа, научивъ ее читать и писать; — она вступила въ услуженіе въ Валесень; потомъ перешла въ Парижъ и заняла мѣсто кухарки у одной известной дамы. Она вела себя отлично хорошо, и когда другія служанки и знакомыя Жозефины, свободные часы, посвящали забавамъ, она предпочитала театръ всѣмъ увеселеніямъ. Тамъ заняла первая нѣкра въ грудь ея; но Жозефина еще, какъ бы сквозь туманъ, едва видѣла свое предназначеніе, — она и не помышляла о томъ, что будетъ нѣкогда украшеніемъ той сцены, кою она такъ сильно трогала ея юную душу! — Съ этого времени, она не пропускала ни одного случая быть въ театрѣ; — купила себѣ пюрсени Расина, читала и перечитывала ихъ до тѣхъ поръ, пока не зашверкала наизусть почти всѣхъ ролей въ его трагедіяхъ. Прочая домашняя челядь, оныя которой не могли скрыться занятія Жозефины, смѣялась надъ бѣдною дѣвушкой; — и скоро узнала обо всемъ госпожа дома: однажды, когда за столомъ едѣло многочисленное общество и нѣкошорыя блюда были приготовлены дурно, одинъ изъ лакеевъ, полагая позабавить гостей, сказалъ, что кухарка занимается болѣе чтеніемъ и декламаціею, нежели спряданіемъ. — Это подспирекнуло любопытство — и послѣ стола бѣдную Жозефину тотчасъ позвали въ залу. — Можно себѣ представить ея замѣшательство, когда объявили ей, что госпожа дома и гости только съ нѣмъ прощающъ ей кухонную оплошность, чтобы она теперь же познакомила ихъ съ своимъ драматическимъ талантомъ. — Напрасно отговаривалась бѣдная, засмѣившаяся Жозефина, напрасно умоляла извинить ее оныи эшою честью; доуки не умолкали! Тутъ, какъ бы оныи ена воспрянулъ духъ ея, какъ бы предвидя, что въ эту минушу оныи впервые побѣдно сорветъ съ себя покровъ и вступитъ на путь, ему предназначенный! . . . Жозефина декламировала многія мѣста изъ Расина и Корнеля, съ такимъ жаромъ и чувствомъ, что привела всѣхъ въ удивленіе. — Общество составляли отличные своимъ умомъ кавалеры и дамы. Впечатлѣніе, какое сдѣлало на нихъ чтеніе Жозефины, рѣшило бу-

душную судьбу ея.—Болѣе другихъ, неподдѣльный талантъ бѣдной дѣвушки заинтересовалъ Г-жу *Монтессанъ* и поэта *Легуве*, одного изъ любезнѣйшихъ ученыхъ Франціи, извѣстнаго прекраснымъ стихотвореніемъ своимъ: «*Le Mérite des Fames*.»—Имъ казалось непростительнымъ оставить такой талантъ безъ образованія, — и *Легуве* вызвался самъ быть наставникомъ *Жозефины*, которая не знала что и дѣлать отъ радости. — Со всею живостію, свойственною Француженкѣ и юнымъ лѣтамъ *Жозефины*, (ей было тогда 17 лѣтъ отъ роду), предалась она ученю, и въ короткое время сдѣлала неимовѣрные успѣхи. Собраніе, бывшее свидѣтелемъ описаннаго нами случая, состояло болѣею частію изъ особъ высшаго класса, и слухъ о необыкновенномъ талантѣ молодой кухарки разнесся скоро по всемъ госпитальнымъ;—образованіе этого таланта долго было для Парижанъ предметомъ разговоровъ.—Но такъ, какъ *Легуве* не любилъ сѣять и, не довольствуясь тѣмъ, чтобы научить *Жозефину* только механизму декламации, хотѣлъ вполне образоватъ ее для ея будущаго званія, а это не могло быть дѣломъ нѣсколькихъ мѣсяцовъ, но, по необходимости, дѣломъ нѣсколькихъ годовъ, — то и общественное вниманіе обратилось вскорѣ на другіе предметы.—Около четырехъ лѣтъ продолжалось ученіе *Жозефины*.—Великодушные покровители ея: Г. *Легуве* и Г-жа *Монтессанъ*, заботились обо всемъ необходимомъ для бѣдной сироты, — и постепенное развитіе рѣдкаго таланта ихъ воспитанницы было лучшимъ для нихъ наградою. На послѣдокъ *Легуве* объявлялъ, что *Жозефина* можетъ уже явиться на сценѣ.—Въ то время (1801), Парижъ изобиловалъ домашними театрами; на нѣкоторыхъ изъ нихъ дѣвица *Дюшенуа* дебютировала съ чрезвычайнымъ успѣхомъ. Ея покровители рѣшились ввести ее на публичный театръ, (*Théâtre Français*.) Но, при опукномъ состояніи Французской сцены, такое предпріятіе встрѣтило не мало затрудненій. Существовалъ (и существуетъ еще) обычай, чтобъ юныя таланты, желающіе выступить на *Théâtre Français*, были образованы старыми артистами сего театра.—Этого не случилось съ *Жозефиной Дюшенуа*, и вопль что было по-

водомъ къ оппозиціи, въ которой болѣе другихъ отличалась Дѣв: *Рокуръ*. Но друзья Жозефины, не взирая на всѣ интриги, успѣли поставитъ на своемъ! . . Г-жа *Монтессанъ* обладала счастливымъ даромъ поэзіи. Изъ недавно оконченнаго ею стихотворенія, читали отрывки въ ея гостиной, гдѣ Дюшенуа, бывшая всегдашнею гостьюю, обыкновенно читала эти отрывки, — и это чтеніе сопровождалось всегда громкимъ рукоплесканіемъ. Въ числѣ слушателей бывала черѣдко и Жозефина Бонапарте, супруга перваго Консула. Она приняла участіе въ юномъ, гонимомъ талантѣ, и, по ея ходатайству, дано отъ Министра комитету *Французскаго театра* приказаніе допустить дѣвицу Дюшенуа къ дебюту. Нечего было дѣлать противъ такого приказанія; должно было покориться необходимости; но противная партія успѣла однако же въ томъ, что первый дебютъ дѣвицы Дюшенуа назначенъ былъ въ Версали. — 4 Іюля 1802 года молодая артистка явилась на Версальскомъ театрѣ въ *Федръ*, любимомъ твореніи любимаго ея поэта. Сверхъ многочисленнаго спеченія обыкновенной публики, первыя скамьи партера, въ этотъ вечеръ, представляли необыкновенное явленіе. Дѣвица Дюшенуа была богата бѣдными родственниками. Она не стыдилась ихъ, и пригласила всѣхъ, кого только могла вспомнить, въ Парижъ, чтобы присутствовать при ея дебютѣ, и явились весьма многіе въ своемъ странномъ, Фландрскомъ костюмѣ. Изумленіе и радость этихъ добрыхъ людей, привыкшихъ видѣть свою Жозефину въ кухонномъ передничкѣ, — и теперь увидѣвшихъ ее въ пурпуръ и блестящей діадимѣ, были неописанны и произвели комедію въ трагедіи. Но при всемъ томъ восторгъ публики и громкія одобренія дебютанткѣ, не были двусмысленны — и 12 числа того же мѣсяца, Жозефина съ шоржествомъ вступила на *Французскій театръ* и дебютировала опять въ роль *Федры*. Дебюты ея продолжались безостановочно съ 12 Іюля по 9 Ноября: она играла восемь разъ *Федру*, пять разъ *Герміону*, четыре раза *Роксану*, два раза *Селирамиду* и два раза *Дидону*. 9 Ноября заключились ея дебюты восьмымъ представленіемъ *Федры* . . Восторгъ публики былъ нео-

писантъ, по окончаніи піэсы Жозефину единодушно вызвали на сцену, бросили ей лавровый вѣнокъ, и шумъ не умолкалъ до пѣхъ поръ, пока не возложили эпошь вѣнокъ на Жозефину.

(Окончаніе въ слѣдующемъ Но.)

Н О В О С Т И.

Одинъ изъ Парижскихъ публичныхъ листовъ отзывается слѣдующимъ образомъ о-извѣспѣйшихъ пѣнъ, Корифейхъ Италіанской оперы, *Лаблашиъ Давидъ* и *Малибранъ-Гарции*. Г-жа *Малибранъ*, юная и оплечная пѣвица употребляетъ во зло силы своего голоса и испощаетъ его преждевременно. Безпрестанная смѣсь головного голоса съ груднымъ, смѣсь, копорую Г-жа *Малибранъ* употребляетъ въ своемъ пѣнн, дѣйствуетъ разрушительно на ся прелестный органъ. — Правда, что такое искусственное разиространеніе объема голоса придастъ Г-жѣ *Малибранъ* много блеска на сценическомъ поприщѣ; но блескъ сей покупается слишкомъ дорогою цѣною: неизбѣжною и безвременною потерею эшого голоса. *Лаблашиъ*, достойный удивленія артистъ въ торсезих d'ensemble, своею игрою побѣждаетъ всѣ сценическія трудности, и голосомъ покрываетъ, такъ сказать, не только прочихъ, поющихъ съ нимъ артистовъ, но даже весь оркестръ. Природа создала его великимъ пѣвцомъ. Воспитаніе и неупоминное прилѣжаніе вполне образовали талантъ его. Не одно пѣніе и сольфеджіо были предметомъ ученія *Лаблаши*: пѣнъ, его занимала вообще вся неизмѣримая область звуковъ. Онъ не только играетъ на многихъ инструментахъ, но еще коронко

знакомъ съ Генераль-Басомъ, и сочинилъ довольно нѣтъ для пѣнія и оркестра. — Рѣдкое знаніе сцены, почти невѣроятна вѣрный взглядъ на драматическія приличія и споль же вѣрное чувство пѣхъ приличій, выказываются всегда въ эпюмъ артинепъ. Трагически-благороденъ въ роляхъ серьезныхъ, развязенъ и ловокъ въ демихарактерныхъ, *Лаблаши* до чрезвычайности забавенъ въ комическихъ, не унижаясь однако же никогда до грубыхъ фарсеовъ. — Словомъ, съ какой бы стороны ни спали смотрѣнъ на паланпъ *Лаблаша*, всегда увидятъ въ немъ рѣдкое соединеніе величайшихъ вокально-инструментально-музыкальных и драматическихъ способностей, — соединеніе, едва ли бывшее когда удѣломъ какого либо артиниспа. — Сорока двухъ-лѣшняго *Давида*, можно назватъ занимательною руиною нѣкогда чрезвычайнаго паланпта. Его, еще, юношескій жаръ напоминаетъ иногда о прекрасномъ, цвѣтущемъ его времени; тогда, какъ старѣющій орель, согрѣтый полдневнымъ солнцемъ, опъ, снова расширяетъ свои крылья, мощно ударяетъ ими, но не на долго, — силы скоро его оставляютъ, и упавшій органъ его измѣняетъ ему каждую минуту.

Парижскія актрисы, которыя споль въ кулисахъ, ожидаютъ минуты выхода своего на сцену, надѣваютъ обыкновенно корошенькія апласныя, легко вапированныя манпильи. Этѣ манпильи называются: *Crispins*.

По извѣстіямъ изъ Мадрипа, въ ночи съ 25 на 26 Декабря минушнаго 1850 года, въ изобилующей водою рѣкѣ *Дуеро* произошло весьма замѣчательное явленіе: Многіе мельники, между городами *Роа* и *Аранда*, замѣтили часу въ 2 ночи, что мельницы ихъ вдругъ

установились. Они не могли понять причины тому до самого разсвѣта. Каково же было удивленіе ихъ, когда они замѣтили, что широкое и глубокое русло рѣки совершенно сухо! . . . Ощущеніе воды было довольно продолжительно, и рѣка наполнилась снова не прежде 10 часовъ утра. То же самое случилось и на рѣкѣ *Альба-де-Торма*, въ Эспрамадурѣ.

СО Д Е Р Ж А Н І Е №. XXV.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза:* Любовныя Шутки. (Повѣсть Фанъ-дерь-Фельда, на заданныя слова.) *Стихотворенія:* Годуновъ, Драматическая сцена. **БИБЛИОГРАФІЯ.** *Сиротка*, альманахъ на 1851 годъ. **СМѢСЬ.** Жозефина Дюшенуа. **НОВОСТИ.**

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 24 Марта 1851 года.

Ценсоръ *О. Сенковскій.*

С.-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ВѢСТНИКЪ.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

П Р О З А

Л Ю Б О В Н Ы Я Ш У Т К И.

(ПОВѢСТЬ ФАНЪ-ДЕРЪ-ФЕЛЬДЕ, НА ЗАДАННЫЯ СЛОВА.)

(Окончаніе.)

Т Ю Р Ь М А.

Чтобъ не быть задавленною длиннымъ рядомъ шланувшихся экипажей, Беата, послѣ обѣда пробиралась сторовою къ Графскому замку. Идя по худо ей извѣстной тропинкѣ, она вдругъ очутилась у городской тюрьмы, съ трепетомъ смотрѣла она на покрытые ржавчиной замворы и рѣшетки, на почернѣвшія отъ времени стѣны и обшную желѣзомъ дверь; какъ вдругъ, эша дверь отворилась, изъ нее тихо вышла прелестная дѣвушка, роскошная грудь которой только слегка была прикрыта косынкою, а лазурно-голубые очи блистали слезами. Болзливо смотрѣла незнакомка вдоль уединенной дороги. Беата слѣдовала за ея взорами, какъ въ то же время увидѣла подлѣ радостно вскричав-

шей дѣвушки знакомое ей лице. То былъ Шшурмъ, закутанный въ плащъ. Кровь ошановилась въ жилахъ Беаты и змѣя ревности впила въ ея оскорбленное сердце. Незнакомая красавица съ словами: „мой Робертъ!“ упала въ объятія Шшурма; а шопъ, произнесъ съ какою-то шоржесшвенною нѣжностію: „моя Амалія,“ крѣпко прижалъ ее къ груди своей, нанечашлѣвъ на ушахъ ея пламенный поцѣлуй. Въ это время шоремщикъ высунулъ въ окно разордѣвшееся ошъ вина безобразное лице свое, и съ глупымъ смѣхомъ пригласилъ прекрасную чешу войши въ комнату пошогрѣшья. Они вошли и дверь захлопнулась за ними.

„Я обманута, обманута!“ вскричала, рыдая несчастная Беата, и удвоивъ шаги свои, очутилась скоро подъ колоннадою Графскаго замка, и тамъ волнуемая различными чувствами, съ убійственной шоскою въ сердце, сѣла на мраморную скамью.

Р у ж ь е.

Лишь только Секретарь Шшурмъ на генеральной пробѣ комедіи: *Страсть блистать*, въ роль Юнкера Ганго хопѣлъ перелезши черезъ заборъ, чтобы подкараулиши свою Беату, представлявшую дочь школьнаго учителя, какъ его позвалъ къ себѣ Графъ, старый весельчакъ, и покровитель молодого Секретаря.

Вы довольно надѣлали глупостей, господинъ Секретарь,—началь Графъ сурово—пора вамъ переспать. Я все знаю. Хорошо ли, скажите, писать симпатическими чернилами приглашительныя карточки, пугать людей арбузами, лазить во второй эпажъ за пѣмъ, чинобы подасть своей Дульцинеѣ розу, бить орѣхами окна и носы, въ костюмѣ егеря пробираться въ дома, назначать свиданія въ пиоремной караульнѣ? Приспало ли все это Графскому Секретарю? Вы уволены опть вашей должности!“

Покраснѣвъ до ушей, бѣдный Секретарь, заикаясь, едва могъ сказать нѣсколько словъ въ свое оправданіе.

„Да, мой другъ, я знаю все, что съ вами случилось вчерашняго дня—продолжалъ Графъ, смягчивъ голосъ—и даже самыя причины вашихъ поступковъ; что же касается до вашей отставки; то этого нельзя уже перемѣнить: я назначилъ васъ Совѣшникомъ Правленія. Штурмъ въ нѣмомъ восторгѣ благодарилъ Графа.

„Я даже готовъ бытъ вашимъ сватомъ и ручаюсь за согласіе стараго Лемейна, но не иначе какъ подъ условіемъ!“

„Какимъ, Ваше Сіяшельство?“ спросилъ Штурмъ.

„Я бы хотѣлъ видѣть опытъ вашего проворства въ любовныхъ дѣлахъ, которое мнѣ

зпакъ много нахвалили. Вы, какъ мнѣ кажется, въ ссорѣ съ вашею любезною, примиритесь съ нею въ продолженіе генеральной пробы, но смотрите съ тѣмъ, чтобъ не скрываться отъ взоровъ несчастнаго Ванце, а какою нибудь замысловатою выдумкою постарайтесь удержатъ его на мѣсѣ. Понимаете?»

„Совершенно! но какъ приступитъ къ этому?“ отвѣчалъ Штурмъ пожимая плечами.

Что тупъ долго думать! сказалъ Графъ: скорѣе къ дѣлу!“ и они пошли къ госпямъ.

Въ промежуткѣ пробы удалось новому Совѣтнику упросить Беашу, чтобы она въ комнатѣ, примыкавшей къ Гардеробу объяснила ему причину своей тихой скорби и выслушала бы его оправданіе.

Едва Беапа, еще съ признаками неудовольствія на лицѣ, послѣдовала за Штурмомъ, какъ Ванце съ книгою въ рукахъ, и подъ предлогомъ что въ слѣдующей сценѣ онъ долженъ имъ суфлеровать, пустился за ними.

Штурмъ въ опчаяніи, вспомнилъ трагикомическое приключеніе прошедшаго утра, схватилъ ружье, принесенное ему для роли Юнкера Ганга и высунулъ его изъ боковой комнаты въ гардеробъ, такъ, что оно непременно должно было задѣнъ входящаго Ванце. Сей послѣдній попятился назадъ, выныгивавъ шею, хотѣлъ приблизиться снова, но ружье

пугало его, и онъ провелъ наказимъ образомъ адскую четверть часа, бормоча себѣ подъ носъ и ворочаясь на цыпочкахъ во всѣ стороны. Между нѣмъ любовники заключили миръ: Беата успокоилась онъ одного увѣренія Штурма, что онъ не переставалъ любить ее и былъ ей вѣренъ. Они опложили объясненіе пріключенія въ шюрмъ до удобнѣйшаго случая.

„Браво!“ сказалъ спарый Графъ, возвращавшемуся побѣдителю.

Н Е З А Б У Д К А.

„Pour changer de matière,“ сказалъ Графъ господамъ, собравшимся вокругъ чайнаго стола: pour changer de matière, я расскажу вамъ весьма трогательную повѣсть изъ жизни людей средняго класса. Заглавіе этой повѣсти *Дѣтская любовь.*“

„Je suis bien surseux:“ прокарнавиль вертѣвшійся на одной ножкѣ франтикъ съ бакенбардами, поправляя свои щетинистые волосы.

„Изъ жизни людей средняго класса?“ проворчалъ съдой помѣщикъ. Графъ началъ:

„Мой Секретарь Штурмъ и милая сестра его Амалія, дѣти вдовы одного бѣднаго адвоката. Справедливость довела его съ женою и дѣтьми до нищенскаго посоха. Сынъ, принужденный съ смертію отца оставить юридическое поприще, поддерживалъ существова-

нiе больной своей машери, о которой не менѣе заботилась и дочь ея. Чшобы заплашить по одному, въ полномъ смыслѣ слова, аптекарскому счету, сынъ пошелъ въ солдашы и едва успѣлъ вручить рыдающей машери остатокъ полученныхъ имъ денегъ, какъ громкій звукъ трубъ призвалъ его подъ знамена. Въ одномъ жаркомъ дѣлѣ я узналъ Шшурма и сдѣлалъ его моимъ Секретаремъ. Часы досуга онъ посвящалъ неусыпнымъ шрудамъ, этими шрудами и своею бережливостію скопилъ онъ, наконецъ, порядочную сумму денегъ и послалъ ихъ своей машери. Но деньги присланы обратно; война превратила въ пепель шопъ городокъ, въ копоромъ проживала бѣдная вдова. Миръ собралъ насъ здѣсь. Шшурмъ напечаталъ въ газетахъ извѣстіе о своемъ мѣсшопребываніи. Машь, узнавъ объ этомъ, пускается въ путь съ дочерью и проходить 12 миль пѣшкомъ, чшобы хотя еще разъ увидѣть своего единственнаго сына. Но по неоспорожности, свойственной чшестной совѣсти, забывъ о столь нужномъ въ эти смущенныя времена паспортѣ, была задержана въ ближайшей оксюда деревнѣ и посажена вмѣстѣ съ дочерью, въ здѣшнюю шюрму. Тамъ разыграна прогашельная сцена перваго свиданія. Я хочу продолжить эту драму, Мм. Гг. и, для контраста, сегодня вечеромъ за моимъ шшоломъ, мы будемъ празд-

говашь милосердіе Творца, некущагося о сирыхъ.

„C'est fort touchant!“ сказала молодой человекъ, сидѣвшій подлѣ Аделаиды, старшей дочери Графа.

„C'est du dernier bourgeois!“ подхватила, похочая на Индѣйку, пожилая придворная дама.

„Восхищительно!“ думалъ Ванце, но въ то же мгновеніе Беаша съ словомъ: „просни“ на пренециющихъ успахъ, скрыла покраснѣвшееся лице свое на груди добродѣтельнаго сына.

„И шакъ, Милосп. Государи, вошъ виновники праздника!“ воскликнулъ добрый Графъ и представилъ высокородному обществу Штурмову машь и его сесипру, которя, къ удивленію присуществующихъ, были прилично одѣны; объ эпомъ позаботились Графини.

„Сударыня, продолжалъ онъ обращаясь къ Амалии—не угодно ли вамъ представишь вашей мапушкѣ невѣсту моего Совѣтника Правленія?

Души сродвившихся полешѣли на встрѣчу другъ другу: машь, дочь, сынъ и невѣста, слились въ одну счастливую группу.

Графиня Аделаида спяла съ своей прелестной груди букетъ искусственныхъ, изъ драгоценныхъ камней сдѣланныхъ, незабудокъ, и приколола его восхищенной Беашѣ, сопровождая свой подарокъ поцѣлусь.

„Пусть послужитъ это—сказала она—воспоминаніемъ благородства души вашего жениха и порукою въ помѣ, что признашительный сынъ будетъ и добродѣтельнымъ супругомъ.“

Колесблясь между бѣшенствомъ и ханжествомъ, приблизился несчастный Ванце къ Графу.

„Ваше Высокографское Сіятельство, — сказалъ онъ—не благоугодно ли вамъ будетъ замѣшиться, что я уже всенижайше имѣю честь бытъ женихомъ дѣвицы Беаты Лемлейнъ, consensu, п. е. съ согласія ея дяди и опекуна.“

„А, очень хорошо, любезный Ванце, благодарю васъ, что вы мнѣ объ этомъ напомнили. Я бился объ закладъ съ Г. Совѣшникомъ Правленія, проигралъ; и долженъ сдержанъ мое слово. Карепу!“ закричалъ веселый Графъ въ окно, и въ торжественномъ блескѣ, украшенный всеми знаками почестей, поспѣшно сошелъ въ низъ по лѣстницѣ, забывъ даже взять шляпу.

Спрямываясь побѣжавъ за нимъ Шпурмъ: „я осмѣливаюсь просить васъ, Графъ . . .

„Знаю! . . . положитесь во всемъ на меня. Подише, шамъ ждутъ васъ.“

„Чтобы снова попастьъ въ пламя поздравленій, я и безъ того уже горю!“

„Такъ велите вызвать прелестную вашу невесту и прогуляйтесь съ нею въ пар-

кѣ. Она, вѣрно, пошчасъ явится. Въ случаѣ успѣха, я велю звонить въ колокола на башнѣ, какъ въ свѣпмый день пасхи. Прощайше.“

Быспро покапилась карета и удрученный блаженствомъ юноша, склонилъ свое пылающее лице къ мраморной ешапуѣ Аполлона, стоявшей у входа.

К о л о к о л ь.

Шшурмъ послѣдовалъ совѣпу Графа: рука съ рукой шли любовники по хрункому снѣгу. Солнце уже клонилось къ западу и великолѣпно позлащало прекрасную зимнюю картину. Дымъ взвивался столбомъ изъ прубѣ ближняго села, глубокая пишина царспивовала кругомъ. Полная луна разсыпала мерцающій блескъ по небесной синевѣ и уже проблескивали, кое гдѣ, звѣзды сквозь безоблачную лазурь. Молча взирали Шшурмъ и Беаша на это великолѣпное зрѣлище и были недвижны, только блескъ глазъ ихъ, только сильное бѣненіе ихъ сердець, возвѣщали въ нихъ жизнь.—Вдругъ раздался съ башни привѣпный звонъ колокола и радоспно опозвался въ душахъ упоенныхъ блаженствомъ и безгласны (величайшая радость и горе немногорѣчивы) поверглись они въ объпшія другъ друга.

В е ч е р н я я з а р я.

Между пѣтмъ солнце совершенно закатилось и его прощальный блескъ освѣщаль го-

ризонть на западъ, какъ бы предвѣщая тѣмъ лучшій міръ. Каждый холмъ, убѣленный свѣтомъ, каждое дерево, каждый кустъ опушенные инеемъ, украшались пурпуровыми вѣнками, какъ отблескомъ прощальнаго поцѣлуя дневнаго свѣтила; и синева небесная и позлащенная облака казались Ангелами, низпосылавшими вѣчную любовь и священную шишину на мятежную землю.

Между тѣмъ Робертъ и Беатра позабыли вовсе о блестящемъ предсавленіи.

Посланный Графомъ слуга возвѣспивалъ имъ, что время возвратиться въ замокъ. Тамъ достойный служитель церкви соединилъ прекрасную чету на жизнь и смерть, на радость и горе здѣшней жизни, — и утренняя заря слѣдующаго дня застала супруговъ еще счастливейшими.

Съ Нѣмецъ. С. Каратевъ.

С Т И Х О Т В О Р Е Н І Я.

К ъ * * *

О какъ вы злы! О какъ вы злы!
 Не редко мнѣ на мысль приходишь,
 Когда въ надеждѣ похвалы,
 Рѣчь вяло-пошлую заводишь,
 Самонадвѣнный глупецъ,
 Едва сидишь вамъ, вы ждёте

И часто взоромъ намекаете:
 Ахъ! скоро будетъ ли конецъ? —
 Когда случится пенарокомъ
 Попасть въ блестящій, свѣпый кругъ,
 Гдѣ врагъ ласкается, какъ другъ . . .
 За чѣмъ ваше взглядъ горитъ упрекомъ?
 За чѣмъ съ насмѣшкой на устахъ
 Внимаете болпашью куколь:
 О невѣстной прическѣ пуколь,
 Объ Энгельгардовскихъ балахъ? . . .
 Но виновать! — я слишкомъ много,
 Кажися мнѣ, наговорилъ
 Боюсь, чтобъ вкусъ меня вашъ спрого
 Въ мою чреду не осудилъ.
 Мнѣ, признаюся, было бь больно
 Предметомъ вашей быть хулы
 И я воскликнулъ бы невольно:
 О какъ вы злы! О какъ вы злы! .

М.рс.

Т Е А Т Р Ъ.

П и с ь м о и з ь К і е в а . . .

Къ Издателью С. п. б. Вѣстника.

26 Февраля 1851-

Я никогда не думалъ писать къ тебѣ изъ Кіева, и о шамошнемъ шеапрѣ;—но предспавъ себѣ мое удивленіе, когда, проживъ здѣсь нѣсколько дней, я услышалъ, что хояпашъ играшь *Горе отъ ума!* Долго не

вѣрилъ я этому слуху; напослѣдокъ печатная афиша разувѣрила мое невѣрїе.—Запасшись билетомъ, я съ неперивѣиємъ ожидаю вечера, и въ шесть часовъ пускаюсь въ театръ. Внутренность его очень недурна и расположеніемъ своимъ напомнила мнѣ нашу *Малый театръ*. Ложа Военнаго Губернатора оплачивается отъ прочихъ убранствомъ и освѣщена кенкетною. Вошь зашумѣла увертюра, въ родѣ пѣхъ, какими угощали насъ въ Петербургѣ подъ качелями; — открывається занавѣсъ и *Лиза* преважно изволишь сидѣть въ креслахъ; являється *Фалусовъ*, (первая сцена перепутана и изковеркана безъ милосердія,) онъ показался мнѣ болѣе задорнымъ, практирнымъ гулякою, нежели знатнымъ или хотя полужнатнымъ баринномъ; я боялся, чтобы онъ, размахивая безпрестанно руками, не задѣлъ бѣдную *Лизу*, которал, сказавъ мимоходомъ, не дурна собою, играетъ хорошо и, право, не уронила бы своей роли и на столичномъ театрѣ. Выходитъ *Софья Павловна* съ *Молчалинымъ*, личико ея и туда и сюда, но что за шалия! что за турнюры! . . . Къ тому жъ, она ужасно картавила и вовсе не умѣетъ читать стиховъ.—*Молчалинъ* былъ скромнъ и сноснъ . . . . Громкія рукоплесканія встрѣтили *Чацкаго*; но по первому, произнесенному имъ стиху:

»Чуть свѣшь ужъ на ногахъ, и я у вашихъ ногъ!»

Я узналъ птицу по полету! . . . Надобно сказать тебѣ, что *Чацкаго* представлялъ первый Кіевскій трагикъ, (здѣсь пускаются и въ трагедіи!!) и предша-

вплъ живой порпретъ знамениаго *Булюва*; не доставало только *картуза съ козырькомъ*. За то, въ него принарядился *Платонъ Михайловичъ*, вышедшій на сцену какимъ-то *Фигляромъ* и помиравшій со смѣху, при каждомъ своемъ словѣ. Что сказать про *Наталью Дмитріевну?* (въ афишѣ названа она молодою вдовою, а на балъ прѣехала съ мужемъ!) (*) это, просто, старая ключница въ платьѣ своей барыни. Полковникъ *Скалозубъ* представленъ дряхлымъ Инвалидомъ, который то и дѣло почесывалъ свой зубъ; а *Князь Тугоуховскій*, въ поношенномъ красномъ, съ блестками кафтанѣ, былъ, ни дать ни взять, нашъ Бригадиръ, прошедшаго столѣтія. — Въмѣсто *Репетилова*, вертопраха моднаго свѣпа, я видѣлъ сумасшедшаго, сорвавшагося съ цѣпи: что за ахинею городилъ онъ! что за кривлянье! что за *лалація!* . Къ довершенію очарованія, онъ прѣехалъ на балъ въ черномъ фракѣ и въ лѣтней соломенной шляпѣ! . Очень кстапи, когда было десять градусовъ мороза! . . О прочихъ актерахъ и говорить нечего: это починья конія съ каррикатуръ Орловскаго . . . Если бы *Грибоѣдовъ* вос-

---

(*) Въ этой афишѣ, присланной къ намъ подлинникомъ, мы начинали довольно и другихъ диковинокъ; на примѣръ Комедія *Ура отъ ула* названа большою Комедіею въ 4-хъ дѣйствіяхъ, сочиненіа Г. *Грибоѣдова*; Павелъ Афоняевичъ *Фамусовъ* — *Московскій житель*; въ числѣ дѣйствующихъ лицъ есть: *Старуха Хласснова*, да *множество гостей всякаго разбора и лаки*; — etc. etc.

крестъ хопя на эпопѣй вечеръ, и посмотриль, какъ безжалостно изуродовали его Комедию, онъ умеръ бы снова на мѣсѣ! . . . Горе актерамъ, которые безъ ума берутся играть *Горе отъ ума!* . . . . .

Е. Заг . . . . . й.

С М Ъ С Ь.

Ж о з е ф и л а Д ю ш е н у а.

(*Окончаніе.*)

Такимъ образомъ, дѣвица Дюшенуа заняла мѣсто, достойное ея таланта;—но она была слишкомъ скромна и, благодаря доброму *Леэуве*, довольно образована, чтобы не видать, что ей не достааетъ еще многого. Она сообщила свои сомнѣнія Г-жѣ *Монтессанъ* и Г. *Леэуве*, которыми чувствовала себя столь много обязанною.—*Леэуве* соглашался съ нею, но объявилъ, что онъ, съ своей стороны, сдѣлалъ все для образованія ея таланта; собственно же, въ такъ называемыя сценическія панисства можетъ посвящать ее только артистъ. По предложенію *Леэуве*, извѣстный образователь многихъ юныхъ талантовъ, актеръ *Флорансъ* согласился довершить образованіе Жозефины, успѣхи коей вполнѣ вознаграждали труды его! . . . Появленіе дѣвицы Дюшенуа на сценѣ всполошило, такъ сказать, весь театръ; Дѣв: *Рокуръ* бросала перуны на новую пришлицу, угрожавшую ея славу и

доходамъ, сопряженнымъ съ эпою славою! . . Не смотря на то, что ей было только 42 года отъ роду, органъ ея пострадалъ уже много, отъ спановилея непріятно-грубимъ;—и она чувствовала сама, что не можетъ долго удерживать за собою пальму первенства, что должна уступить ее другой, — но только отнюдь не дѣвицѣ Дюшенуа! Вотъ почему Дѣв. *Рокуръ* рѣшилась, напоследокъ, вывести на сцену дѣвицу *Жоржъ*, образовавшую ею для театра: она надѣялась, что собственная ея слава проживетъ еще долгія лѣта въ славу ея питомицы.—*Жоржъ*, прелестнѣйшая женщина, какую когда либо видали на Французской сценѣ, обладала съ избыткомъ и прекраснымъ талантомъ; — Дюшенуа, напротивъ того, не могла похвастать своею паружностью: при стройномъ ростѣ, лице ея было почти безобразно. Парижане, ослѣпленные прелестями дѣвицы *Жоржъ*, принимали ее съ восторгомъ, близкимъ къ энтузіазму, и вскорѣ, почти никто не думалъ болѣе о бѣдной *Жозефинѣ* Дюшенуа. Три мѣсяца сряду (въ теченіи коихъ продолжались дебюты дѣвицы *Жоржъ*), объ ней не говорили ни слова, и казалось, что звезда ея, которая такъ быстро и съ такимъ блескомъ взнеслася на драматическій горизонтъ, столь же быстро и безъ слѣда закатилась снова! . . *Рокуръ* торжествовала уже свою побѣду,—Дюшенуа упала уже духомъ, какъ благороднымъ покровителямъ ея удалось изморгнуть ее изъ бездѣйствія.—Въ Февраль 1805 года *Жозефинѣ*

на снова явилась на сценѣ, въ роляхъ: *Алсанда* и *Ариадна*, и всѣ голоса были снова въ ея пользу. Въ доказательство того, какъ много уважала ее публика, даже въ первый годъ ея сценическаго поприща, приведемъ здѣсь одинъ случай: послѣ перваго представленія *Поликсены*, когда Дюшенуа въ роль *Гекубы* принимали съ повымъ воспоргомъ и громкими рукоплесканіями, самая же прагедія была освистана, и по заведенному порядку, долженствовала бы вовсе исчезнуть съ репертуара, вышлемъ на сцену, бывшій тогда Режиссеромъ, актеръ *Семень*, и возвѣстилъ для слѣдующаго спектакля другую пѣсу. Тутъ со всѣхъ сторонъ раздался громкій крикъ: »*Поликсену! Поликсену!*« и шочно: эпю прагедію давали потомъ три дни сряду;—небывалый примѣръ въ Théâtre Français! *Климентстрога*, въ *Агамемнонѣ*, соч. *Лемерсье*, дѣвица Дюшенуа еще болѣе утвердила свою славу. *Рокуръ* и *Жоржъ* были внѣ себя, досада ихъ доходила до бѣшенства, и они рѣшились, во что бы то ни спало, другими средствами достигнуть побѣды. — Вѣсьмъ извѣстно вліяніе журналистики на міръ искусства въ Парижѣ.—Дѣв: *Рокуръ* умѣла заинтересовать въ свою пользу критика *Жофроя*, писавшаго съ 1800 года статьи о театрѣ въ Journal des Debats. Онъ формально взялъ сторону дѣвицы *Жоржъ*, и преслѣдовалъ Дюшенуа со всею злостью своей остроты. Мнѣнія взволновались, публика раздѣлилась на двѣ опчаянныя паршіи; *Жофроя* не уставалъ, своимъ

крипиками, подливать въ огонь масло: онъ до небесъ превозносилъ *Жоржъ*, и осыпалъ Дюшенуа насмѣшками.—*Théâtre Français* спалъ точной копіей извѣснаго, во время оно, *Константинопольскаго Гипподрома*, гдѣ враждовали паршии *Голубыхъ* и *Зеленыхъ*!

Но все было тщетно! блистательный палантъ *Жозефины* и пристрастные крипики *Жофроя*, смискивали ей болѣе и болѣе друзей; наконецъ, и самые враги ея опспали отъ безполезнаго боя. Дѣв: *Рокуръ* съ каждымъ днемъ правила меньше; эту горькую истину доказало ей представленіе Корнелевыхъ *Горациевъ*. Извѣстно, что первая женская роль въ этой трагедіи есть роль *Камиллы*; *Сабину* играла обыкновенно одна изъ Конфиденпокъ. Едва въ Комитетѣ зашла рѣчь о томъ, чтобъ *Камиллу* передать дѣвицѣ Дюшенуа, какъ Дѣв: *Рокуръ* завладѣла, такъ сказавъ, эшою ролью и Дюшенуа должна была представлять *Сабину*. Что же вышло?.. *Жозефина* умѣла придать такую прелесть и незначительной своей роли, что энтузіазмъ публики былъ невыразимъ; ее вызвали по окончаніи піэсы, а *Рокуръ* едва замѣнили въ главной роли. Эшо до того взбѣсило ее, что она не являлась болѣе въ *Камиллѣ*, и съ тѣхъ поръ удаляясь по немногу отъ театра, путешествовала въ провинціяхъ, и, наконецъ, совершенно переселилась въ Неаполь, по возшествіи *Мюратта* на тамошній престолъ. Никто не сожалѣлъ объ ней; *Жоржъ* и *Дюшенуа* съ избыткомъ замѣнили ее. Въ особенности послѣдняя болѣе и

болѣ выигрывала благосклонность публики. Къ этому способствовалъ не мало одинъ, по видимому, мало-важный случай: Ренуаровы *Рыцари храма*, принятыя съ необыкновеннымъ воспоргомъ, сдѣлались, пакъ сказать, *денежною* піэсою, въ полномъ смыслѣ сего слова; ихъ давали довольно часто:—*Жоржъ* занимала роль Королевы. — Однажды, когда афиши были розданы, вздумалось ей, по какому-то капризу, объявить, что она не можетъ играть сего дня. Тщешно Комитетъ пыпался убѣдить ее сдѣлать это одолженіе, тщешно посланный къ ней Докторъ увѣрялъ, что находитъ ее въ добромъ здоровьи;—она отвѣчала рѣшительно, что не будетъ играть.—Комитетъ принужденъ былъ поступить серьезно: онъ приказалъ объявить дѣвицѣ *Жоржъ*, что Докторъ не находитъ ее больною, что піеса уже на афишѣ, слѣдовательно она должна играть непременно!—Отвѣща не было, и Комитетъ полагалъ, что театральная Королева образумилась. — Наступилъ вечеръ, но *Жоржъ* не являлась; нигдѣ не могли отыскать ее. Кто знаетъ Парижскіе театры, тому вѣроятно извѣстно, какія послѣдствія влекутъ за собою подобныя случаи, въ партерѣ. Поднялся ужасный ропотъ, когда наступилъ часъ предспавленія, и не могли начать трагедіи. Нельзя было и подумать отподчивать публику другою піэсою . . . . *Флорансъ*, эпитъ *Semainier perpétuel*, выходитъ на сцену—и все умолкаетъ. — Онъ говоритъ; что нигдѣ не могутъ отыскать дѣ-

вицы *Жоржъ*, что роль ея принимаетъ Дюшенуа, но такъ, какъ она не учила этой роли, то и проситъ позволенія чинпать ее по пешради. — Съ шумною радостію дано позволеніе—и Дюшенуа (чинпатель вспоминаетъ, каково чинпывала она на вечерахъ у Г-жи *де Монтессанъ*.) прочла эту роль, судя по единоголосному опзыву знапоковъ, гораздо лучше, нежели какъ игрывала ее дѣвица *Жоржъ*. — Публика была въ энпузіазмѣ.—*Жоржъ* вскорѣ почувствовала сама, какъ много потеряла она чрезъ свою безразсудность; ей стоило не малаго труда снискаты снова прежнюю благосклонность публики. — На привапиомъ театрѣ Императора въ Ст. Клу, Дюшенуа, въ роль *Андромахи*, заслужила полную признательность погдашняго властителя Франціи, и награждена опъ него богатѣйшимъ подаркомъ. — Такъ побѣдила она всѣ инприги зависти, и изъ мрака ничтожества, единственно паланпиомъ своимъ, вознеслась въ свѣтлое царство славы, славы, копорую повшорляетъ вся Франція и почти вся Европа.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ непрерывной дѣятельности, Дюшенуа почувствовала, что здоровье ея разстроилось, и съ 1808 года почти совершенно оставила театр. — Я познакомился съ нею (говоритъ Нѣмецкій авторъ, изъ котораго мы заимствуемъ эту стапню), въ первую поѣздку мою во Францію, въ 1811 году, на водахъ въ *Archambaude*. Тамъ бывала она на вечерахъ у Герцогини *М . . .* и *Д . . .*, куда

приглашали и меня. Дюшенуа имѣла средній, стройный ростъ, лице слишкомъ непріятное, — но глаза, исполненные огня и выразительности. — Голосъ ея благозвученъ чрезвычайно. — Въ обращеніи она скромна безъ жеманства. — По убѣдительной просьбѣ общества, она декламировала нѣсколько мѣстъ изъ трагедій и одно стихотвореніе *Лобрюля*. Чѣмъ болѣе увлекалась она жаромъ декламаціи, тѣмъ болѣе облагораживалось все существо ея; даже черпты лица принимали другую форму; она казалась вдохновенною и обворожала всѣхъ. — Прошло нѣсколько лѣтъ, здоровье Дюшенуа поправилось и въ 1822 году она, въ полномъ блескѣ своей славы, явилась опять на сценѣ; — но не надолго, въ 1825 году говорили уже, что Дюшенуа, предвидя упадокъ своего органа, намѣрена все оставить театру. — Какъ бы то ни было, слава ея не умретъ въ лѣтописяхъ Французскаго театра!

Н О В О С Т И.

22 Февраля бѣжали изъ Бордо Директоры обоихъ тамошнихъ театровъ. Не замативъ ничего кредиторами, они захватили съ собою весь мѣсячный сборъ. Театры въ эпопуъ день осматривались закрытыми.

Въ Венеціи, на Театрѣ Felice давали 22 Февраля съ большимъ усиліемъ, новый балетъ, соч. *Морозини*: *le due Regine*.

Нѣкоторые молодые люди въ Парижѣ давали недавно, *Soirées gastronomiques*. Въ приглашеніяхъ было сказано: отъ 9 до 11 часовъ, экарпе, пушшъ и бишефъ; въ полночь пастетъ, приюфели и Шампанское. Должно надѣяться, что этотъ обычай не выдешъ изъ моды и что, со временемъ, къ приглашеніямъ на обѣды и ужины билетамъ будутъ прилагаться реестры кушаньямъ, дабы каждый изъ гостей видѣлъ, какъ ему распорядишься своимъ аппетитомъ.

Паганини возвратился 27 Февраля въ Парижъ.

Въ Эдимбургѣ скончался 14 Января вѣчеромъ Англійской словесности *Генрихъ Маккензи*, на 86 году отъ рожденія. Онъ подвизался, со славою, на литературномъ поприщѣ слишкомъ 60 лѣтъ.

СОДЕРЖАНІЕ №. XXV.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ. *Проза*: Любовныя Шутки. (Повѣсть Фанъ-дерь-Фельде, на заданныя слова.) *Стихотворенія*: Къ * * * соч. *Мѣрс*. ТЕАТРЪ. Письмо изъ Кіева . . . къ Издателю С. п. б. Вѣспника. соч. *Е. Заг* . . . . . го СМѢСЬ. Жозефина Дюшенуа. НОВОСТИ.

КОНЕЦЪ II-го ТОМА.

ИЗЯЩНАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОЗА:	Стран.
Похожденіе Хаджи-Бабы въ Персіи и Турціи	- 1
Счастье игрока. Повѣсть Гофмана	- 25, 45, 65, 89
Соломенный рыцарь	- - - - - 109
Предзнаменованіе. Повѣсть Валперъ-Скопшта	- 133, 155, 177, 197
Любовныя шутки. Повѣсть Фашъ-дерь-Фельде	- 215 229, 249

СТИХОТВОРЕНІЯ:

Соломонъ, соч. <i>А. Г. Ротгева</i>	- - - - - 20
Стрывокъ изъ Комедіи: Новый караппицъ	- - - - - 54
Сонъ; соч. <i>И. И. Козлова</i>	- - - - - 50
Гадальщикъ; соч. <i>Ө. Н. Глинки</i>	- - - - - 76
Эпиграмма; соч. <i>В. Т.</i>	- - - - - 77
Русская пѣснь; соч. <i>Барона А. А. Дельвига</i>	- 101
П. Г. С. соч. <i>В. Н. Щастнаго</i>	- - - - - 102
Одиночество; соч. <i>П. Коз . . . ва</i>	- - - - - 124
Изъ Гейера {	- - - - - 147
Эпиграмма {	- - - - - 147
Первый снѣгъ; соч. <i>Ө. Н. Глинки</i>	- - - - - 170
Опѣздъ Русскаго Выпязя съ родины	- - - - - 193
Эпиграмма	- - - - - 210
Къ —	- - - - - 211
Совѣтъ другу; соч. <i>В. Н. Щастнаго</i>	- - - - - 225
Годуновъ	- - - - - 237
Къ * * *	- - - - -

БИБЛИОГРАФІЯ:

Граубиндець, или берегъ волшебницъ	- - - - - 105
Царствованіе Царя Алексѣя Михайловича	- - - - - 171
Загадки на свѣпки	- - - - - 194
Денница, альманахъ на 1851 годъ	- - - - - 211
Погребеніе кушца	- - - - - 224
Сиропка, альманахъ на 1851 годъ	- - - - - 241

ТЕАТРЪ:

Актеръ и музыкантъ, вод. въ 1 д.	- - -	54
Горе опъ ума, ком. въ 4 д.	- - - -	79
Эмилія Галопши прагедія;—Медея и Язонъ, балетъ		148
Письмо изъ Кіева, къ Изд. С. п. б. Вѣспника	-	259

СМѢСЬ:

Ташарская полипика	- - - - -	21
Афоризмы	- - - - -	41, 55, 130
Силуэтъ	- - - - -	42
Опѣвшъ Іосифа II	- - - - -	44
Отрывокъ изъ записокъ Бурьеня	- - -	56, 80
Журналистъ и чипапель	- - - - -	104
Дешевая и занимательная книга	- - - - -	105
Отрывокъ изъ письма въ Петербургъ	- - -	125
Пасквили	- - - - -	131
Комендантъ	- - - - -	150
Причина супружескихъ ссоръ	- - - - -	174
. . . . .	- - - - -	214
. . . . .	- - - - -	226
Жозефина Дюшенуа	- - - - -	242

НОВОСТИ: - - 22, 23, 62, 63, 105, 106, 107, 152,
195, 196, 226, 227, 246, 247

ИЗВѢСТІЯ: - - - - - 108, 175

МУЗЫКА, соч. Гертума, Липандера, Глинки,
Макарова при NN. 14, 16, 18, 20, 22, и 24.

С. П. бургъ. — Въ Типографіи Штаба Отдѣльнаго Корпуса
Внутренней Стражи.

Печатать позволяется: 28 Марта 1831 года.

Ценсоръ О. Сенковскій.